

Tyulemissov Madi مەدى ابو اصل

tmadi1@gmail.com

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

Б. Е. Кумекев

Тосуддарестбо
Камакев
IX-XIV вв.
по арабским
источникам

Издательство «НАУКА» Казахской ССР
АЛМА-АТА · 1972

Книга посвящена истории раннесредневекового Казахстана. В ней подвергнуты тщательному историко-географическому анализу историко-географические сведения, содержащиеся в средневековых арабоязычных и персоязычных сочинениях IX—XVI вв., о кимаках, которых можно считать предками казахского народа. Особое внимание уделено дешифровке текста и картографического материала ал-Идриси (XII в.), сообщения которого оказались чрезвычайно важными. Большое место в работе занимают вопросы этнической истории кимаков; реконструированы основные этапы сложения и развития кимацкого союза племен с середины IX до середины XI в. Впервые сформулированы и разработаны проблемы существования государства и городской культуры у кимаков. По-новому представлен социально-экономический строй кимацкого общества, в котором автор выделяет несколько хозяйственно-культурных типов — от кочевого скотоводства до земледельческого хозяйства.

Книга рассчитана на историков, востоковедов, преподавателей, аспирантов, студентов вузов и всех, кто интересуется историей Казахстана.

Ответственный редактор
Б. С. СУЛЕЙМЕНОВ.

ВВЕДЕНИЕ

Древняя история России неразрывно связана с миром раннесредневековых тюркских племен, ставших ее соседями с момента образования Киевской Руси. «Поле половецкое» и его обитатели были столь же неотъемлемой частью древнерусского представления о мире, как и могучий южный сосед — Византия. В этом лежат истоки специфического интереса русской историографии к кыпчакам-половцам, населявшим Подонье и Приднепровье, т. е. все то пространство, которое на Руси обнималось понятием «Половецкая степь». Азиатские истоки половецких племен, их далекая прародина либо не представляли никакого интереса для русских современников и участников мирных и немирных контактов с «Диким полем», либо этот интерес не нашел отражения в письменной традиции.

Позднейшая историография России (В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. Г. Василевский, П. В. Голубовский и др.) рассматривала историю кыпчаков в тех же пределах, т. е. в той ее части, которая непосредственно связана с историей Киевской Руси, хотя уже Н. М. Карамзин усматривал генетическую связь кыпчаков с киргизами (казахами) [155, с. 67]¹. Более глубокий интерес и иные аспекты изучения половецкой древности зародились лишь сравнительно недав-

---

¹ В квадратных скобках указаны порядковый номер литературного источника по списку, приведенному в конце книги, затем том или выпуск и страница или листы, на которые ссылается автор.

но; состояние этого нового этапа исследований отражено в советской историографии трудами М. И. Артамонова, С. А. Плетневой, Г. А. Федорова-Давыдова [27; 250; 313] и др.

Иначе сложилась историографическая судьба тех первоначальных сведений о кимако-кыпчакских племенах, которые содержались в ранней арабской и персидской географической и исторической литературе (IX—XIII вв.). В течение нескольких веков они откладывались где-то на периферии мусульманского *Imago Mundi* («Изображения мира»). Сильно возросший интерес к ним проявился в XIII в., когда кыпчакские мамлюки в Египте неожиданно поднялись до высот власти и создали собственную династию (1250—1517). Они оказались единственной силой на Ближнем Востоке, способной противостоять монгольским завоевателям и наследникам первых крестоносцев. После своих побед над монголами и крестоносцами мамлюки, а вместе с ними и сведения о кимако-кыпчакских племенах, оказались в центре внимания арабской историографии Ближнего Востока.

Эта традиция поздней арабской историографии и стала в первую очередь доступной европейским исследователям, внимание которых к мамлюкской династии и собственно кыпчакам не выходило за рамки общего интереса к истории мусульманских соседей Европы. Во всяком случае, в трудах д'Эрбело (1625—1695), Жозефа Дегиня (1721—1800) и И. Хаммера-Пургшталля (1774—1856), писавших о кимаках по сведениям Ибн ал-Варди (XIV в.), Шукруллаха (XV в.), Мухаммеда Катиба (XVI в.) и Хаджи Халифы (XVII в.) [396, с. 516; 373, с. LXIX, LXXIV—LXXV; 392, с. 106—107, 122, 128—129], нашла отражение именно сиро-египетская (мамлюкская) традиция их описания, традиция поздняя, а потому сугубо компилятивная, путаная, слишком сложная для анализа без изучения более древних источников. Не удивительно, что первые в европейской научной литературе сведения о кимаках по существу не оказали никакого влияния на дальнейшую разработку этой темы.

Обращение к оригинальным арабским источникам IX—XIII вв., где упоминались кимаки, позволило во второй половине XIX в. выявить целый ряд достовер-

ных сведений о них, содержащихся в работах А. Шпренгера, Г. Юля, А. Вамбери, В. В. Григорьева.

А. Шпренгер опубликовал некоторые выдержки о кимаках из сочинений Ибн Хордадбега (IX в.), Кудамы ибн Джафара (X в.), ал-Истахри (X в.), Ибн Хаукаля (X в.), ал-Идриси (XII в.) [467; ср. перевод: 246]. Г. Юль впервые сопоставил сведения о кимаках в арабских источниках (ал-Масуди, ал-Идриси, Ибн ал-Варди) со сведениями в китайских источниках о народе кумохи. Хотя это сопоставление, повторенное затем В. В. Григорьевым, не нашло подтверждения (см. ниже), само использование арабских географических сочинений позволило Г. Юлю правильно локализовать кимаков в Прииртышье [494, с. CLXXXVII—CLXXXVIII]. А. Вамбери сравнительно правильно идентифицирует территорию кимаков среди земель прочих «восточных тюрков» и предупреждает, что не следует смешивать кимаков с северокавказскими кумыками [481, с. 23; ср. 465, с. 35].

В. В. Григорьев, сравнивая многие сообщения арабских авторов, впервые делает попытку локализации некоторых географических объектов, описываемых ал-Идриси [112], в стране кимаков². По его мнению, кимаки всех нарративных источников — народ, расселявшийся в Монголии, идентичный с народом кумохи китайских источников [114]. Известное воздействие на позднейшую литературу оказала гипотеза В. В. Григорьева о смешении у ал-Идриси кимаков и киданей. При объяснении причин набегов и войн кочевых племен В. В. Григорьев обходил внутренние противоречия кочевого общества и исходил из представлений, согласно которым вторжение кочевников в области оседлых народов происходило вследствие «толчков, которые вторгавшиеся получали сами сзади или с боков от других соседних и почему-либо сильных кочевников», что «гонимые и преследуемые сами тотчас же обращаются в победителей и преследователей» [115, с. 11—12].

С работами В. В. Григорьева связаны и некоторые взгляды В. В. Радлова, локализовавшего кимаков на Иртыше и Алтае [262, с. 119]³. Н. А. Аристов, привле-

² О научных взглядах В. В. Григорьева см. 91.

³ О научных взглядах В. В. Радлова см. 56, с. 164—189.

кая письменные источники, отмечал этническую близость кимаков с кыпчаками [22, с. 312]⁴.

Вместе с тем до критического издания арабских источников их использование всегда было эпизодическим и зависело от пересказов немногих исследователей, обращавшихся непосредственно к рукописям. Прочные основы востоковедной медиэвистики, той части, которая относилась к так называемому «мусульманскому миру»⁵, были заложены классическими публикациями арабских географических и исторических сочинений, осуществленными Э. Катрмером, К. Торнбергом, Ф. Вюстенфельдом, Ш. Барбье де Менаром, М. Хаутсманом, особенно, Я. де Гье⁶.

Только после того как в научный оборот вошли словарь Йакута, томики «Библиотеки арабских географов», «История царей и пророков» Табари, исторические труды ал-Балазури, ал-Йакуби, ал-Масуди, Ибн ал-Асира, создались предпосылки для появления качественно новых исследований, касающихся, в частности, и тюркских народов Средней Азии. Первопроходцами на этой стезе стали В. В. Бартольд и И. Маркварт.

В. В. Бартольд уделил немало внимания изучению источниковедения и истории кимакских племен⁷. Ему принадлежит заслуга публикации и комментированного перевода важнейшего источника о кимаках — главы о тюрках из «Зайн ал-ахбар» Гардизи [52, с. 80—103, 103—126]. В. В. Бартольд создал первую по времени научную историю Казахстана периода средневековья, сделал доступным такой важный для истории Средней Азии источник, как «Худуд ал-алам» [61].

И. Маркварт впервые обращается к кимако-кыпчакской теме в связи с попыткой анализа свода мусульманских сведений о странах Восточной Европы и их среднеазиатских связях [422]. Не ограничившись попутным исследованием проблемы, Маркварт, посвящает ей спе-

⁴ О научных взглядах Н. А. Арисова см. 58, с. 266—279.

⁵ О границах и содержании этого термина см. 50, с. 207—230.

⁶ Более подробно об истории изучения и издания этих разделов арабской литературы см.: 43; 386; 172.

⁷ О научной деятельности В. В. Бартольда см. 249, с. 14—21, 23—33. Об изучении В. В. Бартольдом истории тюркских племен см.: 271, с. 5—13; 81, с. 5—20; 163, с. 5—15.

циальную монографию [424; 423]. После подробной рецензии В. В. Бартольда, всесторонне освещающей достоинства и слабости этого незаурядного труда [51, с. 392—408], вряд ли имеет смысл его общее обсуждение. Отметим только, что из основных мусульманских источников темы Маркварту не были известны «Диван» Махмуда Кашгарского и «Китаб ал-хайаван» Тахира ал-Марвази, тогда еще не открытые, мало известен «Худуд ал-алам», тогда еще не изданный. Ниже мы достаточно часто будем опираться на тот или иной вывод Маркварта или прибегать к критическому анализу его гипотез и оценок. Это последнее в немалой степени облегчено не только рецензией В. В. Бартольда, но и капитальными трудами В. Ф. Минорского, посвященными «Худуд ал-алам» (перевод и исследование), «Китаб ал-хайаван» Тахира ал-Марвази (издание, перевод и исследование), а также его статьей, очень важной для изучения раннего средневековья Центральной Азии, о путешествии Тамима ибн Бахра (арабский текст, перевод, исследование) [433; 435; 436]. По существу после тех сводок, которые составил о стране кимаков В. Ф. Минорский в этих трудах, не было опубликовано на ту же тему ничего, что имело бы столь же общее значение.

Особо следует остановиться на изучении карт ал-Идриси. Опыт их последней расшифровки был предпринят К. Миллером [429]. Однако в части, относящейся к стране кимаков, предложенные им идентификации плохо согласуются с текстом труда ал-Идриси.

Вопросы расселения, политической и этнической истории кимакских племен в какой-то мере нашли отражение в ряде работ советских ученых — А. Ю. Якубовского [343, с. 22; 111, с. 11], А. Н. Бернштама [75, с. 362; 77, с. 37], С. П. Толстова [303, с. 87—88; 305, с. 273], А. Х. Маргулана [212, с. 29—30; 213, с. 34], М. И. Артамонова [27, с. 239], Л. П. Потапова [258, с. 97, 149; 259, с. 171], Н. А. Баскакова [62, с. 41—42], С. А. Плетневой [250, с. 182], Л. Р. Кызласова [183, с. 54, 125], Г. А. Федорова-Давыдова [313, с. 143], С. Г. Кляшторного [161, с. 177—178], Л. Н. Гумилева [117, с. 381], Ю. А. Зуева [131, с. 118—122], К. И. Петрова [244, с. 20—21; 243, с. 47—50], О. Караева [153, с. 34, 57—59], С. Г. Агаджанова [16, с. 38—39, 78 и сл.] и др.

Большой интерес представляют материалы археологических изысканий на территории обитания кимакских племен, нашедшие отражение в работах А. Х. Маргулана [204, с. 17—22; 210, с. 3—9; 207], С. С. Черникова [327, с. 20], Л. Р. Кызласова [185, с. 59—63], К. А. Акишева [28], Е. И. Агсевой [18, с. 51—56], Ф. Х. Арслановой [24, с. 68—84; 26, с. 98—111; 25, с. 43—57], К. М. Байпакова [34, с. 72—84; 35, с. 68—84]. Следует отметить результаты исследований А. Х. Маргулана в Центральном Казахстане, позволяющие говорить как о кочевом, так и об оседлом быте кимакских племен (кыпчаков).

Исследования антропологического материала из раскопок, произведенных в области расселения кимакских племен, в какой-то мере осуществлены Г. Ф. Дебецом, В. В. Гинзбургом и О. Исмагуловым (см. ниже).

Язык кимаков и кыпчаков, первые сведения о котором сообщил Махмуд Кашгарский (XI в.), известен главным образом по арабо-кыпчакским глоссариям XIII—XV вв., ставшим объектом изучения ученых-востоковедов, в том числе ученых Казахстана.

* * *

Несмотря на значительное число работ, в которых так или иначе затрагивались вопросы истории кимакских племен, общего исследования, посвященного источниковедной стороне проблемы, еще не было. Между тем комплексное изучение различных источников, позволяющее с наибольшим успехом использовать методы исторической критики, является необходимой предпосылкой любого исторического анализа. Достигнутые за последние десятилетия успехи в исследовании средневековой арабской и персидской литературы, а также в археологии Казахстана дают возможность теперь с более прочных позиций, чем во времена И. Маркварта, подойти к интересующей нас теме.

Поэтому главной задачей настоящей работы является анализ всех доступных исследователю источников в их совокупности о стране и племенах кимаков с целью выявления такого рода сведений, которые могли бы стать фундаментом для реконструкции истории Казахстана в IX—XII вв. Последняя задача не может быть

полностью решена на данном этапе исследования, и, естественно, источниковедный аспект в работе пока неизбежно превалирует над чисто историческим. Однако без решения всего комплекса источниковедных проблем, без всесторонней и взаимной проверки различных источников, используя лишь отдельные сведения или отдельные источники, невозможно ответить на те многочисленные вопросы, необходимость разработки которых сейчас все более ощущают историки по средневековому Казахстану.

Считаю приятным долгом выразить признательность сотрудникам Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР, способствовавшим появлению данной книги. Глубокую благодарность за полезные советы приношу члену-корреспонденту АН СССР А. Н. Кононову, научным сотрудникам ЛО ИВ АН СССР С. Г. Кляшторному, О. Г. Большакову, А. Б. Халидову.

Глава I

ИСТОЧНИКИ

Первое по времени упоминание об одном из кимакских племен — кыпчаках — принадлежит создателю китайской историографии Сыма Цяню¹ (145?—87? гг. до н. э.). В том разделе его «Исторических записок» (I в. до н. э.), где повествуется о завоеваниях основателя гуннской державы Модэ-шаньюя (209—174 гг. до н. э.), Сыма Цянь называет среди покоренных гуннами народов «цюйше, динлинов, гэгуней (кыргызы)» [299, с. 41; 80, с. 50; 190, с. 311]². Динлинов и гэгуней многие авторы сравнительно уверенно локализовали в Южной Сибири (верхний Енисей?) и Северо-Западной Монголии [160, с. 472—473, 560—562; 187, с. 161—166, 188—189], местопребывание цюйше долгое время оставалось неясным. Лишь сравнительно недавно А. Н. Бернштам предложил реконструировать этноним цюйше как кыпчак (кыйчак) и поместить их страну также в Северо-Западной Монголии [71, с. 154; 75, с. 362].

Этим весьма неясным сообщением и ограничиваются сведения о кимакских племенах до появления самого имени кимака на страницах арабских и персидских источников. По существу все, что теперь известно о племенном союзе и государстве кимаков, почерпнуто из богатой исторической, географической и лингвистической литературы, созданной в странах мусульманского Востока в IX—XVI вв.

¹ О Сыма Цяне см. 176.

² О сопоставимости гэгуней с кыргызами см. 345, с. 110—120.

Один из первых известных нам авторов — Абу-л-Валид Мухаммед ал-Азраки (ум. в 858 г.), историк, происходивший из рода, ведшего свое начало от Гассанидов, упоминает кимаков в своем сочинении «Китаб ахбар ал-Макка» («Хроника города Мекки»). По сведениям ал-Азраки, на ободке короны беглеца Бени Кабул-шаха (197/813 г.) была выгравирована надпись, весьма сдержанно говорящая о разгроме ал-Фадл ибн Сахлем карлукского джабгу в пределах Отрара и изгнании его в страну кимаков [228, с. 17, 19; 493, с. 159].

В конце первой половины IX в. через страну кимаков по пути в столицу хакана токуз-гузов проехал араб Тамим ибн Бахр ал-Мутаввай³.

Кто был этот путешественник и с какой целью стремился он в загадочную тогда для арабов область, столь близкую к «морю Мрака» на арабских картах, осталось неизвестным. И. Ю. Крачковский предположил, что, судя по нисбе *мутаввай*, Тамим ибн Бахр принадлежал к тем «защитникам веры», «газиям» [342, с. 57—59; 59, с. 273—274], которые в IX—XI вв. селились на границах халифата для защиты «стран ислама» от неверных; быть может, поездка Тамима была связана с какими-то дипломатическими поручениями [172, с. 137]. Тамим ибн Бахр приводит сведения о расселении, хозяйстве кимаков, упоминает также о пути из Тараза (совр. Джамбул) в резиденцию царя кимаков. Отрывки из рассказа Тамима ибн Бахра сохранились также у Ибн Хордадбега, Кудамы ибн Джафара, анонимного автора «Худуд ал-алам», ал-Идриси, Якута.

Современнику Тамима ибн Бахра — Абу Усмани Амру ибн Бахру ал-Джахизу⁴, уроженцу Багдада, человеку разносторонних интересов и энциклопедических знаний, мы обязаны первым этнографическим описанием кочевых тюркских племен севера Средней Азии, т. е. современного Казахстана. Ал-Джахиз отбирал те темы, которые в силу разных причин были особенно интересны его арабским читателям, хорошо знакомым с тюркскими гулами гвардии аббасидских халифов. Он описывает военные качества тюрок, те их нравы и обычаи, которые особенно бросались в глаза горожа-

³ О Тамиме ибн Бахре см.: 172, с. 137; 436, с. 303.

⁴ Об ал-Джахизе см. 172, с. 123—126.

нину-арабу своей необычностью или были важны для политического окружения халифов, ведь везирам Аббасидов достаточно часто приходилось сталкиваться с «тюркскими делами». Русский перевод из главы о тюрках книги ал-Джахиза «Манакиб ал-атрак» («Достоинства тюрков») опубликовал в 1956 г. А. М. Мандельштам [202, с. 227—252; 479]. Некоторое сходство с описанием тюрков в «Манакиб ал-атрак» обнаруживается у автора XI в. Абд-л-Ала ибн Хассуля (ум. в 1058 г.) [350; 351, с. 127—136].

В те же годы, когда появилась книга ал-Джахиза, было написано другое важное для нашей темы сочинение, ничем, однако, не схожее с блестящим литературно-этнографическим эссе знаменитого багдадского писателя. В конце 40-х годов IX в. начальник почты и осведомительной службы (сахиб ал-барид ва-л-хабар) провинции Абу-л-Касим Убайдаллах ибн Абдаллах ибн Хордадбех (820—912 гг.)⁵, в недалеком будущем ставший одним из влиятельных надимов («сотрапезников») халифа ал-Мутамида (870—892 гг.), для облегчения управления своих служебных обязанностей составил нечто вроде почтового справочника: описал маршруты торговых перевозок и торговых караванов в разных частях халифата, указал расстояния между различными пунктами, собрал интересные, практически полезные сведения. В 80-х годах Ибн Хордадбех превратил этот административно-географический справочник в книгу, которую назвал «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и государств») [404; 269, с. 225—226]. Это произведение дошло до нас в двух редакциях — краткой и пространной. Обе редакции восходят ко времени халифа ал-Мутамида [83, с. 136—137]. Вряд ли труд Ибн Хордадбега был первым в своем роде⁶, но он остается самым ранним из сохранившихся целиком арабских географических сочинений. Почти все позднейшие арабские географы в той или иной мере зависят от Ибн Хордадбега, который в свою очередь во многом основывался на архивах почтовой службы халифата, относящихся к значительно более раннему

⁵ О Ибн Хордадбеке см.: 172, с. 147—150; 83, с. 127—136.

⁶ Составитель «ал-Фихриста» первым автором книги типа «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» назвал Джафара ибн Ахмада ал-Марвази [385, с. 150; ср. 495, т. II, с. 400].

времени. В частности, вероятно, к VIII в. относятся многие сообщаемые им сведения о тюрках, в том числе и часто цитируемый список тюркских племен, среди которых есть кимаки и кыпчаки (последние упомянуты арабским автором впервые). Далее мы подробно остановимся на значении дорожника Ибн Хордадбега для описания страны кимаков.

Современником Ибн Хордадбега был географ и историк Ахмад ибн Абу Йакуб ибн Джафар ибн Вадих ал-Катиб ал-Аббаси ал-Йакуби (ум. в 897 г.)⁷. Его географическое сочинение «Китаб ал-булдан» («Книга стран») [405], законченное в 892 г., является ценным источником, содержащим обширный историко-этнографический материал о тюрках, в том числе и о кимаках. Следует отметить широкую осведомленность ал-Йакуби и сравнительно высокую точность его сообщений. Особенно важно для нас упоминание ал-Йакуби о государственности у кимаков.

Около 903 г. Абу Бакр Ахмад ибн Мухаммад ибн Исхак ал-Хамадани ибн ал-Факих⁸ составил географический свод «Китаб ахбар ал-булдан» («Книга рассказов о странах»). Это сочинение дошло до нас в обработанном и сокращенном виде, обработка некоего ал-Шайзари (около 1022 г.), в этой редакции оно было издано де Гье [372; 270, с. 239—242]. В 1923 г. в Мешхеде была обнаружена рукопись, являющаяся более полной редакцией труда Ибн ал-Факиха. Наряду с историко-этнографическими сведениями о тюркских племенах [137; 86, с. 237—248; 476, с. 11—16] в ней содержатся также важные историко-географические данные о стране кимаков. Произведение Ибн ал-Факиха обнаруживает зависимость от книги Ибн Хордадбега, а также от не сохранившегося географического труда ал-Джайхани. В свою очередь у Ибн ал-Факиха почерпнул значительные сведения Кудама ибн Джафар.

Абу-л-Фарадж Кудама ибн Джафар⁹ был арамейцем, из христианской семьи. По настоянию халифа ал-Муктафи (902—908 гг.) он принял ислам. Это открыло

⁷ О ал-Йакуби см.: 172, с. 151—154; 359, с. 1215—1216; 216, с. 35—36.

⁸ О Ибн ал-Факихе см.: 172, с. 156—159; 362, т. I, с. 227; 361.

⁹ О Кудаме ибн Джафаре см.: 172, с. 160—162; 64, с. 24; 363, с. 1158.

ему путь к высоким должностям, и под конец жизни он был начальником почты. Год его рождения не известен, а дата его смерти относится, вероятно, к 940 г. Кудаме ибн Джафару принадлежит сочинение географо-административного характера — «Китаб ал-харадж» («Книга о налоге»), написанное, по-видимому, около 928 г. Единственная рукопись второго тома этого произведения сохранилась в Стамбуле; выдержки из нее были изданы и переведены де Гье [404]. Основные источники Кудамы ибн Джафара, по-видимому, те же, что и у Ибн Хордадбега. Однако в «Китаб ал-харадж» содержатся сведения, которые отсутствуют в других известных нам источниках, что позволяет судить о районе обитания кимаков, а также вполне определенно говорить о северном направлении пути из Тараза к столице царя кимаков.

Абу Исхак ал-Фариси ал-Истахри, уроженец Центрального Ирана, жил в первой половине X в. О его жизни ничего не известно. Ал-Истахри принадлежит географическое произведение «Китаб масалик ал-мамалик» («Книга путей стран») [482; 172, с. 194—198; 362, I, с. 229; SB, I, с. 408; 400, с. 596; 226, с. 12—13], законченное в 951 г., которое является обработкой и дополнением более раннего, не дошедшего до нас географического труда «Сувар ал-акалим» — «Изображение климатов» (областей. — Б. К.) Абу Зайда ал-Балхи (850—934 гг.) [410, с. 9—30], представлявшего нечто вроде собрания географических карт с объяснениями. Труд ал-Истахри в свою очередь отредактирован и основательно дополнен преимущественно по Западу в конце X в. Абу-л-Касимом ибн Хаукалем ан-Нисиби¹⁰ и назван «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и государств») [403; 443; 414, с. 84—85].

Ибн Хаукаль происходил из города Нисибира в северной Месопотамии, много путешествовал. Сведения о кимаках, содержащиеся в его книге почти полностью совпадают с сообщениями ал-Истахри. В «Китаб ал-масалик» можно почерпнуть сведения о границах расселения кимаков и соседних с ними тюркских племен. Интересна лингвистическая характеристика тюрков у ал-

¹⁰ О Ибн Хаукале см.: 172, с. 205—209; 64, с. 26—27; 217, с. 33—35.

Истахри: по его словам, все они говорят на одном языке.

Важной частью трудов ал-Истахри и Ибн Хаукаля являются карты — «Сурат ал-ард» [32; 438], которые приложены к их работам. Эти карты составляют часть так называемого «Атласа ислама», свода арабской картографии X в., столь важного, как уже отметил П. Ю. Крачковский [174, с. 61], для понимания географического наследия арабов. Исследование карт вместе с текстом позволяет гораздо лучше уяснить сведения ал-Истахри и Ибн Хаукаля о кимаках. Одним из недостатков этих карт является чисто условное, геометрическое изображение географических объектов на них, но весьма важен перечень этих объектов и их соотношение.

Абу-л-Хасан Али ибн ал-Хусайн ал-Масуди¹¹ (ум. в 956 г.) — один из крупнейших арабских историков и географов. Родился, вероятно, в Багдаде в начале X в. Основным источником его знаний явились путешествия, захватившие все страны от Индии до Атлантического океана, от Красного моря до Каспийского, возможно, он побывал в Китае, и живое общение с представителями самых разнообразных слоев. Из тридцатитомной историко-географической энциклопедии «Ахбар аз-заман» («История времени»), начатой ал-Масуди в 943—944 гг., до нас дошли лишь краткие извлечения и сокращения. Из его многочисленных исторических сочинений сохранилось, да и то в сокращенном виде, «Мурудж аз-захаб ва маадин ал-джавахир» («Промышальни золота и рудники самоцветов») [420], которое было написано в 947 г. и обработано в 956 г. Полностью дошло до нас его географическое сочинение «Китаб аттанбих ва-л-ишраф» («Книга наставления и пересмотра») [406], законченное в год смерти автора. В трудах ал-Масуди приведены ценные историко-этнографические сведения о тюрках, а также содержатся важные известия о расселении кимаков. Исключительный интерес представляет краткое упоминание исторических событий второй половины IX в. на западе страны кимаков.

Сведения о религии и хозяйстве кимаков содержатся в «Первой записке» («Рисале») Абу Дулафа ал-Йан-

¹¹ О ал-Масуди см.: 172, с. 171—184; 360, с. 464—465.

буи ал-Хазраджи (X в.), известного также под именем Мисар ибн ал-Мухалхил¹². Этот араб из мединского племени хазрадж, уроженец Йанбу, портового города на берегу Красного моря, стал придворным саманидского эмира в Бухаре Насра II ибн Ахмада (914—942 гг.). В 942 г. Абу Дулаф совершил поездку в Китай и Индию [385, I, с. 346—347]. Вернувшись в мусульманские страны через Систан (совр. Северо-Восточный Афганистан), он некоторое время пользовался покровительством наместника области Абу Джафара Мухаммада, который правил в 942—963 гг., а затем оказался при дворе буидского везира, известного литератора Исмаила ибн Аббада (ум. в 995 г.). Арабский филолог и историк ас-Саалиби (XI в.) причисляет Абу Дулафа к поэтическим знаменитостям своего времени [285, с. 32, 174]. Абу Дулаф приобрел у современников и славу путешественника (джаувала). «Он был знаменитым путешественником, объездил многие страны и видел их диковинки», — пишет о нем ал-Казвини [483, II, с. 267]. Свои воспоминания о путешествиях Абу Дулаф изложил в двух записках (рисала). До недавнего времени были известны лишь отрывки из обеих рисала у Йакута [495, III, с. 445] и ал-Казвини [483, с. 395]. Лишь после открытия знаменитой Мешхедской рукописи (1923 г.) обнаружен полный текст записок, ныне изданный [463; 430; 84]. В. В. Григорьев, И. Маркварт, В. В. Бартольд, В. Ф. Минорский весьма скептически относились к аутентичности сведений Абу Дулафа, однако последние исследования И. Ю. Крачковского, а затем его учеников — П. Г. Булгакова и А. Б. Халидова — позволили пересмотреть эту распространенную в научной литературе точку зрения. «Первая записка» не представляет собой дневника или маршрутного описания путешествия, она была составлена позднее по памяти. К сообщениям о виденном добавлено немало слышанного без разграничения; в ней много неточных сведений, туманных описаний. И все же в ее основе лежали подлинные наблюдения путешественника.

«Ахсан ат-такасим фи марифат ал-акалим» («Лучшее разделение для познания климатов»), по оценке И. Крамерса, является самым оригинальным и одним из

¹² О Абу Дулафе см.: 172, с. 186—189; 84, с. 11—14.

самых ценных географических трудов в арабской литературе [411, с. 765]. Его составитель, нерусалимский араб Шамс ад-дин Абу Абдаллах ибн Ахмад ибн Абу Бакр ал-Банна ал-Мукаддаси (947—1000 гг.)¹³, едва ли не первый критик географического наследия своих предшественников, использовал огромный запас и личных наблюдений, избегая столь свойственного его эпохе обыкновения широко привлекать, часто не оговариваясь, тексты других авторов. Первая редакция «Ахсан ат-такасим» относится к 985—986 гг., вторая, более полная, легшая в основу использованного нами издания де Гье [374], была завершена в 988—989 гг. Именно в ней содержатся важные для нашей темы сообщения, свидетельствующие о непосредственном соседстве кимаков с мусульманскими областями в Туркестане.

Анонимный географический трактат «Худуд ал-алам мин машрик ила-л-магриб» («Граница мира от востока к западу») написан на персидском языке около 982 г. Единственная известная рукопись его была открыта в 1892 г. А. Г. Туманским [309, с. 121—137]. На основе фототипического издания В. В. Бартольда (1930 г.), который первым подробно охарактеризовал это сочинение [61, с. 3—32; 468, с. 120—121], В. Ф. Минорский сделал английский перевод, снабдив его обстоятельным комментарием [433; 431; 311, с. 211—218]¹⁴. Стране кимаков в «Худуд ал-алам» посвящена целая глава, содержащая больше сведений об этом народе, чем все предшествующие сочинения. Особенно ценны сообщения об оседлости и централизованном управлении у кимаков. Не исключено, что некоторая часть этих сведений была заимствована из утраченного труда саманидского везира ал-Джайхани (первая половина X в.).

Немаловажное значение для нашей работы имеют труды великого среднеазиатского ученого Абу-р-Райха-

---

¹³ Об ал-Мукаддаси см.: 172, с. 210—218; 64, с. 27—28; 217, с. 71—73; 362, I, с. 230; SB, I, с. 410—411.

¹⁴ В. Ф. Минорский предполагает, что автор небольшой энциклопедии «Джавами алулум» Ибн Фаригун и автор рукописи «Худуд ал-алам» идентичны. По его мнению, прозвище Ибн Фаригун, связанное с Бану Фаригун, позволяет думать, что он происходил из Гузгана [432, с. 189—196; 175, с. 122].

на Мухаммеда ибн Ахмада ал-Бируни¹⁵. Он родился в предместье города Кят в Южном Хорезме. Жизнь ученого была далеко не спокойной. После одного из переворотов в местной династии, в возрасте 20 лет, ал-Бируни покинул родину и пребывал на чужбине (Рей, Джурджан) с 994—995 гг. по 1005—1007 гг. Около 1010 г. он возвращается в Хорезм. В 1018 г., после завоевания Хорезма Махмудом Газневи (997—1030 гг.), ал-Бируни, как элементу подозрительному, пришлось переселиться в Газну. Под властью Махмуда ал-Бируни прожил 13 тяжелых лет. При Масуде (1030—1041 гг.), преемнике Махмуда, положение ал-Бируни несколько улучшилось: ему было назначено регулярное содержание и возвращено право передвижения [172, с. 247]. Последние годы жизни прошли у него сравнительно спокойно. Умер ал-Бируни в 1050 или 1051 г. [63, с. 290].

Несмотря на все трудности жизни, ал-Бируни оставил богатое научное наследие. Об этом убедительно говорит следующий факт: еще за 10 лет до смерти список его трудов насчитывал 105 названий. Сохранилось же всего около двух десятков сочинений. Труды ал-Бируни посвящены различным отраслям науки: математике и астрономии, геодезии и минералогии, географии и истории, поэзии и философии.

Кимаки упоминаются в четырех известных нам сочинениях ал-Бируни [369, с. 264; ср. 9, с. 290; 11, с. 136; ср. 10, с. 155; 491, с. 146; 347, с. 61]. В них содержатся чрезвычайно ценные замечания и сведения о расселении кимаков, географии их страны, их верованиях и обычаях. Исключительно важны и сведения ал-Бируни об исторической этнографии Центральной Азии и Восточной Сибири, в частности сведения о миграциях центральноазиатских кочевых племен на запад, вплоть до Восточной Европы.

Интересные сведения о тюрках приводятся испано-арабским географом Исфаком ибн ал-Хусайном в сочинении «Китаб акам ал-марджан фи зикр ал-мадаин ал-машхура фи кулл макан» («Груды жемчугов с опи-

---

¹⁵ Об ал-Бируни и его научном наследии см.: 173, с. 55—73; 302, с. 3—28; 290, с. 26—42; 316, с. 8—21; 13, с. 271—291; 82; с. 195—200.

санием знаменитых городов в любом месте»), написанном, по-видимому, в Андалусии. Сохранившаяся единственная рукопись этого произведения, представляющая скорее компендиум более обширных сочинений, была издана Анжелой Кодацци [371]. Анализ источника, сделанный ею, а также В. Ф. Минорским и И. И. Умняковым, показал, что он был написан не ранее середины X в. и не позже 1062 г. [371, с. 8; 437, с. 14; 310, с. 1139]. Существует мнение, что Исхак ибн ал-Хусайн может быть тождествен с Исхаком Ибн Хассан ал-Мунаджимом, труды которого были одним из источников ал-Идриси (XII в.) [464]¹⁶. Текстологический анализ сохранившейся в «Китаб акам ал-марджан» главы о тюрках позволил обнаружить некоторые параллели между Исхаком ибн ал-Хусайном, с одной стороны, Гардизи и ал-Бируни — с другой. Теперь мы можем распространить эти параллели и на ал-Марвази. В. Ф. Минорский и И. И. Умняков установили, что под «тюрками» Исхака ибн ал-Хусайна следует иметь в виду кимаков [437, с. 148; 310, с. 1145]. Относительно источников, которыми пользовался Исхак для главы о тюрках, кажутся приемлемыми высказанные В. Ф. Минорским доводы об использовании этим автором труда ал-Джайхани [437, с. 149—150]. В «Китаб акам ал-марджан» содержатся важные сведения этнографического и историко-географического характера о кимаках, а также данные об их расселении.

В 1897 г. В. В. Бартольд опубликовал с переводом на русский язык и частичным комментарием главу о тюрках из труда персидского историка XI в. Абу Саида Абд ал-Хайя ибн Зохака Гардизи «Зайн ал-ахбар» («Украшение известий») [52, с. 78—126; 352, с. 137—138]¹⁷, составленного при Газневиде Абд ар-Рашиде (1049—1058 гг.). Во многом зависимый от «Худуд ал-алам», Ибн Хордадбеха и ал-Джайхани, этот труд тем не менее содержит вполне оригинальные и исключительно важные сведения о кимаках. Прежде всего необходимо отметить уникальную генеалогическую леген-

¹⁶ В Стамбульской рукописи так называемого «Малого Идриси», хранящейся в библиотеке Хаким Оглу Али-паша, № 688, говорится об Исхаке Ибн ал-Хусайне [310, с. 1138].

¹⁷ О Гардизи см.: 41, с. 26; 177, с. 3—4; 268, с. 44—45.

ду, содержащую древнейшие известия о расселении кимаков, их изначальном семиплеменном составе, а также подробный маршрут от низовьев Сырдарьи к кимакам.

«Диван лугат ат-турк» («Словарь тюркских языков», 1072—1074 гг.) Махмуда Кашгарского — прежде всего выдающееся лингвистическое сочинение. Махмуд Кашгарский [220; 221; 319; 365]¹⁸, будучи родом из Средней Азии, много ездил по степям и областям тюрков и владел почти всеми тюркскими языками. А. Н. Кононов характеризует его, и не без оснований, как «первого тюрколога, лингвиста и лексикографа, этнографа и фольклориста, историка и географа» [170, с. 25]. «Диван лугат ат-турк» важен и с географической точки зрения. В нем содержатся сведения о расселении тюркских племен, в частности кимакских. Вместе с тем в «Диване» можно почерпнуть данные, отражающие хозяйственную сторону занятий кимакских племен. Специальный интерес представляет сохранившаяся в рукописи самая старая тюркская карта мира [397, с. 21—28; 312; ср. 320, с. 193—200].

Другими аутентичными лингвистическими источниками являются толковые арабо-кыпчакские глоссарии, изучение терминологии которых способствует пониманию хозяйственной структуры кимакских племен. Один из первых таких словарей был составлен в 1245 г. в Египте. Это аноним «Китаб маджму тарджуман тюрки ва аджами ва мугули ва фариси» («Книга собрания толкований слов тюркских, неарабских, монгольских и персидских») [382; 222, с. XII—XXI]. В основу словаря положен кыпчакский язык, приводится также лексический материал из туркменского языка. В XIV в. в Египте появляются двуязычные арабо-тюркские (кыпчакские) словари. Среди них следует выделить труд Абу Хайяна (1256—1345 гг.) «Китаб ал-идрак ли-лисан ал-атрак» («Книга постижения языка тюрков») [345], составленный в 1313 г., и сочинение Джамал ад-Дин ат-Турки «Булгат ал-муштак фи лугат ат-турк ва-л-кифчак» («Достаточное для желающего познать языки тюрков и кыпчаков») [486]. Важно отметить, что у обоих авторов в качестве основного источника упоминается не дошедшее

---

¹⁸ О Махмуде Кашгарском см.: 126, I, с. 75—94; II, с. 27—35; 319; 480.

до нас сочинение «Ал-анвар ал-мудийа» («Яркие лучи») Ала-д-дин Байлик ал-Кыпчаки [486, с. XI; 488, с. 34]. Как видно по нисбе Байлика, он был кыпчаком.

Шарафу аз-Заману Тахиру ал-Марвази принадлежит сочинение «Табаи ал-хайаван» («Природа животных») [435]¹⁹, составленное в 1120 г. Неполная рукопись этого труда была найдена в 1937 г. в Индии. Ал-Марвази был врачом при дворе сельджукида Мелик-шаха (1072—1092 гг.) и его преемников, вероятно, до начала правления Санджара (1118—1157 гг.). В произведении ал-Марвази имеются ссылки на ряд источников, в том числе на ал-Джайхани. Описание кимаков в книге ал-Марвази в целом ряде случаев совпадает с текстом Гардизи и «Худуд ал-алам». Вместе с тем в ней содержатся оригинальные этнографические сведения о кимаках. Особую ценность представляет сообщение ал-Марвази о переселении народов, оказавшем значительное влияние на расселение кимакских племен в начале XI в. Сведения ал-Марвази обнаруживают связь с соответствующими сведениями более поздних авторов — Ауфи (XIII в.) [59, с. 99], Шабангараи (XIV в.) [14, с. 21—26] и Шукруллаха (XV в.) [392, с. 106—107].

Основным источником по изучению кимаков является труд знаменитого арабского географа Абу Абдаллаха Мухаммада ибн Мухаммада ал-Идриси²⁰, автора одного из крупнейших и интереснейших географических сочинений арабского средневековья — «Нузхат ал-муштак фи-ихтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям») или «Китаб ар-Руджар» («Книга Роджера»). Хотя ал-Идриси писал в XII в., приводимые им сведения относятся главным образом к IX—X вв. «Нузхат ал-муштак» — по существу коллективный труд. Инициатива его создания принадлежала сицилийскому королю Роджеру II (1098—1154 гг.), а главным исполнителем стал ал-Идриси с большим числом помощников. Работа над книгой продолжалась в течение пятнадцати лет и была закончена в 1154 г. Сочинение ал-Идриси содержит уникальное описание страны кимаков, принадлежавших им горо-

¹⁹ Об ал-Марвази см.: 172, с. 270; 217, с. 202—204.

²⁰ Об ал-Идриси см.: 172, с. 281—297; 217, с. 226—233; 166, с. 480—481; 230, с. 168—171.

дов и крепостей, торговых путей, ремесел, земледелия, религии.

Полный перевод «Нузхат ал-муштак» появился в 40-х годах XIX в. Его выполнил французский ученый А. Жобер [388]. Однако плохое качество перевода не удовлетворяло и не удовлетворяет многих ученых, обращавшихся к нему. Критический текст произведения ал-Идриси, к сожалению, до сих пор не издан.

Вопрос о принадлежности ал-Идриси другого географического сочинения «Рауд ал-фурадж ва нузхат ал-мухадж» («Сад радости и развлечение сердец»), найденного в начале XX в. в Стамбуле и получившего название «Малого Идриси», как и о его датировке (1192 г.), нельзя считать разрешенным [409, с. 72]. «Рауд ал-фурадж», по-видимому, является извлечением из утраченного и известного только по цитатам в «Таквим ал-булдан» («Упорядочение стран») Абу-л-Фиды труда ал-Идриси «Рауд ал-унс ва нузхат ан-нафс» («Сад приязни и развлечение душ»), посвященного королю Сицилии Вильгельму I (1164—1166 гг.).

В настоящее время известно десять списков «Нузхат ал-муштак». В данном исследовании использован ленинградский список сочинения ал-Идриси, хранящийся в Государственной ордена Трудового Красного Знамени Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина [7]. Он написан прекрасным магрибинским почерком. По мнению И. Ю. Крачковского, рукопись могла быть копией с автографа ал-Идриси. Для установления правильного чтения привлекались также софийская рукопись ал-Идриси [65, с. 265—268] и перевод А. Жобера, сделанный по двум спискам Парижской Национальной библиотеки.

«Нузхат ал-муштак», подвергнутый за последние сто лет детальному и обстоятельному изучению, не вызывает одинакового доверия в различных своих частях. Несомненно, компилятивный характер свода ал-Идриси при недостаточной ясности его источников и заметной зависимости от космографических идей Птолемея заставил ученых тщательно проанализировать разделы, относящиеся к тем или иным частям охватываемой автором ойкумены. После работ М. Амари, С. Дублера, Б. Недкова, О. О. Тальгрена-Туулио, А. М. Тальгрена, Д. М. Данлопа, Т. Левицкого, С. Л. Волина, И. И. Умня-

кова, С. П. Толстова, И. Ю. Крачковского, С. Г. Агаджанова нельзя признать полностью обоснованными те взгляды, которые высказывали в отношении ал-Идриси в своих работах такие известные востоковеды, как В. В. Григорьев, В. В. Бартольд, И. Маркварт²¹.

Так, не оправдалось предположение И. Маркварта о полной зависимости текста ал-Идриси в частях, относящихся к Центральной и Восточной Азии, от идей Птолемея [424, с. 103]. Сведения ал-Идриси практически во всех деталях носят конкретный характер и не могут быть возведены к Птолемею²². Что касается сведений, относящихся к Средней Азии, то их ставят в зависимость от не дошедшего до нас труда ал-Джайхани, везира саманидских эмиров в Бухаре [172, с. 219—224]. До сих пор не была объектом изучения та часть сочинения ал-Идриси, которая содержит сведения о стране кимаков; не выявлены и первоисточники этого раздела. Разработка проблемы об источниках ал-Идриси весьма актуальна, поскольку достоверность сведений ал-Идриси можно установить лишь путем тщательного источниковедческого анализа.

Ал-Идриси в предисловии к своему труду перечисляет названия двенадцати сочинений, из которых он заимствовал сведения: «Книга чудес» ал-Масуди, книги Абу Насра Саида ал-Джайхани, Абу-л-Касима Убайдаллаха ибн Хордадбега, Ахмеда ибн Омара ал-Узри, Абу-л-Касима Мухаммада ибн ал-Хаукаля ал-Багдади, Джанаха ибн Хакана ал-Кимаки, Мусы ибн Касима ал-Каради, Ахмада ибн Йакуба, известного как ал-Йакуби, Исхака ибн Хассана ал-Мунаджжима, Кудамы ал-Басри, Птолемея Клавдия, Оросия Антиохийца [8; 172, с. 287; 464].

Этот перечень явно не полон. Так, арабский ученый Х. Мунис в своем новейшем труде выражает удивление по поводу отсутствия в перечне имен Балхи, ар-Рази и особенно ал-Хорезми, труд которого был в тот период первым источником для каждого, кто занимался мате-

²¹ Исчерпывающую библиографию об ал-Идриси вплоть до 1962 г. см.: 441, с. 25—61; 442, с. 193—194; см. также: 464; 230, с. 165—269; 169, с. 248—249; 153, с. 55—61; 16, с. 23—26, 49—72.

²² Относительно подлинных представлений Птолемея о странах Средней Азии см. 393, с. 148—190.

матикой, астрономией, географией. Это заставило Х. Муниса даже усомниться в принадлежности предисловия «Нузхат ал-муштак» перу самого ал-Идриси [230, с. 199—200]. С. П. Толстов считает, что текст ал-Идриси о стране огузов заимствован из неизвестного итинерария первой половины XI в. [303, с. 55—56]. Некоторые ученые утверждают, что повествование о стране огузов основывается на сочинении ал-Джайхани [16, с. 24; 218, с. 220; 452, с. 400].

Интересующие нас девятый и десятый разделы четвертого климата (области. — *Б. К.*) «Нузхат ал-муштак», посвященные описанию страны кимаков и отчасти карлуков, до сих пор не подвергались специальному источниковедческому разбору. Такого богатого по содержанию и насыщенности описания страны кимаков нет ни в одном из известных арабо-персидских географических сочинений. В разделе о кимаках имеется несколько непосредственных ссылок на источники. Так, ал-Идриси сообщает о том, что «берега реки Гамаш покрыты густой чащей и лесом и большую часть деревьев составляет к. р. к. хар». При этом он называет имя Абу Бакра ибн Вахшийя, который в своей книге рассказывает, что «корни к. р. к. хар обладают свойством излечивать от яда рыбы» [7, л. 686]. Остается непонятным, почему имя Абу Бакра ибн Вахшийя не упоминается в «мукаддимае» (предисловии) среди авторов книг, использованных ал-Идриси. Полное его имя — Абу Бакр Мухаммад ибн Али ал-Вахшийя [362, SB, I, с. 430; 417, с. 55; 383, с. 385; 496]. Существует мнение, что им написан медицинский труд — «Китаб ас-сумум ва-т-тирийакат» («Книга о ядах и противоядиях») [440, с. 544; 362, SB, I, с. 413; 384, с. 963—965].

В известных медицинских трактатах и словарях не удалось найти сведений о дереве к. р. к. хар. Однако сомневаться в его существовании не приходится, потому что ал-Идриси был достаточно компетентен в ботанике. Маукиф ад-Дин Ахмад Абу Касим, известный как Абу Асиба, называет ал-Идриси ботаником [230, с. 195]. Ал-Идриси принадлежит книга по фармакогнозии — «Китаб ал-джамии ли аштат ан-набат» («Книга о лекарственных веществах»). Арабский ботаник Ибн ал-Байтар (ум. в 1248 г.) приводит около ста выдержек из этой книги [250, с. 195]. Полагали, что она утеряна,

пока М. Мейерхоф не обнаружил ее список в Стамбуле [426, с. 388—390]. Ему же принадлежит публикация перевода отрывков из этой рукописи [427, с. 45—52; 425, с. 225—236]. По утверждению переписчика, рукопись является копией с автографа самого ал-Идриси. В ней приводятся названия 610 лекарств с описанием, расположенные в алфавитном порядке; однако, согласно предисловию ал-Идриси, книга включала названия 1200 лекарств. Очевидно, значительная часть сочинения утеряна. Труд свидетельствует, что ал-Идриси практически знал многочисленные растения, травы и лекарства. Любопытно отметить, что имя ал-Идриси в рукописи приводится в такой же форме, как у Ибн Абу Асиба — Мухаммад ибн Мухаммад Абдаллах ал-Андалуси ал-Хусейни [230, с. 226].

В десятом отделе своего труда ал-Идриси ссылается на книгу «Китаб ал-аджаиб» («Книга чудес»), согласно которой в реке Гамаш «водится рыба санджа, из которой индийские и китайские врачи получают яд, убивающий в одно мгновение. Не знают яда более действенного и более быстро вызывающего смерть. Яд этой рыбы находится в ее желчи. Яд не изменяется и не теряет своего действия в течение сорока лет» [7, л. 686]. Автором этой книги в предисловии к «Нузхат ал-муштак» назван ал-Масуди (X в.), а в другом месте — Хассан ибн ал-Мунзир. Соответственно этому в вопросе об атрибуции «Китаб ал-аджаиб» в науке существуют две версии. Некоторые исследователи склонны полагать автором книги «Китаб ал-аджаиб» Хассана ибн ал-Мунзира [461, с. LXXI—LXXXII; 381, с. 23; 225, с. 227]. И. Ю. Крачковский предполагает, что ал-Идриси назвал Хассана б. ал-Мунзира вместо Хишама Абу-л-Мунзира ибн ал-Калби (IX в.), и предлагает видеть в «Китаб ал-аджаиб» его книгу «Китаб ал-аджаиб ал-арбаа» («Книга четырех чудес») [172, с. 121], которая упоминается в «ал-Фихристе» Ибн ан-Надима (X в.) [385, I, с. 97]. Некоторые ученые придерживаются иного мнения: считают ал-Масуди автором книги «Китаб ал-аджаиб» и связывают ее с его трудом «Китаб ахбар аз-заман ва аджаиб ал-булдан» («Книга сообщения времени и чудес стран») [388, с. XIX; 362, SB, I, с. 221; 230, с. 196]. «Ахбар аз-заман», к сожалению, не сохранился и известен только в небольших отрывках, подлинность

которых до сих пор не может считаться окончательно установленной [362, I, с. 143—145].

Таким образом, вся совокупность данных, которой располагает наука, не дает ответа на вопрос об авторстве «Китаб ал-аджаиб». В известных нам нарративных источниках не удалось обнаружить соответствия цитированному тексту ал-Идриси из «Китаб ал-аджаиб».

Приводимые ал-Идриси данные о том, что «между Таразом (совр. Джамбул) и местопребыванием царя кимаков 81 день пути через пустыни», вполне соответствуют тексту Ибн Хордадбеха (IX в.) [404, с. 209]. Аналогичное сообщение о расстоянии между Таразом и резиденцией хакана кимаков мы находим у Ибн ал-Факиха (X в.) [137, лл. 1666, 1706], Кудамы ибн Джафара (X в.) [404, с. 209] и в «Худуд ал-алам» (X в.) [61, л. 186]. Ибн Хордадбех заимствовал сведения о кимаках, как и сведения о токуз-гузах, у Тамима ибн Бахра [61, с. 19].

Упоминаемый в девятом отделе маршрут от Тараза до Верхнего Барсхана²³, вероятно, восходит к данным Ибн Хордадбеха и Кудамы ибн Джафара. Но некоторые несовпадения в названиях географических пунктов у ал-Идриси, с одной стороны, Ибн Хордадбеха и Кудамы ибн Джафара, с другой, и порой значительные расхождения в расстояниях между ними дают повод предположить, что ал-Идриси использовал еще один источник. Наличие в «Нузхат ал-муштак» других, нигде более не приводимых маршрутов в страну кимаков как будто бы подтверждает эту мысль²⁴.

В десятом отделе ал-Идриси рассказывает о процессе добычи золота у кимаков: «По обычаю золото собирают и моют в воде, промывая его, затем смешивают крупницы золота с ртутью и сплавляют смесь в коровьем помете» [7, л. 686]. Об аналогичной технологии добычи золота в Иране сообщает Абу Дулаф. Полученное таким путем золото, называемое «кумиси», по описанию Абу Дулафа, «красное, цвета халука, тяжелое, чистое,

²³ О локализации Верхнего Барсхана см.: 68, с. 80—82; 78, с. 26; 436, с. 292.

²⁴ В. В. Григорьев считает, что «в основу маршрута Идриси кладет показания Ибн Хордадбеха, прибавляет к ним, однако, много из других, не известных нам источников, может быть, преимущественно из писаний Джанаха Кимаки» [112, с. 207].

яркое, огнеупорное, мягкое, ковкое» [84, л. 1836; 495, III, с. 354]. Сведения ал-Бируни о получении ртутного золота [13, с. 219] почти ничем не отличаются от тех, которые приводит ал-Идриси.

В разделе о кимаках у ал-Идриси имеется следующий отрывок: «На вершине горы Лалан стоит капище огромного размера; в верхней части капища изображено подобие человека. Жители тех мест поклоняются ему, верят в него и приходят к нему со всех сторон» [7, л. 66а]. Нам представляется, что данный отрывок находит аналогию в сведениях ал-Бируни: «В стране кимаков имеется гора, которая называется Манкур. В этой горе... имеется скала, на которой виден след человека, след его ладони с пальцами, след его колен, как будто он сделал поклон, а также след ног мальчика и копыт осла. Тюрки-гузы падают ниц при виде этой скалы» [369, с. 264]. В. Ф. Минорский первым провел параллель между рассказом ал-Бируни и следующими сведениями Исхака ибн ал-Хусайна [437, с. 147]: «Там есть массивная гора с деревом, на котором имеются знаки двух рук, двух ног и колена, как если бы [кто-нибудь] совершал преклонение и всякий, кто проходит мимо него, кланяется ему» [371, с. 48]. Все отрывки согласуются между собой взаимной увязкой конкретных деталей. Прежде всего на переднем плане выступает «гора», затем различные атрибуты — капище, скала, дерево, на них изображение человека или частей его тела, наконец, обязательное поклонение всему комплексу. Схематически сказанное выглядит следующим образом:

ал-Идриси	ал-Бируни	Исхак ибн ал-Хусайн
гора	гора	гора
[в ней] капище	скала	с деревом
[на нем] подобие человека	след человека, след его ладони с пальцами, след его колен, след ног мальчика и копыт осла	знаки двух рук, двух ног и колена
Жители тех мест поклоняются	Тюрки-гузы падают ниц при виде этой скалы	Всякий, кто проходит мимо него, кланяется ему

Таким образом, общность источника о кимаках у ал-Идриси, ал-Бируни и Исхака ибн ал-Хусайна очевидна. В. Ф. Минорский предполагает, что ал-Бируни в свою очередь заимствовал упомянутый рассказ о кимаках у ал-Джайхани [437, с. 149].

Несомненная связь ал-Идриси с «Худуд ал-алам» позволяет предположить, что ал-Идриси пользовался каким-то источником на персидском языке (персидский текст ал-Джайхани?). Об этом свидетельствует наличие в тексте «Нузхат ал-муштак» двух форм названия одного и того же тюркского племени карлуков — харлух и халлух [7, л. 66а; 46, с. 547; 423, с. 298]. Первая из них соответствует арабской форме, вторая — персидской.

Основная часть сведений ал-Идриси о стране кимаков по своей структуре является достаточно однородной и цельной. Единая маршрутная схема и непротиворечивость деталей позволяют отнести эти сведения к тексту одного предшествующего источника. Таким источником можно считать того самого Джанаха ибн Хакана ал-Кимаки [112, с. 207; 424, с. 103; 433, с. 297; 172, с. 291], который назван в предисловии к «Нузхат ал-муштак». Сведения об этом авторе отсутствуют, но, судя по его нисбе, он был кимаком по происхождению. Сообщаемые им сведения позволяют датировать его книгу, написанную скорее всего по-арабски, X — началом XI в.

В целом, несмотря на высокую степень оригинальности текста ал-Идриси, его описание страны кимаков сохраняет и традиционную информацию, выдержавшую перепроверку по источникам, аутентичность которых не подлежит сомнению.

Ценной частью труда ал-Идриси являются географические карты, которые представляют третий и последний этап в арабской картографии, — по существу ее апогей. Наиболее ранние карты датированы 1154 г. и называются «Сурат ал-ард» («Лик земли»). Впервые изданный в 1849 г. И. Лелевелем [415] в латинской транскрипции, этот своеобразный атлас, определенный И. Ю. Крачковским как «важнейший памятник арабской географии», нашел наилучшее воспроизведение в издании К. Миллера и Бахджат ал-Асари [429; 298].

Карты ал-Идриси отличаются тщательным рисунком и полным отказом от господствовавшего раньше геометрического принципа кругов и прямых линий, который так типичен для второго периода арабской картографии, представителями которой были ал-Истахри и Ибн Хаукаль. Наряду с тем следует отметить, что на картах ал-Идриси нет координатной сети, не выдержаны масштабы, географические объекты представлены все еще в виде схематических фигур, страны горизонта обратны современной ориентации. Однако в отличие от карт ал-Истахри, Ибн Хаукаля и других арабских географов X—XI вв., центральноазиатская часть «Сурат ал-ард» более насыщена обозначениями географических и экономических объектов, а сами обозначения и их взаимное расположение на карте настолько адекватны сведениям, содержащимся в тексте «Нузхат ал-муштак», что последние могут восприниматься помимо своего самостоятельного дескриптивного значения и как своеобразная объяснительная записка к карте. Эти особенности делают «Сурат ал-ард» весьма ценным дополнительным источником, еще совершенно не использованным для изучения удаленных от «стран ислама» малоизвестных там Семиречья, Восточного Туркестана и в какой-то мере Южной Сибири.

Из авторов, прямо или косвенно пользовавшихся работами ал-Идриси о кимаках, следует выделить Ибн Саида ал-Магриби (1214—1286) [139], Ибн ал-Варди (ум. в 1446 г.) [136], Ибн Ийаса (1448—1524 гг.) [138], Сипахи-заде ал-Брусави (ум. в 1588 г.) [293]. Их труды явились ценным пособием при исследовании сведений «Нузхат ал-муштак». В них подчас содержатся данные о кимаках, отсутствующие в известных нам списках «Нузхат ал-муштак». Важно и то, что Ибн Саид и Ибн ал-Ийас пользовались утраченным сочинением ал-Идриси «Рауд ал-унс ва нузхат ал-нафс».

Перечисленные выше арабские и персидские сочинения, и прежде всего труд ал-Идриси, в ходе исследования ясно обозначились как основные источники темы. Вместе с тем немало сведений, иногда весьма интересных, хотя и более частных по своему значению, удалось почерпнуть из сочинений Ибн Русте (начало X в.), Фирдоуси (932—1020 гг.), ал-Бакри (ум. в 1094 г.), Ахмеда Туси (втор. пол. XII в.), Низами (1140—1202 гг.), Над-

жиба Бакрана (XII в.), Ибрагима ибн Васиф-шаха (конец XII — начало XIII в.), Йакута (1179—1229 гг.), Закарийи ал-Казвини (1203—1283 гг.), Рашид ад-дина (1247—1318 гг.), ад-Димашки (1256—1327 гг.), Абу-л-Фиды (1273—1331 гг.), ал-Харрани (I пол. XIV в.). Ибн Батута (1304—1377 гг.), Ибн Халдуна (1332—1406 гг.), Мухаммеда Катиба (XVI в.), Абу-л-Гази (XVII в.), Хаджжи Халифа (XVII в.).

В какой-то мере полезными оказались доступные нам только в переводе и интерпретации специалистов сведения китайских источников, а в нескольких случаях — результаты исследований древнетюркских рукописных надписей. В одном из разделов работы были использованы отдельные наблюдения первых европейских путешественников по Средней Азии: Плано Карпини (1246), Вильгельма Рубрука (1255), Марко Поло (1292)²⁵.

Вместе с тем историку-медиевисту теперь невозможно пренебречь весьма важными результатами археологических и антропологических исследований, осуществленных в Казахстане главным образом в течение последних двух-трех десятилетий. Вероятно, накопленный материал еще долгое время будет предметом изучения специалистов. Но даже те выводы археологов и антропологов, которые к настоящему времени стали достоянием историков, в сопоставлении с результатами анализа нарративных источников обладают несомненной и значительной ценностью и широко использованы в работе.

---

²⁵ О Плано Карпини, Вильгельме Рубруке и Марко Поло см. 21, с. 3—20, 28—46.

Глава II

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КИМАКОВ

Основными этноисторическими проблемами, связанными с кимаками, остаются именно те, что так или иначе касаются взаимоотношений племенных массивов, которые обозначались внешними наблюдателями — арабами, персами, китайцами, славянами, франками и другими — терминами *кимак*, *кыпчак*, *йемак*. Иначе говоря, центральным для этнической истории кимаків пока является не вопрос об их происхождении (для его решения нет достаточных материалов), а вопросы о племенном составе кимакского объединения и о характере этнополитических изменений внутри этого объединения в течение IX—XI вв.

Этноним кимак

В источниках нет никаких прямых указаний, ставящих под сомнение тюркскую этническую и языковую принадлежность кимаків. Все писавшие о них единодушно относили кимаків к числу основных тюркских племен. Выдающийся знаток тюркских языков своего времени Махмуд Кашгарский подробно иллюстрирует эту атрибуцию лингвистическими примерами, отмечая также близость языков (племенных диалектов?) кимаків (йемаков), кыпчаков, огузов, башкир, ягма, чигилей и некоторых других [220, I, с. 30; 221, л. 26].

И все же некоторыми учеными были высказаны соображения, ставящие под сомнение, во-первых, тюркское происхождение кимаків и, во-вторых, возможность

их сопоставления с йемаками, тюркское происхождение которых не отрицалось¹. Единственным аргументом в пользу этих далеко идущих выводов оказалось различие термина *кимак* (в одном случае) и вовлечение этого экзотического написания в круг весьма широких сопоставлений, основанных на одной из возможных реконструкций в какой-то мере сходного по звучанию китайского этнического термина.

Первым, и без каких-либо аргументов, эту идею высказал Г. Юль, затем В. В. Григорьев, по мнению которого кимаки арабских писателей «суть по всей вероятности ку-мо-хи, народ, по китайским известиям, живший в Монголии и весьма сильный, пока, во второй половине IX века, не покорили его кидане» [112, с. 209]. Впоследствии и киданей будто бы стали по ошибке называть кимаками [112, с. 209]. Отсутствие какой-либо аргументации, делающее гипотезу В. В. Григорьева скорее предметом истории науки, чем поводом для серьезного обсуждения, не помешало Л. Н. Гумилеву «развить» ее. Так как в более поздней литературе отмечается возможная связь кумохи с упомянутым в орхонских надписях племенем татабы (столь же умозрительная, но уже ставшая традиционной гипотеза [424, с. 96; 445, с. 26]), то Л. Н. Гумилев со ссылкой на В. В. Григорьева выводит правящий род кимаков из татабы, а все племя кимаков, уже без каких-либо ссылок, отождествляет с западнотюркским племенем, китайская транскрипция названия которого — чумугунь (оно упоминается в Семиречье в VI—VIII вв.) [117, с. 381].

Единственную попытку как-то аргументировать гипотезу В. В. Григорьева предпринял Ю. А. Зуев. Отмечая, что «такой компетентный автор, как Бируни, называет на Иртыше или поблизости от него народ кумака», Ю. А. Зуев делает вывод: «Есть основание считать, что кумаки Бируни и кимаки других авторов — нетюркского происхождения и китайским эквивалентом их имени было * *кумо* (>*кио-тâк*>*китак*). Если это так, то и сравнение йемаков с кимаками не может считаться сколько-нибудь удовлетворительным» [131, с. 121—122].

---

¹ Мы оставляем пока в стороне взгляды И. Маркварта на происхождение кимаков (Йемаков); о них см. ниже.

В самом деле, какие возможности произношения скрывают арабоязычные транскрипции интересующего нас этнонима?

Практически во всех имеющихся источниках написание этого слова удивительно единообразно и лишено вариантов: *كَيْمَاق*. Такое написание теоретически можно транскрибировать как *кимак* и *кимек*; если допустить произвольную огласовку первого слога через фатху, подменяющую долгое *и* (*i*) йотом (*j*), возможен вариант *каймак* *كَيْمَاق*. Последний вариант был принят Ф. Вюстенфельдом и Я. де Гье [462, с. 9, 222; 406, с. 62, 83; 495, I, с. 33], но справедливо отвергнут И. Марквартом и В. В. Бартольдом [424, с. 89; 47, с. 549]. Все сомнения на этот счет снимает оставшееся незамеченным сообщение турецкого автора XVI века Сипахи-заде ал-Брусави, основанное на очень древней традиции, восходящей к X в. По ал-Брусави, *йа* (ي) после начального *каф* (ك) читалось как долгое *и* (*i*) [293, л. 1316]. Таким образом, исключалась огласовка первого слога через фатху. Тем самым всякая возможность чтения *каймак* окончательно снимается.

Вот еще два примера, подтверждающих принятую транслитерацию. В последнем издании географического труда Ибн Хаукаля, выполненном И. Крамерсом по константинопольской рукописи, указана огласовка первого слога через кесру *كَيْمَاق* [408, I, с. 14—15]; та же самая огласовка сохранилась в ленинградском списке труда ал-Идриси [7, лл. 65а, 65б, а также на карте].

Что касается предпочтительности одного из двух других вариантов произношения, но не транслитерации этнонима, то необходимо признать вполне обоснованной транскрипцию И. Маркварта — В. Ф. Минорского: *ki-tāk*. Палатализация гласных, в строгом соответствии с законами тюркского сингармонизма, оправдана здесь последовательным употреблением начального и конечного *каф* ك, а не *каф* ق. В данной работе сохраняется традиционное, упрощенное, написание термина (*кимак*, *кимак*), отражающее не его транскрипцию, а транслитерацию. В тех случаях, однако, где транслитерация оказывается неудобной, например при линг-

вистических сопоставлениях, будем пользоваться транскрипцией.

Вернемся теперь к указанному Ю. А. Зуевым тексту у ал-Бируни, где этот действительно компетентный ученый XI века вводит необычное написание термина: *كوماك* *кумак* (с кратким *у* в первом слоге и кратким *а* в последнем слоге) [491, с. 145]. Остается выяснить, насколько сам ал-Бируни был причастен к этой передаче термина. Иными словами, является ли написание *кумак* у ал-Бируни формой закономерной или экзотической?

Издание «Китаб ат-тафхим» предпринято Рамсэем Райтом по одной наиболее полной, но не самой ранней и не самой лучшей рукописи (Рукопись Британского музея. Ог. 8349), датированной XV в. В написаниях непонятных арабскому переписчику собственных имен и названий много ошибок. Так, вслед за кимаками названы токуз-гузы, довольно известные в арабской географической литературе. Между тем переписчик, явно не осмысляя термина, пишет *بغرغر* *бгргр*, т. е. неправильно расставляет диакритические знаки и полностью лишает написание огласовок. Очевидно, переписчик астрономического сочинения мало разбирался в чуждых ему племенных названиях тюрков, исчезнувших из внелитературного употребления за несколько веков до него, и потому безжалостно коверкал незнакомые имена.

А если обратиться к другой рукописи «Китаб ат-тафхим», одной из самых ранних (она датирована 19 рамаданом 668 г. х., т. е. 12 мая 1270 г.), то в ней все обстоит так, как и у других арабских авторов, — воспроизведено обычное написание *كوماك* *кумак* [491, с. 146]². Более того, упоминание о кимаках в «Китаб ат-тафхим» не является единственным у ал-Бируни. Это название встречается еще в трех его сочинениях, и повсюду он приводит то же самое написание, что и во всех остальных источниках: *кумак* *كوماك*.

Относительно этимологии слова *кумак* нет единого мнения. П. Пель связал его с тюркским *кум*, монголь-

² Указанная рукопись принадлежит Парижской Национальной библиотеке (№ 2497).

ским *хумах* (монгольскую форму он считает прототипом) — «песок» [445, с. 26]. К. И. Петров выводит *кимак*, как и *кыпчак*, из диалектных вариантов одного корня *-куш/-кум/-ком/-куб/-коб* — «половый», «желтый» [243, с. 67].

Как видно, анализ этнонима не дает оснований оспаривать принадлежность кимаков к тюркским племенам. Тем не менее И. Маркварт выдвинул гипотезу о монгольской этнической принадлежности кимако-кыпчакских племен, опираясь на легенду о происхождении кимаков.

КИМАКСКИЕ ПЛЕМЕНА

Единственным источником, сохранившим хотя и в неполном, искаженном, переработанном, виде генеалогическую легенду кимаков, является «Зайн ал-ахбар» Гардизи. Согласно этой легенде, «начальник татар умер и оставил двоих сыновей; старший сын овладел царством, младший стал завидовать брату; имя младшего было Шад. Он сделал покушение на жизнь старшего брата, но неудачно; боясь за себя, он, взяв с собой рабыню-любовницу, убежал от брата и прибыл в такое место, где была большая река, много деревьев и обилie дичи; там он поставил шатер и расположился. Каждый день этот человек и рабыня вдвоем выходили на охоту, питались мясом и делали себе одежду из меха соболей, белок и горностаев. После этого к ним пришло 7 человек из родственников татар: первый Ими, второй Имак, третий Татар, четвертый Байандур, пятый Кыпчак, шестой Ланиказ, седьмой Аджлад. Эти люди пасли табуны своих господ; в тех местах, где (прежде) были табуны, не осталось пастбищ; ища травы, они пришли в ту сторону, где находился Шад. Увидев их, рабыня вышла и сказала: «Иртыш», т. е. остановитесь; отсюда река получила название Иртыш. Узнав ту рабыню, все остановились и разбили шатры. Шад, вернувшись, принес с собой большую добычу с охоты и угостил их; они остались там до зимы. Когда выпал снег, они не могли вернуться назад; травы там было много, и всю зиму они провели там. Когда земля разукрасилась и снег растаял, они послали одного человека в татарский лагерь, чтобы он принес известие о том племени. Тот, когда

пришел туда, увидел, что вся местность опустошена и лишена населения: пришел враг, ограбил и перебил весь народ. Остатки племени спустились к этому человеку с гор, он рассказал своим друзьям о положении Шада; все они направились к Иртышу. Прибыв туда, все приветствовали Шада как своего начальника, и стали оказывать ему почет. Другие люди, услышав эту весть, тоже стали приходить [сюда]; собралось 700 человек. Долгое время они оставались на службе у Шада; потом, когда они размножились, они рассеялись по горам и образовали семь племен, по имени названных семи человек» [52, с. 82—83, 105—106].

Источник, из которого заимствовал эту легенду Гардизи, неизвестен, но, судя по написаниям имен, это было более раннее сочинение. Датировка времени возникновения легенды весьма затруднительна. Ясно, что она не могла возникнуть ранее сложения кимакского племенного союза в Прииртышье. Если список тюркских племен у Ибн Хордадбега, где упомянуты кимаки, правильно датирован VIII в. [218, с. 145], то эта дата и будет временем, когда кимакские племена уже были известны. К началу VIII в. относит образование кимакской федерации и И. Маркварт [424, с. 95; 423, с. 293].

По Гардизи, кимакский племенной союз состоял первоначально из 7 племен: ими, имак, татар, байандур, кыпчак, ланиказ, аджлад. Названия некоторых из них явно искажены. Никаких исторических сведений ни об одном из этих племен Гардизи не приводит, все они выступают как издавна существующие и всем известные. Не указывает он также места, откуда эти племена переселились в долину Иртыша. Однако быт их описан весьма выразительно, и именно в этом описании быта типичных центральноазиатских скотоводов, живущих на границе горной тайги и степи, сохранена одна весьма характерная реалия, могущая в какой-то мере послужить для общей этнической атрибуции кимакского племенного союза. «Летом они питаются кобыльим молоком, которое у них называется кумысом», — пишет Гардизи [52, с. 84, 107].

Термин *قۇمىز* *кымыз* (у Гардизи) и *قۇمىز* *кымыз* (в некоторых других ранних текстах) бесспорно тюркский и известен в литературных и фольклорных

текстах конца I тыс. н. э. [349, с. 264; 220, II, с. 268; 122, с. 444, 446; 171, с. 48; 339, с. 30]. Термин зафиксирован и европейскими путешественниками, знакомыми с бытом кыпчаков (команов), — Рубруком, Плано Карпини, Марко Поло [448, с. 270].

Между тем слово *кымыз* совершенно не употреблялось монголами. Уже в древнейших текстах, полуфольклорных по характеру, аналогичное понятие (сброженное кобылье молоко) передавалось терминами *äsük, üsük* («Сокровенное сказание», «История» Санан Сэцэна) [448, с. 240]. В современных монгольских языках

употребляются термины *segl, esüg, ayıgag* (устная консультация академика Ц. Дамдинсурена) [ср. 279, с. 278]. Лишь в калмыцком существует слово *куміг*, означающее кобылье молоко, смешанное с водой [458, с. 231; 378, с. 515—517] (ср. каз. *кымран* — «верблюжье молоко»). Таким образом, монгольское происхождение этого термина отрицается специалистами; сам термин — весьма поздний и сосуществует с собственно монгольскими названиями кумыса.

П. М. Мелиоранский возводит тюркское *кымыз* к глаголу *кым* — «перемешивать» [223, с. 122], что и отражает реальный процесс изготовления кумыса: его сбивают деревянной мешалкой в кожаном мешке.

Конечно, этот единственный факт сам по себе недостаточен для этнологических выводов, но процесс тюркского этногенеза у кимаков подтверждается и анализом племенного состава федерации.

Чтение *ایمی* как *ими* было предложено В. В. Бартольдом и И. Марквартом. И. Маркварт сопоставляет это название с названием огузского племени *ایمور, имур* [424, с. 96], у Махмуда Кашгарского и Рашид ад-дина *ایمُر* *эймур* [220, I, с. 56; 267, I, ч. I, с. 458; 218, с. 309, 495;

ср. 55, с. 575] и *ایمر* *имир* у Абу-л-Гази [171, с. 53], *эмрели (имрели)* у туркмен XIX—XX вв. [481, с. 391—392; 22, с. 414, 416; 303, с. 79, таблица]. Дополнительные соображения в пользу отождествления *ими* с *имир* привел Ю. А. Зуев [134, с. 95—96]. Скорее всего, в рукописи Гардизи *lapsus calami*. Следовало бы *ایمر* *эймур*, а не *ایمی* *ими*.

Чтение *ایمر* как *эймюр* (огласовка по Махмуду Кашгарскому и Рашид ад-дину) открывает возможность наметить хронологическую перспективу не только в позднее средневековье, но и в древность. В сакском документе VIII в., опубликованном Г. Бэйли и В. Хеннингом, содержится список двенадцати уйгурских племен во главе с царским родом уйгуров — яглакар [356, с. 884; 394, с. 545 и сл.]³. девятым названо племя *ejävög*. В этом термине, если учесть регулярный характер перебоев *m/b* (ср., например, *Тарман/Тарбан* в одном и том же названии надписей Кюль-тегина и Бильге-кагана), без колебаний можно видеть закономерный фонетический вариант позднейшего *эймюр*. По мнению В. Хеннинга, это было «последнее из 9 уйгурских племен *hi—ie—u**....., т. е. *euävög или *euävög*», по Шлегелю: *euamig*.

Одновременное появление этого названия в источниках, где перечислялся племенной состав огузов-туркмен (геср. сырдарьинских огузов) и кимаков, свидетельствует о массовом характере переселения *эймюров* в западном и северо-западном направлениях. Ведь в обоих племенных союзах они не ассимилировались после присоединения к огузской и кимакской среде, а создали там отдельные племена, вошедшие в состав уже стабилизовавшихся племенных союзов.

Последнее обстоятельство заставляет предположить, что переселение этой части племенного союза уйгуров на запад было связано с разгромом Уйгурского каганата в 840 г. енисейскими кыргызами, в результате чего основная масса уйгуров мигрировала в Восточный Туркестан и частично в северо-западном направлении, достигнув района Аральского моря. К этому времени относится и появившееся у ал-Масуди название не то области, не то подразделения кимаков между Черным и Белым Иртышом (по мере движения кимако-кыпчак-

---

³ С. П. Толстов называет эти племена «восточнотуркестанскими огузами» [303; с. 82—83], не учитывая, что яглакар был именно уйгурским царским родом [132, с. 134; 162, с. 162—163]. Относительно числа уйгурских племен существует два сообщения: более древнее («Вэйшу») перечисляет двенадцать, позднейшее («Таншу») приводит уже девять названий [80, I, с. 216, 308].

ских племен на запад эти топонимы слились с названиями Урала и Эмбы) — кима́к-югур (уйгур) [420, I, с. 213]⁴.

Упомянутое у Гардизи вторым племя Имак ايماک (Маркварт читает *имак*) и было тем основным племенем кима́кской федерации, которое, согласно И. Маркварту, дало название *kimäk* < *iki imäk* — «два племени имаков» [424, с. 96; 423, с. 293—296]. Махмуд Кашгарский все племена, именуемые другими арабскими и персидскими авторами кима́ками, называет йемеками *يماك* и приводит стихи неизвестного тюркского поэта караханийской эпохи:

اَرْتِشْ سُبْحِي يِمَاكِي
بِشْتَعَبْ تَتْر بِلَاكِي
كُرْمَتْ اَنَك يِرَاكِي
كَلْكَ لَهْتْ اَزْكَشَوْرْ

«На реке Иртыш йемеки
Засучивают рукава,
У них отважные сердца,
Они собираются идти на кас»
[220, I, с. 273].

Возможно, что впервые в мусульманских источниках имя племени зарегистрировано в «Худуд ал-алам», где упомянуто название столицы кимаков, — *نمکیة* «Намакия», которое В. Ф. Минорский восстанавливает как *يماکیة* «Йемакия» [433, с. 310]. Наджиб Хамадани (XII в.) говорит о столкновении жителей Саксина⁵

⁴ В «Муруж аз-захаб» написано *کیماک بیغور*. Реставрация названия принадлежит В. Ф. Минорскому [433, с. 310]. Подробнее см. 30, с. 46.

⁵ В вопросе о локализации Саксина существовало два мнения. Одни исследователи помещали этот город на Волге [424, с. 56, 102; 433, с. 453; 303, с. 90], другие — на Урале [321, с. 64—65; 380, с. 116; 449, с. 171]. Теперь локализация Саксина решена в пользу Нижней Волги.

с кыпчаками и йемеками [16, с. 162]. Позднее йемаков как племя кыпчаков упоминают Абу Хайян (XII в.) [346, с. 98], ал-Варрак (XIV в.) [424, с. 157], ад-Димашки (XIV в.) [428, с. 264]⁶.

В составе кыпчакских (половецких) племен йемеки появляются и в южнорусских степях [194, с. 390]. Какая-то часть их служит в XII—XIII вв. хорезмшахам [398, с. 25, 42; 460, с. 961, 1097, 1169; 59, с. 434, прим. 5]. В описании событий более позднего времени йемеки уже не упоминаются.

Л. Амбис отождествил йемеков с племенем яньмо, отмеченным в китайских источниках в связи с событиями VII в. в западнотюркской среде [390, с. 320]. Более подробно это отождествление разработано Ю. А. Зуевым [131, с. 119—121]. Упоминание йемеков в тибетском документе IX в. недостоверно [131, с. 121]

Как уже говорилось, этноним йемеков (*имак*) И. Маркварт считал исходным для образования названия кимак. Первоначальный двухродовой (двухплеменной) состав федерации, породивший это название, впоследствии сменился более многочисленным, что привело с утратой смысла к фонетической трансформации.

Гипотеза И. Маркварта не раз подвергалась критике, в частности и В. В. Бартольдом, однако никто не решался оспаривать исторически хорошо установленный И. Марквартом факт теснейшей генетической близости обоих понятий.

Опубликованный вскоре после выхода в свет труда И. Маркварта «Диван» Махмуда Кашгарского внес важное дополнение в систему аргументации, усиливающей выводы И. Маркварта: везде, где другие мусульманские авторы пишут о кимаках, Махмуд Кашгарский говорит только о йемеках, обобщая под этим названием всю группу кимако-кыпчакских племен, выделяя в ней, впрочем, кыпчаков как особую ветвь йемеков.

Новое освещение вопроса о соотношении этнонимов *йемек/имек/кимек* стало возможным после интересного открытия П. Пельо, отметившего факт редукции инициального *k-* в тюркских (и, в частности, в кыпчакском) языках [447, с. 73—103]. Наблюдение П. Пельо

⁶ В тексте ад-Димашки в перечне родов у кыпчаков написано *بمك* читаем *يمك*.

было развито для кыпчакского языка Т. Халаша Куном (со ссылкой на неопубликованную работу Ю. Немета). Среди многочисленных примеров редукции инициального *k-* в кыпчакском языке (ср., например, для XI в. *kaуа* — *ауа*, *kügürçin-ügürçin*, *keçki* — *eçki*, *kömlüdruk* — *omüldruk*) Халаша Кун приводит и интересное нас чередование *kimek* ~ (j) *imek* [413, с. 53].

Еще более подробно закономерность этого чередования была обоснована Хасаном Эреном [383, с. 541—543], после которого можно считать окончательно решенным вопрос о фонетическом отождествлении обоих слов. Таким образом, этноним *йемек* является фонетической (диалектной? хронологической?) разновидностью имени *кимак*.

В арабо-персидских источниках встречаем *تاتار* *tatar*, *تاتار* *tātar* и *تاتر* *tatar*.

Первое по времени упоминание этого имени содержится в древнетюркских надписях из Кошо-Цайдама (надписи в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана). В большой надписи в честь Кюль-тегина среди народов, приславших послов на похороны первых тюркских каганов Бумыня и Истеми (середина VI в.), есть «отуз-татар» — «тридцать татар» [224, с. 65; 199, с. 36]. В той же надписи отуз-татары указаны среди врагов отца Кюль-тегина, основателя второго Восточнотюркского каганата — Ильтернш-кагана (681—691 гг.) [224, с. 67; 199, с. 38]. В надписи Бильге-кагана, кроме двух упоминаний отуз-татар в аналогичном контексте, впервые зарегистрированы токуз-татары — союзники восставших против Бильге-кагана в 723—724 гг. токуз-гузов [200, с. 17, 21]. В надписи уйгурского кагана Баян-чора (747—759 гг.) вновь названы токуз-татары — союзники восставших против кагана огузских племен [200, с. 35, 89]⁷.

Таким образом, весьма вероятно, что татары впервые упоминаются в письменных источниках не в связи с событиями VIII в. [490, с. 101; 195, с. 133], а с событиями середины VI в. Постоянное политическое взаимодействие токуз-татар с основными огузскими племенами позволяет считать, что в VIII в. эта группа

⁷ Имя кагана у С. Е. Малова — Моюнчур. О реконструкции имени см. 391, с. 139.

татарских племен населяла северо-восточную часть Монголии. В 740—840 гг. токуз-татары входили в Уйгурский каганат. Среди уйгурских князей и их союзников, перечисленных в пехлевийском манихейском тексте из Турфана — «Махрнамаг» (середина VIII в.) — отмечен и предводитель татар, носивший тюркский титул апатегин (tatar ara tqin) [439, с. 9].

В китайских источниках татары (дада, дадань, татань) впервые упомянуты в связи с событиями 842 г. как союзники последнего уйгурского кагана, разгромленного кыргызами [446, с. 125—126]⁵. После крушения Уйгурского каганата (840—842 гг.) огузские племена, прежде всего уйгуры, бежали на юг, в Ганьсу и Восточный Туркестан. Вместе с ними мигрировала часть татарских племен; они упоминаются там в китайских текстах конца IX—XI вв. [490, с. 101]. В XI в. татары были соседями тангутов на протяжении всей северной границы государства Ся. В тангутском государстве татары располагались в северных степях Ганьсу и в горах Ала-шань (Тянь-Шань) [188, с. 134].

Имя *tatar* содержится в хотано-сакских документах IX—X вв. (ttattara, ttattaram jsa) [357, с. 88; 355, с. 49]. «Худуд ал-алам» прямо причисляет татар к токуз-гузам [61, л. 17а; 433, с. 94]. Среди племен, говоривших на тюркских языках, упоминает татар и Махмуд Кашгарский [220, I, с. 30]. Позднейшая история татарских племен Монголии и Восточного Туркестана тесно связана с историей Монгольской империи.

Не исключено, что татары появились в кимакской федерации вместе с эймюрами, как часть разгромленных кыргызами и бежавших после 840 г. в Восточный Туркестан токуз-гузских (уйгурских) племен.

У Гардизи خفجاق, в арабских текстах كِبْجَاق, قَبْجَاق, наряду с этим также Кыпчак خفشاخ и خفجاق, у Махмуда Кашгарского قفجاق. Сводка наименований в русских, западных, монгольских, китайских и армянских источниках, а также опыт их этимологии отражены в трудах И. Маркварта, А. Пономарева, А. А. Зайончковского [424, с. 96; 254,

⁵ О событиях, связанных с падением Уйгурского каганата, см. 162, с. 162—169.

с. 366—370; 485, с. 5—18]. Различные гипотезы о происхождении кыпчаков выдвинуты в трудах И. Маркварта, Г. Е. Грум-Гржимайло, П. Пельо, А. Х. Маргулана, А. Н. Бернштама [424, с. 136; 116, II, с. 57—59; 44, с. 26; 71, с. 154; 75, с. 362].

Как уже отмечалось, появление имени *кыпчак* в исторических источниках, если верно реконструировано китайское цюйше, относится к III—II вв. до н. э. Возможно, что этноним *кыпчак* (*кыбчак*) и содержится в тексте рунической надписи уйгурского кагана Баянчора (строка 4), относящейся к 50—60-м годам VIII в. [459; 200, с. 30, 34, 38], однако наличие в тексте лакуны не позволяет утверждать это достаточно уверенно [устная консультация С. Г. Кляшторного].

В мусульманских источниках имя *кыпчак* впервые упомянуто Ибн Хордадбехом, который называет их отдельно от кимаков [404, с. 31]. По «Худуд ал-алам», кыпчаки — народ, отделившийся от кимаков и более примитивный по образу жизни. Заняв территорию западнее кимаков, кыпчаки все же сохраняли политическую зависимость от них; по крайней мере, «царь кыпчаков» назначался (или утверждался) кимаками [61, л. 19а; 433, с. 101]. Махмуд Кашгарский, отмечая, что йемеки и кыпчаки говорят на одном языке, подчеркивает, что сами кыпчаки не отождествляли себя с йемеками, а считали их лишь своей «отдельной ветвью» [220, III, с. 22], т. е. связанными по происхождению.

Таким образом, все древнейшие известия о кыпчаках хотя и позволяют считать их в VIII—XI вв. политически связанными с кимакским племенным союзом (позднее государством), отмечают слабость этих связей, различие этнических территорий, а также отличия экономического и бытового характера. Племенной состав кыпчакского объединения (9 племен) был достаточно сложным и заслуживает самостоятельного изучения [424, с. 157—158].

С начала XI в. начинается продвижение кыпчаков в западном и южном направлениях.

Персидский историк Байхаки около 1030 г. отмечает кыпчаков как соседей Хорезма [472, с. 91]. В 1054 г. кыпчаки впервые упоминаются на границе Руси [194, с. 158]. В XI в. известный таджикский писатель и путешественник Насири Хусрау называет приаральские

степи уже не «гузскими», а «кыпчакскими» (Дешт-и кыпчак) [366, с. 277; 49, с. 550]. Перед монгольским нашествием кыпчаки занимали огромную территорию до Днепра, что нашло свое отражение в русских летописях, в материалах грузинских историков, а также в армянских документах.

В этот период уже можно выделить 5 групп кыпчакских племен: среднеазиатскую (казахстанскую), поволжскую (по Итилю и Яику, позднее известны под именем саксины), южнорусскую (две группы: донская и днепровская), дунайскую. В послемонгольский период кыпчаки-половцы, родо-племенной строй которых был разрушен завоеваниями, а традиции в значительной мере утрачены⁹, стали основным ядром в формировании новых этнических общностей — казахов, узбеков, каракалпаков, киргизов, башкир, ногайцев, поволжских татар [88, с. 638; 100, с. 74—75; 236, I, с. 85, II, с. 324; 95, с. 145; 125, с. 45—49; 238, с. 34; 149, с. 70].

По мнению большинства ученых, племя

Байандур байандур به یئندُر генетически связано с монгольскими племенами. Су-

ществует предположение, что *байандур*, как и *байат*, а также орхонское *байирку* находятся в связи со словами *бай* и *байат* [67, с. 225; 286, с. 32]¹⁰. Впервые этноним *байандур* в нарративных источниках встречается у Гардизи как племя кимаков. Следующее упоминание содержится у Махмуда Кашгарского, но уже в списке огузских родов [220, I, с. 56]¹¹. Как часть торков упомянуты в русских летописях берендеи [303, с. 86]. В истории Малой Азии (XIV—XV вв.) огузское племя байандур сыграло значительную роль [110, с. 50—53; 469, с. 317—344]. Из племени байандур происходила династия «Белого барана» («Аккоюнлу»). К этому же времени В. В. Бартольд относит сказание о Байандыре (персонифицированный этноним) как о верховном вожде огузов [55, с. 581; 165]. Племенное название *байандур* в пределах Туркмении встречается среди родовых названий у гокленов и у абдалов [156, с. 4].

⁹ Об этом см. подробно в 313.

¹⁰ Полную сводку произношений и этимологии *байандур* см. в 449, с. 195—197.

¹¹ Независимо от Махмуда Кашгарского *байандур* в списке огузских родов упоминает Рашид ад-дин [267, I, кн. I, с. 76, 89].

Ланиказ В. В. Бартольд после этого слова لنيقاز ставит знак вопроса. В. Ф. Минорский вместо ланиказ предлагает чтение нилказ — племя, известное среди шахсеванов [433, с. 304; 434, с. 195—197].

Адждад В письменных источниках это название اجداد адждад больше не упоминалось.

Таким образом, анализ первоначального состава кимакской федерации не подтверждает гипотезы И. Маркварта о монгольском происхождении основных племен. В частности, главный аргумент И. Маркварта — отнесение к монгольской среде мифического предка кимаков, Шада, на том основании, что он был из татар, теперь может быть отклонен. Словарь Махмуда Кашгарского, которого И. Маркварт еще не знал, достаточно убедительно свидетельствует о тюркском происхождении языка раннесредневековых татар.

Вместе с тем И. Маркварт глубоко прав, подчеркивая значение участия татарских племен (ср. орхонское «тридцать татар») в этногенезе кимаков. Очевидно, информация, которой пользовался Гардизи, либо прямо была почерпнута из кимако-татарской среды, либо опосредована ее влиянием.

Интересны антропологические данные, относящиеся к кимако-кыпчакским племенам Прииртышья, Семиречья и Центрального Казахстана. В сериях черепов из кимакских погребений обнаруживается гораздо меньше монголоидных признаков, чем у современного казахского населения этих районов. Любопытно, что в районе расселения собственно кимакских племен, т. е. на востоке указанной территории, европеоидные признаки проявляются более заметно, чем на северо-западе. Все это косвенно подтверждает связь кимакских племен скорее с тюркским, чем с монгольским кругом племен. Заметная монголоидность, свойственная значительной части современного казахского населения, складывается в эпоху после монгольского завоевания [119, с. 9; 104, с. 252—258, 264—266; 107; 105, с. 95—99; 106, с. 297—317; 145, с. 189; 144, с. 95; 146, с. 61—67; 143, с. 80—90].

Рассмотрим этапы сложения кимакского племенно-

го союза — этого крупнейшего тюркоязычного племенного объединения домонгольской эпохи.

Согласно легенде, приводимой Гардизи, образование кимакского союза племен прошло в три этапа: сначала предок кимаков, Шад, и его рабыня находят новую землю для поселения и занимают ее. Потом к ним присоединяются семь человек — предки-эпонимы кимакских племен; характерно, что среди них нет ни одного, который носил бы имя *кимак*, есть только *имек*. И, наконец, к этому сообществу присоединяются 700 человек частью из разбитого племени татар, частью из других племен; «когда они размножились, они рассеялись по горам и образовали семь племен» [52, с. 106].

Привлекая сведения иных письменных источников, связанные с историей перечисленных племен и не носящие легендарного характера, наметим некоторые соответствия этапам легенды Гардизи.

Анализ сведений китайских источников, осуществленный Ю. А. Зуевым, показал, что племя (племена) яньмо, которое отождествляется с йемеками, к середине VII в. входило в число племен Западнотюркского каганата и обитало севернее Алтайских гор, в Прииртышье [131, с. 118—119]. Обособление этого племени происходит после падения Западнотюркского каганата в 656 г. Очевидно, к этому времени и следует отнести возникновение ядра кимакского племенного союза. Его пополнение новыми племенами и их консолидация оказались сложным и длительным процессом, происходившим на территории Северо-Восточного Казахстана. Во всяком случае, в том составе, который приводит Гардизи, кимакская федерация сложилась не ранее второй половины IX в.

Событием, оказавшим наибольшее влияние на количественный рост федерации, стал разгром Уйгурского каганата в Монголии кыргызами в 840 г. Именно к этому времени следует отнести появление в племенных союзах, как в кимакском на Иртыше, так и в огузском (гузском) на Сырдарье, зймюров, байандуров, а среди кимаков — и татар. Насколько значительным было это проникновение с востока, показывает, в частности, то гипертрофированное значение роли татар в процессе сложения кимакских племен, которое приписывает им легенда Гардизи. Об этом же говорит и появление этниче-

ской группы кимако-югуров и одновременное появление одних и тех же племенных групп как среди огузов, так и среди кимаков. Весьма заманчиво связать эту миграцию тюркских племен на запад с начавшейся в IX в. активизацией территориальной экспансии огузов, кимаков и кыпчаков в западном, северо-западном и юго-восточном направлениях.

Во всяком случае, не ранее чем к концу IX в. складывается варварская империя янгикентских ябгу [305, с. 245—249]. Тогда же фиксируется источниками появление кыпчаков на северо-восточных границах огузов, а северо-восточное Семиречье становится объектом споров между карлуками и кимаками, решившихся в пользу последних. Только после появления кимаков в районе между Алакольской котловиной и долиной р. Или и перенесения к Алаколю их столицы окончательно завершился процесс сложения кимацкого племенного объединения. В ходе описанных событий на территории от Иртыша до Джунгарского Алатау возникло новое тюркское государство Средней Азии — кимацкое государство, ядром которого стали, как о том свидетельствуют «Худуд ал-алам» и ал-Идриси, 12 кимацких племен.

Глава III

ГЕОГРАФИЯ СТРАНЫ КИМАКОВ

Проблемы первоначальной этнической территории кимакских племен, их последующего расселения и границ их государства могут быть рассмотрены при анализе двух видов сообщений: дорожников (описаний торговых путей) и описаний страны кимаков в мусульманской географической литературе.

ПУТЬ К КИМАКАМ

Маршрут Тамима ибн Бахра Раннесредневековые арабо-персидские авторы: Ибн Хордадбех [404, с. 29, 30], Ибн ал-Факих [137, лл. 166а, б, 170б; 372, с. 328], Кудама ибн Джафар [404, с. 209, 262], автор географического труда «Худуд ал-алам» [61, л. 186; 433, с. 100, 310], ал-Идриси [7, л. 68а], Якут [495, IV, с. 334] — приводят ценные указания о пути в страну кимаков от Тараза. Первоисточником их сведений является труд арабского путешественника начала IX в. Тамима ибн Бахра.

Известно, что город Тараз в IX—X веках находился на Великом торговом пути, пролежавшем от столицы Аббасидского халифата через Среднюю Азию и Восточный Туркестан в Китай. Северную часть этого пути арабские писатели называли Шашской, или Тюркской. От Тараза дорога ответвлялась к кимакам. О ней Тамим ибн Бахр сообщает следующее: «Дорога от Тараза [идет] в две населенные и возделанные деревни в местности, которую называют Кавакет. Расстояние от них до Тараза 7 фарсахов. От этой местности [Кавакет]

до царя кимаков расстояние 80 дней для всадника, едущего быстро, который везет с собой провизию» [436, с. 281; 137, л. 1706].

Две деревни на пути к кимакам А. Н. Бернштам отождествляет с Адахкесом и Дех Нуджикесом, упоминаемыми ал-Макдиси [374, с. 274], который в свою очередь отождествляет их с двумя средневековыми поселениями в Кок-тюбе, расположенном к западу от Джамбула [77, с. 37—38; 69, с. 175]. Кудама ибн Джафар сообщает, что «между Таразом и Куланом к северу лежат пески; за песком пустыня из песка и гальки, в ней водятся змеи, от нее до границы кимаков 2 фарсаха» [404, с. 205]¹. Эти сведения позволяют говорить о северном направлении пути к кимакам: пески, лежащие к северу от Тараза и Кулана, несомненно, Моюнкум. Северное направление пути от Тараза к кимакам было определено В. В. Бартольдом [45, с. 124; 44, с. 242]².

Сообщение Тамима о том, что «весь путь проходит по степям, пескам, обширным долинам с многочисленными пастбищами и источниками воды, в них пастбища кимаков» [436, с. 281]³, дает основание полагать, что кочевья кимаков располагались непосредственно по пути следования к резиденции царя кимаков, т. е. в районах к западу от Иртыша. Но откуда начинались западные границы кимацких земель, определить по данным дорожника Тамима нельзя.

В этом отношении сведения Кудамы ибн Джафара позволяют высказать определенное мнение. Под песками и галечником, очевидно, имеются в виду пески Моюнкум и плато Бетпак-Дала, за которыми через 2 фарсаха (15 км) начинались пастбища кимако-кыпчакских племен⁴.

¹ В переводе, выполненном С. Л. Волиным, пропущены слова «два фарсаха» [98, с. 77], поэтому смысл отрывка передан неточно.

² Н. А. Аристов неправильно считал, что путь от Тараза к кимакам шел на северо-запад, и располагал резиденцию царя кимаков «на крайнем северо-западе нынешней киргизской (казахской.—Б. К.) степи» [22, с. 312].

³ Ибн ал-Факих добавляет, что дорога проходила и по горам [137, л. 166 б].

⁴ Основываясь на данных археологических изысканий, Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич считали, что от Тараза к кимакам пролегло два пути: первый — от Тараза, в северо-западном направлении,

Таким образом, дорога от Тараза к резиденции царя кимаков шла на север через пески Моюнкум и плато Бетпак-Дала, далее на северо-восток, и через земли Центрального Казахстана она выходила на Иртыш.

А. Х. Маргулан сопоставил многочисленные средневековые караванные пути, пересекающие Бетпак-Далу, с дорогами, существовавшими вплоть до начала XX в. [206, с. 68—79]. Торговый путь, указанный Тамим ибн Бахром, быть может, соответствовал наиболее важной ветви средневековых караванных дорог, идущих от Таласско-Чуйской долины на р. Иртыш, известной с середины XVIII в. под именем «Ханжол» («Ханская дорога»). От Тараза дорога проходила по р. Талас; через древние поселения Охум и Кзыл-курган (на р. Чу) выходила к Бетпак-Дале, затем через горы Джамбул, Кайыптынг-Кзыл-жартасы, Болаттау (северная окраина Бетпак-Далы) направлялась к верховьям р. Сарысу (ст. Жанаарка), оттуда долиной р. Нуры и Пришимскими степями вступала в низовья рек Ишима, Тобола и Иртыша [206, с. 69—71; 158, с. 34—35; 326, с. 2, 5].

В низовьях Сырдарьи от города Янгикента⁵ (по-персидски — Дих-и нау ده نو, по-арабски — Ал-карийат ал-хадиса القرية الجديدة), где пересекались дороги из Хорезма и Фараба [42], отходил другой путь в страну кимаков. Об этом маршруте Гардизи сообщает следующее: «Что касается пути к кимакам, то из Фараба идут в Янгикент; на пути из Янгикента в страну кимаков

Маршрут
Гардизи

кента⁵ (по-персидски — Дих-и нау ده نو, по-арабски — Ал-карийат ал-хадиса القرية الجديدة), где пересекались дороги из Хорез-

к двум средневековым поселениям в Кок-тюбе, затем вдоль северного края оз. Бийли-куль, мимо городов, развалины которых в настоящее время известны под наименованием Май-тюбе, и городища Тамды, пересекал русло р. Коктал и далее пролегал вдоль северного склона хребта Каратау, возле городов, известных в настоящее время под наименованиями Саудагент (возле пос. Байкадам), Кумкент, Баба-ата, Чулак-курган, Сузак и Ак-сумбе, затем соединялся с основным маршрутом: Сыгнак—низовья Сарысу; второй — от Тараза на север, вниз по течению р. Талас, мимо городов Охум, Шарвашлык, Тиктурмас, Ак-кесене и далее на запад, где соединялся с караванной дорогой, идущей вдоль северных склонов Каратау [17, с. 206—207].

⁵ Местоположение Янгикента определяется развалинами Джанкента, расположенного на левом берегу Сырдарьи, в 22 км к юго-западу от Казалинска [193, с. II—III; 157, с. 218—222; 303, с. 57—62; 304].

встречают реку, переправляются через нее и приходят в пески; тюрки называют это место Уюкман. Дальше приходят к реке Сокук; после переправы через нее начинаются солончаки. Дальше приходят к горе Кендиртагы⁶. [Путешественник] идет все по берегу той же реки, среди зелени, травы и деревьев, до истока реки; гора высока. После этого поднимаются на гору по узкой тропинке. От горы Кендиртагы приходят к реке Асус; по этой дороге в течение пяти дней на людей совсем не падает свет солнца вследствие тени деревьев до самого берега реки Асус. Вода в реке черная; она течет с востока и доходит до ворот Табаристана (?). После этого приходят к реке Иртыш, где начинается страна кимаков» [52, с. 83, 106—107].

В исторической науке относительно этого маршрута известны две интерпретации, предложенные В. Ф. Минорским и И. Марквартом.

По мнению В. Ф. Минорского, путь к кимакам из Янгикента шел на север. Первую реку, встречающуюся на пути к кимакам, В. Ф. Минорский принимает за Ирғиз. Далее дорога подходит к р. Тургаю (Сокук). Затем она идет вдоль западного берега Тургайя, к его истоку, отсюда направляется к западному изгибу р. Ишим. Отождествив Асус с Ишимом, В. Ф. Минорский тем самым допускает расположение горы Кендиртагы между истоками Тургайя и Ишима. Затем дорога пересекает Ишим и идет вдоль его русла до впадения в Иртыш [433, с. 308].

В предложенном разборе есть ряд неясностей. Так, В. Ф. Минорский совсем не упоминает о песках Уюкман, которые должны были бы находиться между реками Ирғиз и Тургай. Однако между этими реками нет песков. Район между Тургаем (Сокук) и Ишимом (Асус), где должны были бы располагаться высокие горы Кендиртагы, незначителен по высоте. Для объяснения такого несоответствия В. Ф. Минорский вынужден был предположить, что Гардизи в своем описании объединил данные двух различных дорожников [433, с. 308]. Эти несоответствия ставят под сомнение интерпретацию В. Ф. Минорского.

---

⁶ Так читает В. В. Бартольд; в тексте «Зайн ал-ахбар» написано Кендавар *کندوار* [52, с. 83].

Разбор маршрута И. Маркварта более приемлем и соответствует сведениям Гардизи и исторической географии. По Маркварту, дорога сначала выходила из Янгикента на северо-восток, затем шла на юг и пересекла реку. Под этой рекой И. Маркварт усматривает какой-то рукав Сырдарьи. Скорее всего, это р. Сарысу. Разливы низовьев р. Сарысу в отдельные исторические периоды неоднократно достигали бассейна Сырдарьи. Кроме того, следует учесть, что в VIII—XII вв. в Средней Азии наблюдалась повышенная увлажненность климата [118, с. 82]. После пересечения реки дорога проходила через пески Моюнкум (Уюкман) и далее приближалась к среднему течению р. Сарысу (Сокук), расположенной к северу от Сырдарьи. За рекой Сарысу дорога подходила к горе Улутау (Кендиртагы) [424, с. 205—206], высота которой достигает 1134 м. Идентификация Улутау — Кендиртагы, предложенная И. Марквартом, подтверждается данными «Книги Большого чертежа», где р. Кендирлык — западный рукав Сарысу — вытекала «из Улутовой» (Улутау) горы двумя протоками [197, с. 24—25, 40; 164, с. 95, 170]. Вероятно, древнее топонимическое название горы Улутау сохранилось в названии вытекающей из нее реки Кендирлык. Затем дорога шла по берегу «той же реки» — правому истоку р. Сарысу, пересекала горы Улутау и подходила к Ишиму вдоль его притока Терсаккан. Ишим, как и Асус, действительно от своего истока до места выхода к нему дороги течет на большом протяжении с востока на запад. У Гардизи явно искажен текст: он заставляет Асус течь до ворот Табаристана⁷ — области на юге Каспийского моря. Наконец, дорога вдоль берега Ишима через Акмолинск (ныне Целиноград) выходила на Иртыш у г. Павлодара [424, с. 206].

Интерпретацию И. Маркварта можно сопоставить со средневековой караванной дорогой, известной в народной памяти и в литературе под названием «Сарысуйская». Этот путь связывал сырдарьинские города с поселениями на Иртыше. От Жанкента (Янгикента) он шел на северо-восток, к низовьям рек Сарысу и Чу. Далее маршрут следовал вдоль левого берега р. Сарысу и

---

⁷ Та же ошибка и у Исаака ибн ал-Хусайна, ср.: «их (кимаков. — Б. К.) река течет в море Табаристан» [371, с. 48].

у брода Тасоткел переходил на правый берег. У пункта Кара-Жара «Сарысуйская» дорога сворачивала к реке Кенгир, затем через Улутауские, Арганатинские степи, долины рек Каракенгир и Терсаккан, этот путь у Жаркаинга подходил к берегам р. Ишим. Далее он направлялся по нижнему течению р. Ишим (возможно, отсюда он шел не только вниз по Ишиму, но и вверх, как полагал И. Маркварт), затем, прорезая более северные степи, вступал в долину Тобола и Иртыша [206, с. 76]. Как видно, предложенная И. Марквартом интерпретация маршрута Гардизи к кимакам находит почти полную аналогию со средневековым «Сарысуйским» караванным путем.

О третьей дороге к кимакам можно заключить из сведений Гардизи, согласно которым из страны енисейских кыргызов на запад вела дорога к кимакам и карлукам [52, с. 86]. К сожалению, описания этого пути нет.

СТРАНА КИМАКОВ

Наиболее ранние сведения о расселении кимаков содержатся в легенде Гардизи [52, с. 82—83, 105—106]. Источник, использованный Гардизи, И. Маркварт относит к началу VIII в. [424, с. 95; 423, с. 293]. По данным «Зайн ал-ахбар», кимаки, а вместе с ними и кыпчаки, обитали на Иртыше. До середины VIII в. соседями кимаков на юге были карлуки, жившие на Иртыше между Южным Алтаем и Тарбагатаем и объединенные под властью единого племенного вождя — ябгу [80, III, с. 303]. На востоке кимаки граничили с енисейскими кыргызами.

Одно из первых упоминаний этнического названия *кимак* встречаем у Тамима ибн Бахра (I пол. IX в.): «В озеро Иссык-Куль впадают 150 больших и малых рек со стороны Тибета, а также со стороны токуз-гузов и кимаков» [436, с. 279; 137, л. 169а]. Сведения эти, видимо, обозначали лишь ориентацию от озера Иссык-Куль: Тибет простирался на юг, токуз-гузы — на восток, кимаки — на северо-восток. Резиденцию царя кимаков Тамим располагает в 81 дне пути от Тараза. Ориентируясь на более ранние сведения Гардизи о ки-

маках, можно локализовать резиденцию их царя в районе Иртыша, тем более что в каждом из последующих источников («Худуд ал-алам» и «Нузхат ал-муштак») приводятся данные как о расселении кимаков на Иртыше, так и о расстоянии в 80—81 день от Тараза до столицы хакана кимаков [61, л. 186; 433, с. 99—100; 7, лл. 68 а, б].

Весьма интересным представляется указание Тамима о том, что государство токуз-гузов с севера граничило с кимаками [436, с. 279; ср. 137, лл. 166а, 169а].

К югу от Джунгарского хребта проходила северная граница Уйгурского государства (государства токуз-гузов), экспансия которого как в западном, так и в северном направлениях никогда не носила постоянного характера [436, с. 301—302]⁸. Во всяком случае, отдельные упоминания о влиянии токуз-гузов на территории Семиречья никогда не связываются с их политической властью в этом районе.

Возможность распространения владений кимаков так далеко к югу от Прииртышья не рассматривалась в научной литературе. Совершенно очевидно, что Тамим не имел в виду направление к северу от орхонской столицы уйгуров — в этом случае он должен был бы назвать кыргызов, с которыми уйгуры в те годы вели ожесточенную войну [80, I, с. 355]. Тамим лишь называет то направление, по которому он проехал сам из Верхнего Барсхана через ставку кимаковского хакана в страну токуз-гузов — с севера на юг, а вернее, с северо-запада на юго-восток, и здесь граница была непосредственной. По мнению В. В. Бартольда, столица токуз-гузов, которую посетил Тамим, находилась в Восточном Туркестане [52, с. 34—35]. И. Маркварт и В. Ф. Минорский отождествили ее с Гаочаном (Турфаном) [436 с. 289].

До середины VIII в. власть в Илийской долине принадлежала тюркским племенам, объединенным в конфедерацию — дулу и тюркешам [367, с. 279—287]. После разгрома западнотюркских племен карлуками племена чигили, тухси, принадлежавшие к этим группам и частично адсорбированные в Западном Семиречье кар-

---

⁸ Об Уйгурском государстве и его развитии см.: 391, с. 7—17; 451, с. 21—23.

луками, остались в восточной части Семиречья на своих прежних племенных территориях [433, с. 300—301]⁹, возможно, под политическим контролем карлуков. Однако в X в. этот контроль был карлуками утрачен. Именно сюда после разрыва с карлуками откочевывают племена ягма, которые поселяются в Илийской долине вместе с тухси и чигилями. Не случайно еще во времена Махмуда Кашгарского (XI в.) все три племени упоминаются на этой территории [220, I, с. 342]. Между тем Гардизи называет откочевку ягма в Илийскую долину уходом к кимакам [52, с. 84, 108]. Позднее большая часть ягма после конфликта с кимаками вновь откочевывает во владения токуз-гузов и становится основной частью Караханидского объединения [433, с. 279—280].

Пребывание кимаков в Северо-Восточном Семиречье подтверждается также сообщением «Худуд ал-алам» о набегах кимаков на Джамлекес — пограничный город токуз-гузов, сохранивших в X в. лишь северо-западную часть своих владений [433, с. 306], что также свидетельствует о наличии общей границы между кимаками и токуз-гузами. Тот же город подвергался набегам карлуков, а это как будто говорит о его северо-западной локализации в государстве токуз-гузов. Во всяком случае, окончание *-кет/-кес* (согд. *kt*) говорит о согдийском происхождении названия города, что едва ли было бы возможно за пределами той зоны Восточного Туркестана, вдоль которой задолго до появления «Худуд ал-алам» существовали согдийские поселения [395, с. 606—615].

По сведениям ал-Идриси, Ибн ал-Варди и Ибн Ййаса, южными соседями кимаков были токуз-гузы [7, л. 68а; 136, л. 64а; 138, л. 247].

Прежде чем расселиться в Северо-Восточном Семиречье, кимаки должны были овладеть землями между Тарбагатаем и Западным Алтаем, где в начале VIII в. жили карлуки. В 766 г. карлуки оставили эти земли и продвинулись в глубь Семиречья. Со второй половины VIII в. территория расселения карлуков простиралась от оз. Балхаш и Джунгарского Алатау до Сырдарьи, включая часть Ферганской долины [333, с. 15]. Начиная с этого времени кимаки, видимо, стали расселяться

⁹ О племенном объединении карлуков см.: 454, с. 270—285; 451, с. 21—23.

на землях, покинутых карлуками, и, более того, в начале IX в. отдельные группы кимаков перешли на территорию Северо-Восточного Семиречья, став соседями токуз-гузов и киргизов на Тянь-Шане.

Необходимо строго различать значение термина *киргиз* применительно к конкретным носителям: то ли к кыргызам с верховьев Енисея, то ли к киргизам на Тянь-Шане. Это не всегда дифференцировалось не только средневековыми авторами, но и позднейшими исследователями, что приводило к сугубо односторонней интерпретации сведений мусульманских источников о киргизах [147, с. 157].

Приблизительно в то же время, во второй половине VIII в., вместе с движением собственно кимаков на юг прослеживается еще одно движение кимакских племен — кыпчаков — от Иртыша на запад. В перечне тюркских племен, приводимом Ибн Хордадбехом и относящемся к VIII в., кыпчаки уже названы отдельно от кимаков [404, с. 31; 137, л. 168а]. Сведения об «отделении» кыпчаков от кимаков подтверждаются также данными «Худуд ал-алам»: «Кыпчаки — племя, которое отделилось от кимаков и поселилось в этом месте» [61, л. 19а; 433, с. 101]. Этот факт нашел отголосок и в китайском источнике. При описании биографии кыпчакского полководца армии Хубилая Тутуха в «Юаньши» сказано, что с «того времени, как предок (разрядка наша. — Б. К.) Тутуха Цюйу переселился к горам Юйли-боли, представители этого племени составили самостоятельное поколение. Они называли свое владение цинь-ча (кыпчак). Их земли находились на расстоянии 30 000 ли от Китая» [189, с. 62]¹⁰. По всей вероятности, данные Ибн Хордадбега, «Худуд ал-алам» и «Юаньши» о переселении кыпчаков относятся к одному и тому же времени — к концу VIII в.

Территорию расселения кыпчаков, точнее ее южную часть, можно определить исходя из сообщения в «Худуд ал-алам»: «Южные границы кыпчаков соприкасаются с печенегами» [61, л. 19а; 433, с. 101]. При описании расселения печенегов ал-Бакри, Гардизи, ал-Марвази на севере от них указывают кыпчаков [179,

---

¹⁰ По мнению И. Маркварта, это переселение произошло в XII в. [424, с. 114], Н. А. Аристов относит его к XIII в. [22, с. 312].

с. 42; 52, с. 95, 120; 435, с. 20]. Печенеги, как известно, в VIII — начале IX в. жили в бассейне Сырдарьи и в Приаральских степях [421, с. 5, 10; 424, с. 26; 338, с. 370; 161, с. 177—179]. Следовательно, чтобы граничить с печенегами на юге, кыпчаки должны были подойти к юго-восточной части Южного Урала. Вполне правомерно мнение И. Маркварта, что горы Юйли-боли, куда переселились кыпчаки, и есть Южный Урал [424, с. 138].

Анализируемые сведения позволяют заключить, что между юго-восточной частью Южного Урала и северной частью Приаральских степей проходила непосредственная граница кыпчаков с печенегами. Расселение основных масс кыпчаков на столь обширных землях, от Прииртышья до Южного Урала, создало видимость отделения кыпчаков от кимаков. В действительности, во владения кимаков входила и область кыпчаков, поскольку политическая гегемония в ареале расселения кимако-кыпчакских племен вплоть до начала XI в. принадлежала кимакам.

Это подтверждается археологическими изысканиями на территории Казахстана, в результате которых были обнаружены курганные захоронения, относящиеся к VIII—XII вв. Археологическое единство выявленных материалов предполагает единство этнического происхождения, что позволяет отнести исследованные курганы к памятникам культуры кимако-кыпчакских племен [204, с. 17—22; 209, с. 53—54; 213, с. 33—47; 205, с. 44—47; 185, с. 59—63; 18, с. 51—56; 327, с. 20; 328; 24, с. 68—84; 25, с. 43—57; 26, с. 98—111]. Обращает внимание и то, что остатки оседлых поселений Центрального Казахстана во многом отличаются от поселений Южного Казахстана и по своей форме несколько напоминают остатки средневековых поселений Семиречья [212, с. 20].

О северной границе кимаков трудно судить по письменным источникам, так как, по их сведениям, кимаки граничат на севере то с землями, где никто не живет [61, л. 186; 433, с. 99], то с мифическими племенами Йаджудж и Маджудж [482, с. 9; 408, с. 14] (см. рис.)¹¹, а то простираются до «окружающего моря» [32, карта

¹¹ О племенах Йаджудж и Маджудж см. 322, с. 180—196.

№ 19] и т. п. Однако материалы археологических исследований последних лет позволяют теперь надежно обозначить северную границу кимаков. Так, в южной части Среднего Прииртышья обнаружены курганные могильники, аналогичные кимакским из Прииртышья, датируемые IX—XII вв., в северной части той же области распространены групповые погребения совершенно иного типа (Барсов городок и др.) [102, с. 224—225].

Рассмотренные историко-географические материалы дают возможность локализовать кочевья кимакских племен до середины IX в. следующим образом: приблизительно от юго-восточной части Южного Урала до Приаральских степей на западе, с земель Центрального Казахстана до Северного Прибалхашья включая часть территории Северо-Восточного Семиречья на юге, от Западного Алтая до Кулундинской степи на востоке и до лесостепной полосы на севере. Разумеется, не везде на этой обширной территории кимаки составляли основную массу населения. Наиболее компактно они жили на среднем течении Иртыша, а также в Северо-Восточном Семиречье.

Во второй половине IX в. в западных пределах кимакских племен произошли события, которые определили в дальнейшем движение их кочевий на запад, а именно: между серединой и концом IX в. союз печенежских племен потерпел поражение от союза огузов, кимаков и карлуков. Краткое упоминание об этих событиях сохранилось у ал-Масуди: «Причина переселения этих четырех тюркских племен (баджнук, баджна, баджгард и нукарда) с востока и то, что было между ними, огузами, карлуками и кимаками из войн и набегов на Джурджанийское озеро (Аральское море)» [406, с. 181]. Пребывание кимаков и карлуков в IX в. у Аральского моря было поставлено под сомнение вслед за И. Марквартом и А. Ю. Якубовским [424, с. 26; 341, с. 51, прим. 4]. Однако оно вполне объяснимо, если учесть, что кимакские племена, как было показано, вплотную подступали с севера к местам обитания печенегов (кенгересов) в VIII—IX вв., а карлуки весьма рано (в VIII—IX вв.) проникли в район Средней Сырдарьи [53, с. 7]. Отзвуки исторических перипетий, отразившиеся в сочинении ал-Масуди, нашли положи-

Расселение
кимаков
к середине X в.

тельную интерпретацию в ряде последующих исследований [478, с. 107; 161, с. 177—178; 16, с. 129].

В результате указанных ал-Масуди событий огузы овладели землями союза печенежских племен по Сырдарье и в Приаральских степях. Кимаки вместе с огузами стали кочевать в районе Урала, в Приаральских и Прикаспийских степях. О распространении кочевий кимакских племен на отмеченной территории свидетельствуют арабо-персидские сочинения X—XI вв.

Из числа нарративных источников прежде всего отметим сведения ал-Истахри и Ибн ал-Хаукаля. По данным этих авторов, кимаки обитали «к северу от карлуков, между огузами, кыргызами и горой Саклабия» [482, с. 9; 408, с. 14]. На «Карте мира» ал-Истахри не отмечены ни огузы, ни кыргызы, а показаны лишь земли кимаков и карлуков. Кимаки занимают территорию к северу и к северо-западу от Аральского моря (Бухайрат ал-хаварзам), карлуки — к востоку от Мавераннахра [32, карта № 15].

Более подробно определены границы расселения кимаков по карте Ибн Хаукаля. Область кимаков на карте показана к северу от карлуков, между кыргызами и огузами. К северо-востоку от Каспийского моря (ал-Хазар) и к северу от Аральского моря (Хаварзам) отмечены огузы, а севернее их простирается территория кимаков; к востоку от кимаков расположены кыргызы, видимо, енисейская ветвь. Однако на этой же карте та же область кыргызов очерчена к юго-западу от токузгузов и к северо-востоку от карлуков; последние расположены к востоку от огузов и Мавераннахра [32, карта № 19]. Такое расселение кыргызов как будто бы указывает теперь на их тянь-шаньскую группу.

Как же примирить эти противоречивые сведения? Они были бы непонятны, если бы не предположить, что Ибн Хаукаль свел воедино сведения как о енисейских кыргызах, так и их тянь-шаньских группах.

Согласно тексту ал-Истахри и Ибн Хаукаля, карлуки находились к востоку от земель огузов и на запад от токузгузов [482, с. 9, 10; 408, с. 14]. К середине X в. основная масса карлуков, по мнению К. Шаниязова, жила к юго-западу от Иссык-Куля, по обоим склонам Тянь-Шаньских гор, в бассейне р. Нарын, в Фергане и Тохаристане [333, с. 21]. Следовательно, северная гра-

ница территории карлуков проходила к югу от оз. Балхаш. И. Маркварт полагал, что страна карлуков отделяется от кимаков опасной пустыней — песками на юге Балхаша [422, с. 81].

На востоке кимаки граничили с енисейскими кыргызами. Об этом свидетельствуют также данные Гардизи [52, с. 86]. Вероятно, енисейских кыргызов имеет в виду ал-Бируни при перечислении тюркских народов: «Шестой климат начинается с обиталища восточных тюрков: каи, кунов, кыргызов, кимаков, токуз-гузов, страны туркмен, Фараба, страны хазар и северной части их моря» [491, с. 145; ср. 495, I, с. 33].

На западе кимаки, как упоминалось выше, граничили с огузами. Западные границы огузских становищ в X в. достигали предгорий Южного Урала и Нижнего Поволжья. Огузы кочевали по Эмбе и Уралу [16, с. 78]. Отношения между кимаками и огузами в IX—X вв. были дружественными (вспомним союз огузов с кимаками против печенежских племен). Аноним «Худуд ал-алам» и ал-Марвази сообщают, что «когда между ними (кимаками и огузами) мир, кимаки откочевывают зимой к огузам» [61, л. 186; 433, с. 100; 435, с. 20]. У ал-Бируни читаем, что группы огузов кочевали близ гор Манкур¹² в стране кимаков [369, с. 264; ср. 9, с. 290; 128, л. 1066; 483, I, с. 194; 127, л. 218а; 483, II, с. 295; 331, л. 130а; 138, л. 452]. Очевидно, здесь подразумеваются верховье Сарысу и предгорья Улутау [121, с. 9—10].

Горы Саклабия, упоминаемые ал-Истахри и Ибн Хаукалем, по-видимому, соответствуют Южному Уралу. Расселение кимацких племен на территории Южного Урала отмечается также в «Худуд ал-алам»: «И еще есть гора незначительная между крайними пределами русов и началом пределов кимаков; ее длина пять дней пути» [61, л. 76; 433, с. 284]. Это сообщение может указывать, по мнению В. Ф. Минорского, на то, что кимаки (или, по крайней мере, их кыпчакская ветвь) некоторое время жили в восточной и западной сторонах Южного Урала [433, с. 204, 305—306].

---

¹² И. Маркварт усматривает в «Манкур» кризисированную форму от тюркского «Мин-коль-таг», означающее «Гора тысячи источников» [424, с. 101].

Как уже указывалось, кыпчаки расселялись на Урале еще в конце VIII в. В IX—X вв. территория Южного Урала (совр. Башкирия) принадлежала башкирским племенам. Ибн Фадлан отмечает присутствие башкир за рекой Багнади, вероятно, соответствующей нынешней Явынды [477, с. 147, 156; 166, с. 130]. Согласно легендам и преданиям, западно-башкирские племена отделились от кыпчакского объединения и поселились в Приуралье задолго до монгольского нашествия, в то время как кыпчаки-тамьянцы заняли территорию Южной Башкирии в первой половине XIII в. [238, с. 32]. По всей вероятности, проникновение кыпчаков, западной ветви кимаков, в состав башкирских племен началось с IX в., когда они непосредственно граничили между собой. Так, в легенде о происхождении кыргызов у Гардизи восточными соседями башкир указываются кыпчаки (resp. кимаки) [52, с. 85]. Об этом говорят и археологические материалы из курганных захоронений IX—X вв. в Южной Башкирии и в верховьях Урала [287; 196]. Известно, что кыпчакский элемент в этногенезе башкирского народа оставил большой след и в их языке и в культуре.

Согласно текстам ал-Истахри и Ибн Хаукаля, «река Атиль вытекает около земель кыргызов и течет между страной кимаков и огузов, она является границей между кимаками и огузами. Потом она уходит на запад к Булгару. Река поворачивает затем на восток и, пройдя Русь, Булгарию и Буртасию, впадает в Каспийское море» [482, с. 222, изд. 2; 408, с. 393]. Целостное описание Волги — Атиля встречается и в последующей арабо-персидской литературе X—XV вв. («Худуд ал-алам», ал-Идриси, Ахмад Туси, Мухаммад Бакран, ад-Димашки, Ибн Халдун и т. д.). Во всех описаниях верхнее ее течение определяется с востока на запад¹³. А это зна-

---

¹³ Йакут [495, I, с. 113] и Хамдаллах Казвини [471, с. 204] утверждают, будто притоки Атиля находятся на землях кыргызов. Ибн ал-Варди [136, л. 61] полагает, что Волга течет из страны токуз-гузов. Шамс ад-дин Суфи [332, л. 57] считает, что Атиль берет начало из степей кыпчаков [ср. 220, I, с. 70: «Атиль — название реки в области кыпчаков, впадает в Болгарское море, а один ее рукав течет мимо области русов»]. А Ибн Халдун при определении места истоков Волги упоминает территорию Йаджудж и Маджудж [392, с. 91; 140, с. 45].

чит, что «приток» Волги нужно искать к востоку от нее. Д. А. Хвольсон [321, с. 72], В. В. Бартольд [39, с. 524], В. Ф. Минорский [433, с. 216], Б. Н. Заходер [129, с. 164] предполагают, что географическая традиция на арабском и персидском языках принимала за волжское верхнее течение р. Каму. В таком случае, имея в виду сообщения ал-Истахри и Ибн Хаукаля, на р. Каме должны были бы граничить кимаки с огузами. Но такое расселение этих племен расходится с исторической действительностью. Известно, что в районе р. Камы в рассматриваемое время жили финно-угорские племена [307, с. 287].

В. А. Рыбаков, опираясь на данные карты ал-Идриси, высказал предположение, что «истоком» Волги могла быть р. Белая [280, с. 26—27]. Однако предложенная идентификация опровергается тем обстоятельством, что в бассейне р. Белая в IX—X вв. расселялись башкирские племена. О. Карасв за приток Атиля принимает Иртыш, который берет начало в горах Монгольского Алтая [153, с. 39—40]. В данном случае остается необъяснимым расселение огузов на верхнем Иртыше.

В решении вопроса об идентификации «притока» Атиля главным аргументом должны быть сведения о расселении на нем кимаков и огузов. «Приток» Атиля, как показал В. П. Демидчик, руководствуясь сведениями новейшего издания Ибн Хаукаля, в действительности соответствует нынешнему Уралу [120, с. 56]. Соединение Урала с Волгой объясняется неверным представлением средневековых авторов о течении этих двух самостоятельных рек.

На карте Ибн Хаукаля наглядно показан Атиль, впадающий в Каспийское море (ал-Хазар). К северу от Аральского моря показаны огузы и кимаки. Между территорией кимаков и огузов, расположенных к северу от Аральского моря, протекает река, которую легко можно узнать из контекста, — это «приток» Атиля [32]. Данные карты вместе с исторической действительностью позволяют считать «притоком» Атиля р. Урал.

Свидетельство кочевания кимаков на Урале находим и у автора «Худуд ал-алам». Согласно источнику, «река Артуш течет между землями кимаков и огузов» [61, л. 10б; 433, с. 75]. Артуш, по мнению В. Ф. Минорского, соответствует Уралу [433, с. 215, 308—309]. Он счи-

тает, что в анонимном сочинении автора X в. нашло отражение далеко не ясное представление о гидрографии отдаленных от мусульманского мира областей «неверных».

О кочевании группы кимакских племен по рекам Эмбе и Уралу свидетельствует и ал-Масуди. О Белом и Черном Иртыше, впадающих, по его мнению, в Каспийское море, он пишет: «Между их устьями около десяти дней пути; на них расположены зимовки и летние кочевья кимаков и огузов» [406, с. 62]. Как показали И. Маркварт и В. Ф. Минорский, Черный и Белый Иртыш, о которых сообщает ал-Масуди, соответствуют Яику (Уралу) и Эмбе [422, с. 340; 424, с. 101—102; 433, с. 215—216].

Отдельные группы кимакских племен доходили и до Каспийского побережья. На это указывает недолго существовавшее в топонимике название Каспийского моря — Кимакское море, упоминаемое в «Шах-наме» [315, II]¹⁴. Дело в том, что почти каждый город, река или пустыня за определенный исторический период имели по несколько названий. Эти названия связаны с общеизвестными топонимическими закономерностями: море называется по именам стран, окружавших его, по именам городов, расположенных на его берегах, по именам впадающих рек, по именам народов, живших на побережье [318, с. 157].

В издании карт Ахмада Суса привлекает внимание «Круглая карта мира» неизвестного арабского географа [32, карта № 38]. Ахмад Суса не приводит никаких комментариев к ней. На этой карте, так же как у Ибн Хаукаля, между территорией кимаков и огузов протекает река Атиль. Исток Атиля показан где-то на востоке. Область кимаков отмечена к северу от Аральского и к северо-востоку от Каспийского моря. По данной карте невозможно определить восточную границу кимакских земель, так как в этой части карта чересчур схематична. Но зато вполне определенно можно сказать о западных границах расселения кимаков: это северо-восточная часть Прикаспийских степей, бассейны рек

---

¹⁴ Анализ и обобщение результатов длительного изучения «Шах-наме» и характеристику поэмы как историко-литературного памятника см.: 296, с. 159—592; 79, с. 169—238.

Урала и Эмбы, районы к северу от Аральского моря до Южного Урала; последний, возможно, и изображен на карте в виде отдельного хребта в северо-западной области кимаков. Судя по изображению пределов кочевания кимаков, можно предположить, что карта отражает расселение кимаков в X в.

Аналогичное расселение кимаков с изображением их западных районов приводится и в картографическом материале, содержащемся в сочинениях, написанных в послемонгольский период, — «Карте мира» Хамдаллаха Казвини [32, карта № 35] и «Карте мира» Ибн ал-Варди [32, карта № 36]. Но так как эти авторы повторяют сведения своих предшественников IX—X вв. и ничего нового в расселение кимаков не вносят, то в анализе их карт нет необходимости.

Гардизи отмечает, что кимаки зимой уводили лошадей в страну Ирак عراق в место Ок-таг [52, с. 84, 107]. Существуют две интерпретации места откочевки кимаков. В. Ф. Минорский предложил вместо Ирак عراق читать Играк اغراق [433, с. 277]. Затем сопоставляет Играк с горой Иградж-арт, упоминаемой в «Худуд ал-алам» [61, л. 6а; 433, с. 62, 208]. Под горой Иградж-арт имелся в виду Центральный Тянь-Шань. Тем самым В. Ф. Минорский допускает, что кимаки перегоняли своих лошадей в горы Тянь-Шаня [433, с. 277]. Если принять во внимание уже приведенные сведения об обитании кимаков в Северо-Восточном Семиречье, такое допущение можно считать вполне возможным. Махмуд Кашгарский в перечне тюркских племен южной группы приводит племя играк, расселявшееся между ягма и джарук. Ягма жили к югу от р. Нарына [61, с. 96; 60, с. 585], а джаруки в городе Барджук [220, I, с. 318], современный Марал-баши [87, с. 85 и след.]. Отсюда нетрудно представить место расселения играков. Быть может, имеется какая-то связь между иградж «Худуд ал-алам» и играк Махмуда Кашгарского.

В. В. Бартольд считал, что Гардизи или переписчик по ошибке приняли тюркское слово ирак ايراق «отдаленный» за название страны Ирак и нашел возможным отождествить Ок-таг с Эк-тагом византийских писателей [52, с. 107]. А это значит, что кимаки перегоня-

ли своих лошадей в Монгольский Алтай [183, с. 125, 199, прим. 234]. Интерпретация, предложенная В. В. Бартольдом, на наш взгляд, более предпочтительна.

Значительные сведения, относящиеся к этому времени, содержатся в «Худуд ал-алам» в разделе о кимаках, где сообщается о трех территориальных единицах в пределах кимаков.

Первая — Андар аз-кыфчак, страна кимаков, чьи обычаи похожи немного на огузов [61, л. 186; 433, с. 100]. В. Ф. Минорский полагает, что Андар аз-кыфчак может обозначать «Внутренние кыпчаки» [433, с. 309], и, на наш взгляд, верно локализует их в северо-западной части кочевий кимакских племен [433, с. 309]¹⁵. Более точные границы Андар аз-кыфчак — северо-западная и западная части Центрального Казахстана, Южный Урал и северная окраина Приаральских степей. Жители этой части кимакской территории могли походить на огузов своими обычаями. Непосредственная граница и теснейшая связь между кимакскими и огузскими племенами наложили отпечаток на их язык, быт и культуру. Диалект кыпчакского языка, по словам Махмуда Кашгарского, имел ту же самую фонетическую особенность, что и диалект огузов. — элементы «джекания» [220, II, с. 253; III, с. 23; 142, с. 95; 452, с. 403]. Этнокультурные связи кимако-кыпчакских племен с огузами прослеживаются также по старинным казахским преданиям [211, с. 78—80].

«Йагсун-йасу — другой район кимаков между реками Атиль и Иртыш, который имеет более приятные и более умеренные условия» [61, л. 186; 433, с. 100, 309—310]. Точно локализовать этот район пока трудно. Между этими реками лежит обширная территория, и Андар аз-кыфчак занимает лишь часть ее. Предположительно Йагсун-йасу находится западнее района Андар аз-кыфчак, возможно, в бассейне р. Эмба.

«Кыркырхан»¹⁶ — другой район кимаков, чьи обы-

¹⁵ А. Х. Маргулан полагает, что Андар аз-кыфчак соответствует району Сырдарьинских Каратау, Сыгнака и низовьям р. Сарысу [213, с. 34].

¹⁶ Этимология этого слова может быть связана со словом «кыр» — гористая степь между Иртышом и Балхашом [263, II, с. 733]. Термин «кыр» широко известен в Средней и Центральной Азии. У туркмен он обозначает плато, плоскую возвышенность, у

чай немного похожи на кыргызов» [61, л. 186; 433, с. 100]. Очевидно, этот район находился гораздо ближе к каким-то группам кыргызов, чем к другим соседним тюркским племенам. Это подтверждается непонятным с первого взгляда названием, приводимым при перечислении тюркских племен Шамс ад-дином Суфи, согласно которому «шестой климат начинается с обиталища восточных тюрков: кыргыз, кыркыр (قرقر), кимак, токуз-гуз, простирается по стране булгар...» [332, л. 12а]. Отсюда явствует, что между кыргызами и кимаками находились племена кыркыр. В связи с этим вызывает интерес предание, зарегистрированное в «Маджму ат-таварих», в котором одна из областей киргизских степей носила название Кыркыры (или Каркары), причем сами они именовались «кыркыринские кыпчаки» [294, л. 61а]. Трудно сказать, аналогична ли область Кыркыры «Маджму ат-таварих» с Кыркырхан «Худуд ал-алам» и Кыркыр Шамс ад-дина Суфи.

В. Ф. Минорский считает, что Каркархан (читает так!) — южная часть территории кимаков, которая лежит в гористой местности южнее Иртыша, приблизительно в 350 км к северо-западу от Семипалатинска [433, с. 309]¹⁷, т. е. в районе современного Каркаралинска. Такое отождествление очень заманчиво.

Однако более вероятным представляется расположение Кыркырхан также в гористой местности южнее Иртыша, но в районе от Тарбагатая до Калбинского хребта, включая хребет Чингизтау. Тарбагатайский хребет под другим названием упоминается в «Нузхат ал-муштак» — Гиргир. Соблазнительно провести параллель между Кыркырхан по «Худуд ал-алам» с Гирги по «Нузхат ал-муштак», тем более что анонимный автор и ал-Идриси могли использовать одни и те же исторические сведения о кимаках.

Кимаки граничили также с киргизами на Тянь-Шане. Расселение группы киргизов на Тянь-Шане подтверждается сведениями «Худуд ал-алам» о городе

других народов — низкие предгорья, невысокие горы, возвышенность [231, с. 185].

¹⁷ К. И. Петров область Кыркыр предположительно локализует на границе с владениями енисейских кыргызов — пример в верховьях р. Оби [243, с. 50].

Пенчуле: «Пенчул расположен в стране карлуков, но раньше он управлялся от имени токуз-гузов, а теперь занят киргизами» [61, л. 18а; 433, с. 98, 293—297]. В. В. Бартольд относит эти сведения к концу IX в. [54, II, с. 39; 48, с. 492; 434, с. 283]. Именно пребыванием киргизов на Тянь-Шане можно объяснить сообщения ал-Марвази и Ауфи о том, что «кимаки лежат севернее киргизов» [435, с. 20; 232, л. 470; 233, с. 99].

К рассматриваемому времени (X в.), видимо, относится путешествие Абу-Дулафа, которому пришлось ехать по земле кимаков 35 дней [137, л. 176а; ср. 127, л. 218а; 483, II, с. 395; 495, III, с. 448; 138, л. 225].

Сведения о географическом положении страны кимаков имеются также в астрономических таблицах (зиджи), представляющих не менее ценный документ. Так, ал-Брусави (XVI в.) располагает страну кимаков на 98° восточной долготы и на 49° северной широты [293, л. 1316], что приблизительно соответствует району Западного Алтая.

Анализируемые сведения позволяют заключить, что распространение кочевий кимаков шло с востока на запад и охватило новые районы: юго-западную и западную части предгорий Южного Урала, бассейны рек Эмбы, Урала, а порой и Каспийское побережье.

Во второй половине X в. часть кимацких племен, в основном кыпчаки, продвинулась к правобережью Сырдарьи, непосредственно к мусульманским областям Туркестана. В пользу этого говорит сообщение ал-Макдиси, что город Сабран являлся пограничным укреплением против соседних племен — огузов и кимаков [374, с. 274]. Сабран, или Сауран, располагался на правом берегу Сырдарьи, в 48 км к западу от г. Туркестана. Сауран отождествлен с одноименным городищем [193; 157, с. 186—187]. По описаниям ал-Макдиси, «Сауран большой, укрепленный пункт, окруженный семью валами, один за другим, в нем есть рабад, соборная мечеть во внутреннем городе (медина)». Ал-Макдиси называет еще один пункт в области Туркестана: «Шагльджан — также пограничная крепость против кимаков, большой укрепленный пункт с многочисленными благами» [374, с. 274]. Городище Ишкан, находящееся в 26 км к северу от города Туркестана, у подножия южных склонов Каратау, по мнению Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевича, мо-

жет быть отождествлено с Шагильджаном [17, с. 97]¹⁸. Таким образом, распространение группы кимацких племен со второй половины X в. шло на юг к Туркестану.

К исследуемому времени относятся сведения ал-Идриси, содержащие подробное описание страны кимаков.

СТРАНА КИМАКОВ И ПУТЬ ТУДА ПО АЛ-ИДРИСИ

Страну кимаков ал-Идриси помещает в девятом и десятом отделах десятого климата «Нузхат ал-муштак». В девятом отделе вместе с землями кимаков описываются и земли карлуков.

Степень достоверности географических сведений, приводимых ал-Идриси, зависит от истинных направлений основных торговых путей того времени. На юго-запад и запад от страны кимаков он обозначает хорошо известную мусульманским купцам и путешественникам страну карлуков, а на юг — не менее известную страну токуз-гузов. На востоке и на севере, куда не проникали торговые караваны из мусульманских стран, автор по традиции помещает море Мрака и земли Иаджудж и Маджудж, представление о которых проникло в мусульманскую географическую литературу через Коран. Таким образом, основную этнотопонимическую характеристику области кимаков ал-Идриси связывает с названиями, встречающимися у других арабских и персидских авторов [172, с. 48—51].

Одной из сложных задач является отождествление местоположения «неузнаваемо искаженных», говоря словами В. В. Бартольда, названий географических объектов и населенных пунктов, приводимых ал-Идриси, с той историко-географической схемой, которая сложилась на основании иных источников. Такая задача, быть может, окажется осуществимой, если будут обнаружены связующие звенья между уникальными сведениями ал-Идриси и иными сообщениями. Пока же предстоит ограничиться более скромной задачей: на основании имеющихся итинерариев и данных карт ал-

¹⁸ А. Н. Бернштам считает Ишкан остатком Карнака [70, с. 23].

Идриси воссоздать сеть отождествляемых с современной картой ориентиров, в которой найдут свои привязки хотя бы опорные элементы координатной схемы ал-Идриси (см. рис. 1 и 2).

Гаган — система Алакольских озер Согласно ал-Идриси, путь в страну кимаков из Ахсикета¹⁹ (главный город Ферганы в X в.) до Карантии, расположенной на берегу оз. Гаган (а это озеро и есть исходная точка отсчетов расстояний по стране кимаков), составляет 27 конных переходов [7, л. 65а], т. е. около 900—1000 км; от Бахвана, города токуз-гузов, до Карантии — 7 переходов [388, II, с. 215], т. е. около 225 км.

П. Пельо и И. Маркварт отождествляют Бахван с Аксу [450, с. 553—556; 424, с. 103]. К такой идентификации П. Пельо пришел полагаясь на данные Ф. Гренара, последний же под Верхним Барсханом понимал Кашгар [389, с. 65]. От Верхнего Барсхана до Бахвана 14 переходов. В настоящее время доказано, что Верхний Барсхан находился на юго-восточном берегу оз. Иссык-Куль²⁰. Отсчет расстояний от Аксу до Иссык-Куля как в северном, так и в западном направлении дает нам иное местоположение Бахвана: где-то между Кучой и Кульджой, возможно, на р. Текес или Кунгес.

На основании маршрутных данных ал-Идриси В. В. Григорьев поместил оз. Гаган в Восточном Туркестане, идентифицируя его с озером Бостен-Нор (Баграшкуль) [112, с. 223]. Но Баграшкуль не имеет отношения к стране кимаков: оно расположено в глубине области токуз-гузов. Здесь ал-Идриси помещает озеро Надаху. Да и сам В. В. Григорьев признает, что оз. Гаган у ал-Идриси помещено гораздо севернее [112, с. 223].

К. Миллер отождествил оз. Гаган с оз. Иссык-Куль. [429, IV, с. 85]. Однако подобное совмещение противоречит «Нузхат ал-муштак» и данным карты. По тексту вокруг оз. Иссык-Куль в рассматриваемое время расселялись карлуки. К. Миллер, очевидно, не обратил внимания на то, что в «Сурат ал-ард» Верхний Барсхан расположен к югу от оз. Самджан.

¹⁹ О локализации Ахсикета см.: 37, с. 342; 330, с. 197—206.

²⁰ О локализации Верхнего Барсхана см.: 68, с. 80—82; 78, с. 26; 436, с. 292.

И. Маркварт полагает, что под оз. Гаган имеется в виду оз. Балхаш [422, с. 79]. Несмотря на то, что предложенная идентификация весьма заманчива, она не может быть признана удачной. Дело даже не в том, что оз. Балхаш по размерам в несколько раз превосходит оз. Гаган. Такая локализация неприемлема потому, что, согласно «Нузхат ал-муштак», южнее оз. Гаган жили токуз-гузы, в то время как достоверно известно, что к югу от Балхаша с середины VIII в. расселялись карлуки.

Перенос маршрутных данных ал-Идриси на современную карту с учетом описываемой им географической обстановки позволяет отождествить оз. Гаган с системой Алакольских озер (Алаколь, Уялы, Сасыколь). Правомерность этой идентификации подтверждается также данными «Сурат ал-ард».

На карте ал-Идриси в стране карлуков помещены два крупных топографических объекта: озеро Самджан на юге (оно же — Бухайрат ат-турк — «Озеро тюрок») ²¹ и озеро Тахама строго на север от него. На южном берегу «Озера тюрок» обозначена область Верхнего Барсхана, надежно локализуемая теперь по многим источникам на южном берегу оз. Иссык-Куль [52, с. 31—33; 78, с. 26; 436, с. 292]. Именно отождествление «Озера тюрок» с Иссык-Кулем ²² и может послужить исходным пунктом расшифровки этой части карты ал-Идриси и ее совмещения с известной нам географической схемой. Если иметь в виду, что на север от Иссык-Куля имеется лишь одно крупное озеро, до которого простирались после середины VIII в. карлукские кочевья — оз. Балхаш, то, возможно, ал-Идриси, отражая традицию Саллама ат-Тарджумана [7, л. 586], упоминает его под названием Тахама ²³.

---

²¹ В средневековых нарративных источниках топонимическое название «Озеро тюрок» встречается у Шереф ад-дин Йезди — «Атрак-куль» *اتراك كوله* Указал на этот источник О. Ф. Акимушкин [473, с. 496; 336, л. 122 6].

²² Неоспоримость изображения оз. Иссык-Куль на карте ал-Идриси снимает существующее мнение о том, что первое картографическое изображение Иссык-Куля обнаружено на Каталонской карте (1375 г.) [66, с. 22].

²³ В разделе о стране огузов «Нузхат ал-муштак» описывается оз. Горгуз, которое идентифицировано С. Г. Агаджановым с оз.

Как уже упоминалось, в I—II тыс. н. э. на территории Казахстана и в Средней Азии в целом наблюдалось значительное повышение влажности климата [260, с. 5; 337, с. 117—123]. Это обстоятельство дает ключ к пониманию того, что озера Алакольской системы по крайней мере еще в первой половине II тыс. н. э. были одним большим озером [109, с. 352; 237, с. 242; 181, с. 120; 289, с. 111; 281, с. 277].

На картах начала XVIII в. — Унковского (1722), Рената (первая треть века), китайских картах Цянь-луна — Алакольские озера объединены в одно [92; 198; 192, с. 79; 244]. По всей вероятности, данные этих карт отражают состояние более ранней стадии бассейна Алакольских озер. Во всяком случае, еще совсем недавно (в конце XVIII в.) от оз. Сасыкколь отделилось оз. Уялы [181, с. 120; 288, с. 185]. В настоящее время для соединения этих трех озер в одно достаточно повышения уровня оз. Алаколь на 7 м, в то время, как для соединения оз. Балхаш с оз. Алаколь необходимо повышение их уровня на 17 м. Размеры водного зеркала системы Алакольских озер, которое имеет в длину около 165 км, а в ширину 40 км, т. е. площадь 6250 км² [314, с. 84; 152, с. 166], почти совпадают с размерами оз. Гаган, длина которого шесть дней пути, т. е. более 180 км, ширина — полтора дня пути, т. е. 45 км [7, л. 65а].

Озеро Гаган ал-Идриси называет морем кимаков. Во время шторма, когда вздымаются волны, писал он, по всей береговой линии кимаковского моря появляется золото, и турки (кимаки. — Б. К.), живущие поблизости от побережья, устремляются на поиски золота в точно известные им места [7, лл. 65б, 68б; 136, л. 64а]. Еще в XIX в. польский ссыльный Янушкевич писал, что казахи, живущие вокруг озера Алаколь, называют его «тенгиз» [344, с. 49], т. е. море. Сильное волнение, вызываемое ветрами «ибэ», или «евгей», (юго-восточный) и «сайкан» (западный и северо-западный), поднимающимися внезапно и достигающими ураганной силы, поддерживает это сходство [180, с. 156—158; 308, с. 39].

Известно, что береговые россыпи золота образуются путем накопления и переноса обломочного золотосодержащего материала вдоль береговых линий силой прибоя. Такие обломки или выносятся в водный бассейн

реками, или образуются от разрушений берегов с находящимися в них коренными месторождениями золота или россыпями [97, с. 14]. На современной геологической карте в пределах Алакольской котловины не отмечены ни месторождения золота, ни россыпи. Несмотря на это, можно предположить, что на берегу Алакольских озер после сильных штормов можно было найти крупницы золота, приносимые многочисленными горными реками, впадающими в озеро с трех сторон.

Если принять во внимание размер Алакольских озер и их ветровой режим, то становится понятным сообщение ал-Идриси о том, что на северо-западном берегу оз. Гаган имелся специальный пункт (деревня Дахрах) с лодками для перевозок. Для быстрого пересечения его пользовались парусными лодками [7, л. 656].

Дардан —
Джунгарский
Алатау

Расположенные к югу от оз. Гаган — Алаколь пограничные горы Дардан — это Джунгарский Алатау. Как и на карте ал-Идриси, они были реальной исторической границей между Уйгурским государством (страна токуз-гузов) и государством Семиречья [340, с. 424—425; 391, с. 7—17; 436, с. 301—302].

Гиргир —
Тарбагатай

В столь же точном соответствии с реальной географической схемой к востоку и к северу от равнины, на которой лежит оз. Гаган — Алаколь, находятся горы Гиргир (или Банджар, по названию города Банджар) — Тарбагатайские горы. В пользу этой идентификации говорит и тот факт, что путь от Тараза проходил в то время преимущественно на восток, в г. Банджар, расположенный на северных склонах Гиргира, населенный тюрками-кимаками, и, чтобы преодолеть этот путь, по сведениям ал-Идриси, требовалось 36 переходов [7, л. 66а].

Хребет Тарбагатай протягивается в широтном направлении на 250 км [151, с. 57]. Ал-Идриси сообщает, что безопасная дорога вдоль подножия Гиргира тянется на 10 дней пути [7, л. 656], т. е. 250—300 км.

В «Нузхат ал-муштак» отмечается, что в горах Гиргир кимаки добывали серебро, охотились на тигров и барсов, промышляли пушного зверя [7, л. 656; 138, л. 248].

На северных склонах Тарбагатай степная растительность непосредственно граничит с зоной альпийских

дугов. На южных склонах широко распространены кустарниковые степи, по ущельям встречаются небольшие рощи яблонь, тополя и осины. В западной части хребта развито садоводство и даже виноградарство. Высокогорные луга с включением таких трав, как водосбор, маралий корень и другие, связывают флору Тарбагатая с флорой Алтая, а присутствие яблони, джунгарского лисохвоста — с флорой Тянь-Шаня [151, с. 371].

Богатая растительность давала приют многочисленным видам животных. Еще в XIX в. на Тарбагатае [291, с. 58] водились тигры. Интересной иллюстрацией этому служит сцена, изображенная на бронзовой бляхе из Бобровского могильника в Прииртышье: кимацкий всадник в характерной короткополой одежде (ср. ал-Идриси: «Одежда у кимаков короткополоая» [7, л. 69а]) поражает копьём тигра [24, с. 80]. В недавнем прошлом на Тарбагатае обитало много медведей, волков, лисиц, куниц, горностаев [251, с. 88—89; 151, с. 436]. Ал-Идриси отмечает, что «купцы вывозят пушнину (с гор Гиргир. — Б. К.) в другие страны» [7, л. 656].

В Тарбагатайских горах и сейчас есть покинутые серебряные рудники, существует пушной промысел, что подтверждает свидетельства ал-Идриси.

В «Сурат ал-ард» озеро Гаган с трех сторон, кроме западной, окружают горы, что также соответствует изображению на современной карте: Алакольскую озерную котловину окружают с трех сторон в виде подковы хребет Тарбагатай (Гиргир) и хребты Барлык и Майли, которые предположительно соответствуют безымянным горам, расположенным к востоку от Дардана.

На карте ал-Идриси р. Шария впадает в Шария — Тентек с северо-запада в оз. Гаган. По тексту «Нузхат ал-муштак», «Шария многоводная и спокойная река. По ней вверх и вниз ходят небольшие суда. Шария берет начало с двух гор. На одной из них есть источник, это — гора Ашлуф, вторая — на земле Дамурии. Затем Шария течет в восточном направлении и впадает в нижнюю часть озера Гаган с северной стороны. Длина реки от истока до впадения в море (оз. Гаган) составляет 75 фарсахов, или 225 миль» [7, л. 656], т. е. более 450 км.

К. Миллер отождествляет р. Шарию с р. Чу. [429, IV, с. 85]. Однако это нельзя признать верным, так как

выше была показана неприемлемость идентификации Гаган — Иссык-Куль, предложенной К. Миллером. К тому же р. Чу не впадает в Иссык-Куль, а оканчивается в группе соляных озер Ащиккуль и Сауманкуль. В «Сурат ал-ард» р. Шария находится к северо-востоку от оз. Иссык-Куль, а не в противоположном, западном, направлении от него, как это усматривает К. Миллер.

В настоящее время из рек Алакольской впадины наиболее полноводной является Тентек, берущая начало двумя рукавами в снежных вершинах Джунгарского хребта. Река довольно бурная и только на протяжении 35 км от устья медленно течет среди песков.

Учитывая авторские домыслы в «Нузхат ал-муштак» о стране кимаков, выражающиеся в явно преувеличенных размерах описываемых городов, в сообщениях о «непрерывных пашнях и возделываемых землях» между кимакскими городами и, быть может, в преувеличении некоторых расстояний, можно предположить, что свидетельство о судоходности р. Шария для небольших судов вверх и вниз по течению также является преувеличением. Есть расхождение и в длине этих рек. Шария, по ал-Идриси, имеет длину 450 км, современный Тентек — 187 км [241, с. 51].

В описании страны кимаков ал-Идриси Гамаш — Иртыш упоминает 16 кимакских городов. Двенадцать городов расположено к северу и главным образом к северо-востоку от хребта Гиргир, из них восемь — в долине р. Гамаш. Здесь, а не в Семиречье, помещает ал-Идриси древние земли кимаков и две столицы кимакского хакана — старую и новую. Гамаш — крупнейшая река в стране кимаков, она берет начало в горах Банджар, расположенных в восточной части хребта Гиргир; отсюда течет, согласно тексту и карте ал-Идриси, сначала на северо-восток, а затем на север; где-то в неведомых уже местах она поворачивает на восток и так течет до впадения в море Мрака. В реке водятся огромные рыбы, берега ее покрыты лесами и чащами, а многочисленные притоки делают ее особенно многоводной.

В описании ал-Идриси можно легко узнать великие реки Западной Сибири, которые берут начало в широтных хребтах Южной Сибири и Центральной Азии, имеют общее северное направление водостока; мощ-

ность их резко увеличивается за счет многочисленных притоков, берега которых покрыты тайгой. Крупная рыба поднимается по этим рекам чуть ли не до самых истоков, а впадают они в неведомое море Мрака, отождествляемое с мировым океаном, который омывает и берега Африки, и берега Китая.

Однако в тексте и на карте достаточно деталей для более конкретной идентификации реки Гамаш. И важнейшим доводом служит как раз сама локализация по р. Гамаш основных территорий кимаков. Результаты изучения всей совокупности источников, относящихся к кимакам, в том числе и археологических материалов, сделали несомненной локализацию этих земель в Среднем Прииртышье. Поэтому отождествление р. Гамаш с р. Иртыш представляется весьма вероятным, что в свою очередь позволяет не отрывать описание ал-Идриси, несмотря на совершенно своеобразную топонимику, от сведений тех арабских и персидских авторов, которые упоминают кимаков. Быть может, это лишает текст ал-Идриси исключительности, обычно ему приписываемой, но позволяет гораздо лучше понять значение и оценить степень достоверности тех элементов его описания, которые действительно могут быть отнесены к разряду уникальных.

Согласно ал-Идриси, «в реке Гамаш много рыбы и множество огромных хуг [оукв. рыб]. В реке водится рыба *санджа*, из которой индийские и китайские врачи получают яд» [7, л. 686].

Иртыш — одна из крупнейших рек в мире. Она начинается с ледников и снегов Монгольского Алтая, а оканчивается не доходя 550 км до полярного круга. Ихтиофауна Иртыша довольно разнообразна. В бассейне найдено более 30 видов рыб, включая такие ценные, как нельма, таймень, осетр, хариус [239, с. 110; 291, с. 132; 152, с. 284]. «Огромные хуты» — видимо, лососевые и осетровые рыбы, отдельные экземпляры которых достигают в весе нескольких центнеров. Но о каком виде рыбы ал-Идриси пишет, что из нее индийские и китайские врачи получали яд, трудно сказать. Ибн Ийас добавляет, что «мясо этих рыб очень горькое» [138, л. 247]. Можно предположить, что таковой могла быть маринка: ее икра и черная пленка, выстилающая полость, ядовиты.

По сведениям «Нузхат ал-муштак», как отмечалось выше, «берега реки Гамаш покрыты густой чащей и лесом. Большую часть деревьев составляет к. р. к. хар. Корни к. р. к. хар обладают свойством излечивать мгновенно от яда (рыбы. — *В. К.*)» [7, л. 686].

Иртыш из оз. Зайсан протекает по широкой равнине, среди густых зарослей тростника. Далее его долинка сжимается слева Калбинскими, а справа Нарынскими горами. По уступам и расселинам растут мохнатые высокоствольные ели попеременно с пихтой и кустарником. Перед Семипалатинском появляются сосновые боры, которые сплошной лентой тянутся далеко вниз. Далее встречаются рощи и сосновые леса — остатки когда-то обширного Долонского бора. В прошлом бассейн Иртыша был значительно большей, чем сейчас. По описанию Грозы Иванова (1624–1626 гг.), Средний Иртыш был подавлен зарослями леса, оставлявшими травянистые луга лишь «на невеликий скот» [159, с. 71]. Все поиски дерева к. р. к. хар или к. р. к. мар, как читает А. Жюбер [388, II, с. 246], а также к. рак. бар, согласно Ибн Ийасу [138, л. 247], оказались тщетными. Известно, что в Прииртышье как раньше, так и сейчас преобладают леса ценных хвойных пород.

Ал-Идриси приводит косвенные данные о том, что кимаки ездят по р. Гамаш (на лодках, судах): «От столицы хакана (кимаков) до г. Маншанах 4 дня по суше в северном направлении, а вниз по реке меньше этого» [7, л. 686]. Согласно Гардизи, размеры Иртыша были вполне достаточными для навигации: «Иртыш большая река, так что если кто-нибудь встанет на этом берегу реки, то с другого берега его нельзя узнать из-за удаленности расстояния» [52, с. 84, 107]. Иртыш наши дни на всем протяжении от оз. Зайсана до устья судоходен [282, с. 206].

Итак, согласно тексту ал-Идриси, в десятом отделе помещена основная территория кимаков, локализуемая на Иртыше (Гамаш). В девятом отделе помещены земли Северо-Восточного Семиречья, на которые распространились владения кимаков еще со времен путешествия Тамима ибн Бахра.

В свете изложенных историко-географических данных становится очевидным, что хотя расселение кимаков

ских племен во второй половине X в. шло на юг — до мусульманских областей Туркестана, в то же время кимацские племена сохраняли за собой прежние области кочевания — на западе до р. Урала, на юго-востоке до пределов токуз-гузов. Ал-Идриси, несомненно, ошибается, полагая, что на востоке за землей кимаков кончается суша и начинается море Мрака. В действительности к востоку от них, в пределах современной Монголии, в X—XII вв. обитали монгольские племена [148, с. 93—100].

Теперь перейдем к интерпретации трех уникальных итинерариев, которые содержатся в разделе о кимаках «Нузхат ал-муштак» и связаны с вышеописанной географической номенклатурой, приводимой ал-Идриси.

А. О первом из них ал-Идриси сообщает: «Дорога от Тараза до Банджара, относящегося к стране кимаков, 36 переходов. От Тараза до Касра 45 миль, затем минуют горы и приходят в Демиртаг за 4 перехода. Демиртаг маленький город, расположенный у подножья горы. От Демиртага через пустыню и невозделанную землю, но весьма плодородную, в которой обитает кочевое племя карлуков [7, л. 66а], живущих в шатрах из шерсти, подобно бедуинам, до крепости Хайхам 20 переходов в восточном направлении. Хайхам — одна из крепостей тюрков-карлуков, в ней живет их царь, который владеет хорошо вооруженным и многочисленным войском и плодородной страной. От замка Хайхам до крепости Дахлан в восточном направлении 7 переходов. Крепость Дахлан также представляет неприступный замок и высокую крепость, в которой имеется войско. Дахлан относится к пределу страны кимаков. Дахлан первая ее область (с западной стороны. — Б. К.). От крепости Дахлан до Банджара 4 перехода» [7, л. 66а].

Продолжение дороги от Банджара к столице хакана кимаков приводится в другом месте текста «Нузхат ал-муштак [7, л. 68а].

Следует заметить, что ал-Идриси измеряет маршрут двумя различными мерами — милями и переходами. Это объясняется разным характером источников. Так, Ибн Хордадбех пользуется милями и фарсахами, так как, будучи начальником почты, он имел возможность пользоваться официальными документами.

А.л-Истахри, Ибн Хаукаль и другие географы собирали материалы во время путешествий, а также путем опроса заезжих странников, поэтому они, как правило, измеряли свои маршруты обычными для путников мерами — «переход» и «день пути» [85, с. 9]²⁴.

Отметим также, что по подсчетам расстояний от Тараза до Банджара весь путь составляет 35 переходов и 45 миль (45 миль, или 15 фарсахов, или более двух переходов), т. е. более 37 переходов. В начале дорожника ал-Идриси определяет это же расстояние между Таразом и Банджаром в 36 переходов. Следовательно, обнаруживается несовпадение в длине пути.

В разделе о кимаках ал-Идриси приводит отрезок маршрута Шашской дороги от Тараза до Верхнего Барсхана. Указанное там расстояние между Таразом и Касра Басом в 45 миль совпадает с приведенным выше им же расстоянием между Таразом и Касра. Идентичность Касра и Касра Баса, упоминаемых ал-Идриси, не вызывает сомнения и дает возможность сопоставить их с Касра Басом, упоминаемым Ибн Хордадбехом и Кудамой ибн Джафаром. Для наглядности приведем маршрут Тараз — Верхний Барсхан, содержащийся в трудах вышеуказанных авторов (см. табл.).

Маршруты Ибн Хордадбега и Кудамы ибн Джафара разбирали Т. Томашек [475, с. 103—108], Н. Ф. Петровский [248, с. 150—151; 247, с. 354—358], В. В. Бартольд [53, с. 283—284; 52, с. 18—32], А. Н. Бернштам [68, с. 69—86; 78]²⁵.

По Ибн Хордадбеку и Кудаме ибн Джафару²⁶, расстояние между Касра Басом и Таразом составляет 5 фарсахов, или 32,5 км, а по ал-Идриси — 15 фарсахов (45 миль), или 97 км. Если принять во внимание расстояние Ибн Хордадбега и Кудамы ибн Джафара, то расстояние между Таразом и Банджаром составит 36 переходов. Следовательно, можно полагать, что Касра Бас ал-Идриси лежал не в 97 км, а в 32 км к западу от

²⁴ Совершенно неправ Карра де Во, объясняющий различие в характере измерений маршрутов степенью научной добросовестности того или иного автора [154, с. 7].

²⁵ В связи с обнаружением новых городищ в Чуйской долине П. Н. Кожемяко считает, что вопрос о локализации городов в указанном районе должен пока остаться открытым [168, с. 21].

²⁶ По определению В. В. Бартольда, 1 фарсах Ибн Хардадбега и Кудамы равен 6,5 км [53, с. 283].

Опорные пункты	Расстояние	
	по Ибн Хор-дадбеку [404, с. 28-29] и Куда-ме ибн Джафару [404, с. 205-206]	по ал-Идриси [7, л. 65а, 65б] (в скобках фарсах)*
Тараз — Нижний Барсхан	3 фарсаха	39 миль (13)
Нижний Барсхан — Касра Бас	2 фарсаха	6 миль (2)
Касра Бас — Куль Шуб** (Кук Шуб)	4 фарсаха	12 миль (4)
Куль Шуб — Джуль Шуб***	4 фарсаха	12 миль (4)
Джуль Шуб — Кулан (Кулан Гая)	4 фарсаха	15 миль (5)
Кулан — Бирки (Бирк)	4 фарсаха	15 миль (5)
Бирки — Аспара (Ашпара)	4 фарсаха	15 миль (5)
Аспара — Нузкет (Гана Нузкет)	8 фарсахов	24 мили (8)
Нузкет — Харанджаван	4 фарсаха	****
Харанджаван — Джуль (Джарк)	4 фарсаха	12 миль (4)
Джуль — Сарыг	7 фарсахов	21 миль (7)
Сарыг — столица тюркского хакана (столица хакана)	4 фарсаха	21 миль (7)
Столица тюркского хакана — Кирмирау	2 фарсаха	---
Кирмирау — Невакет	2 фарсаха	12 миль (4)
Невакет — Пянджикет	1 фарсах	---
Пянджикет — Суяб (Кубаб)	2 фарсаха	36 миль (12)
Суяб — Верхний Барсхан	15 дней караваном, 3 дни тюркской почтой	10 переходов 5 дней тюркской почтой

Джамбула²⁷, т. е. по направлению дороги на Верхний Барсхан.

Один из пунктов в дорожнике ал-Идриси — Хайхам — на карте «Сурат ал-ард» помещен к югу от оз. Балхаш (Тахама). В отличие от торгового пути к кимакам от Тараза, приведенного Тамимом, пролежавшего в северо-восточном направлении через центрально-

* Ал-Идриси определяет фарсах в точных мерах длины: 75 фарсахов — 225 миль [7, л. 65 б], отсюда 1 фарсах равен 3 милиам, или 6 км. Один переход в зависимости от рельефа местности колеблется между 25—36 км [ср. 323, с. 72].

** В скобках дается название по ал-Идриси.

*** У Кудама этого поселения нет, и расстояние между Куль Шубом и Куланом определено нами по аналогии с предыдущим — 4 фарсаха.

**** Прочерк обозначает отсутствие этого поселения у ал-Идриси.

²⁷ По мнению А. Н. Бернштама, Касра Бас находился в нескольких километрах от ст. Луговое [78, с. 13].

казахстанские степи, дорога, описанная ал-Идриси, проходила через кочевья карлукских племен, обитавших в Семиречье, между оз. Балхаш и Иссык-Кулем, т. е. имела восточное направление.

Отправной точкой этого маршрута ал-Идриси можно считать Касра Бас — место зимовья карлуков. Оттуда путь шел не по традиционному тракту Кулан — Мерки — Ашпара, а севернее, иначе ал-Идриси упомянул бы эти населенные пункты, и выходил к горе Демиртаг, соответствующей, по нашему мнению, Чу-Илийским горам.

Ал-Идриси приводит много новых названий городов и поселений, не встречающихся у других арабо-персидских авторов. По всей вероятности, это объясняется, с одной стороны, разновременностью возникновения поселений, а с другой — тем, что арабские географы и путешественники в своих описаниях не выходили за рамки «ключевых» дорог, таких, как, например, Великий торговый путь. Наряду с магистральными дорогами, несомненно, существовали и другие пути, о чем красноречиво свидетельствуют данные ал-Идриси. За Чу-Илийскими горами дорога направлялась в сторону песков Сары-Ишик-отрау, район кочевания карлуков²⁶. Через 20 переходов по пескам дорога подходила к городу Хайхам, расположенному, по-видимому, к востоку от р. Или и служившему крепостью-ставкой. Затем дорога шла к крепости Дахлан, первому кимакскому пункту на этом пути. По данным «Сурат ал-ард», Дахлан находится севернее западной оконечности Гиргира — Тарбагатая и соответствует приблизительно району Аягуза; далее дорога направлялась к городу Банджар, расположенному на северном подножии Гиргира — Тарбагатая, быть может, в долине р. Базар. От Банджара дорога шла на север и по долине Гамаша — Иртыша через кимакские города Астур и Сисан, расположенные в ней, достигала столицы хакана кимаков на Иртыше.

Общее направление пути Тараз — Банджар можно сопоставить с торговой дорогой из Семипалатинска в Коканд, функционировавшей в XVIII — начале XIX в. По словам Зибберштейна (1825), все караваны с Сибир

²⁶ С. Г. Агаджанов на основании данных ал-Идриси о странах огузов пришел к выводу, что в Южном Прибалхашье обитала часть огузских племен [16. с. 70—72].

ской линии должны были непременно идти на р. Каратал. Отсюда дорога направлялась к р. Или, после переправы через которую поворачивала направо, вниз по течению и, минуя по правую сторону горы Кунгей Алатау, по рекам Чу и Дорсу устремлялась в Кокант (Коканд) [192, с. 199].

В. Второй путь ал-Идриси идет из Ахсикета, центра Ферганы в X в., до Карантии — кимакского города, расположенного на восточном берегу оз. Гаган. Согласно ал-Идриси, «от Ахсикета до Кашукета 1 переход, затем в Аншат 1 переход, затем в Каншикет 1 переход, затем в Букент 1 переход, затем в Каракет 1 переход, затем до горы 1 переход, затем в Джулак 1 переход. От деревни Джулак до города хакана карлуков 33 мили. Город хакана карлуков многолюдный и укрепленный, обилен войском и снаряжением. Затем до Атракана, большого города из числа карлукских городов, 6 переходов. Атракана имеет сильно укрепленную крепость, вода ее из родников. В городе есть храбрые воины, находящиеся под властью царя карлуков. От города карлуков Атракана до города Карантия, первого кимакского города, 10 переходов по пустыне, в которой живет кочевой народ из тюрок. Они владеют скотом, верблюдами и живут в благополучии. Карантия расположена на берегу большого озера, которое называется Гаган» [7, л. 65а].

Приведенные в начале маршрута пять пунктов — Кашукет, Аншат, Каншикет, Букент, Каракет — в известных нам средневековых мусульманских источниках не упоминаются. Джулак соответствует, по-видимому, Джулю средневековых источников. В. В. Бартольд считает, что «Аламединские развалины по своему местоположению вполне соответствуют Джулю арабских географов; сюда же выходит путь через Караколь, упоминаемый ал-Идриси; этим путем еще теперь пользуются намаганские сарты, т. е. именно жители той местности, где некогда находился Ахсикет» [52, с. 31; 53, с. 282]²⁰. Следовательно, путь из Ахсикета в Карантию шел в северо-восточном направлении к пере-

---

²⁰ По мнению В. В. Григорьева, дорога от Ахсикета в Карантию (последний отождествлен им с Карашаром) пролегла в восточном направлении — «вверх по течению Нарина, с вершинами

валу Каракол, затем дорога подходила к Джулак-Джулю, расположенному на Шашском торговом пути и отождествляемому с с. Ключевое [78, с. 25]³⁰. Далее через 33 мили, или 11 фарсахов, от Джулак-Джуля по Шашскому пути в восточном направлении достигали «города хакана карлуков» в бассейне р. Чу [38, с. 55; 421, с. 25; 358, с. 18], соответствующего «городу тюркешского хакана», по Ибн Хордадбеху, и «городу тюркского хакана», по Кудаме ибн Джафару, и с конца X в. известного как Баласагун [374, с. 275; 113, с. 21]. Вопрос об отождествлении Баласагуна остается неразрешенным³¹. В то же время все предлагаемые отождествления относятся к одному району — району Токмака. Около Токмака, столицы хакана карлуков, дорога отделялась от Шашского пути, ведущего через Суяб на Верхний Барсхан, и направлялась на северо-восток через перевал, возможно, Кастек, к карлукскому городу Атракана.

Согласно данным «Сурат ал-ард», Атракана расположена на возвышенности (холме) к западу от западной оконечности Джунгарского Алатау (Дардан), приблизительно соответствующего району Илийских гор. Оттуда дорога, по всей вероятности, шла по пути, определенному А. Н. Бернштамом как Северо-Илийский [76, с. 89—90], не упоминаемому, по его мнению, в арабо-персидских источниках. Следовательно, первое по

его переходила через хребет Тянь-Шаня, окаймляющий южный берег оз. Иссык-Куль, на этот последний, а там, через Заукинский перевал (Кунгей Алатау. — Б. К.) выходила на р. Или, к столице Харлукского хакана...» [112, с. 222]. Следует заметить, что для прохождения маршрута, предлагаемого В. В. Григорьевым, шести переходов, указанных ал-Идриси, далеко не достаточно.

³⁰ По мнению Томашека, Джуль соответствует Пшпеку (Фрунзе), по В. В. Бартольду, он находится несколько восточнее его [53, с. 283].

³¹ Некоторые ученые отождествляют Баласагун с Бурана [245, с. 351—354] и Иткичу [399, с. 6]. Большинство ученых Баласагун идентифицируют с Ак-пешимом [52, с. 56—57; 73, с. 196; 215, с. 13]. Л. Р. Кызласов отрицает отождествление Баласагуна с Ак-пешимом из-за отсутствия на Ак-пешиме культурного слоя поздней X в. [186, с. 95—96]. П. Н. Кожемяко отмечает в Ак-пешиме наличие керамики XI—XII вв. [168, с. 77—78]. На основании нумизматических материалов Г. Клоусен Ак-пешим отождествляет с Суябом [370, с. 1—13], который расположен недалеко от впадения р. Чоккеми в р. Чу [68, с. 79].

времени упоминание о Северо-Илийском пути в мусульманской литературе можем отнести к ал-Идриси. Затем, только в XIII в., по этому пути проехал Вильгельм Рубрук (1253 г.) в ставку монгольского хана Менгу в Каракоруме [94, с. 105]. По южной кромке Прибалхашских степей дорога пролегла в северо-восточном направлении и, вероятно, в районе с. Андреевка поворачивала на юго-восток, затем огибала оз. Алаколь с юга и подходила к восточному его берегу, на котором, согласно «Нузхат ал-муштак» и «Сурат ал-ард», располагался первый кимацкий город Карантия. От Карантии дорога вела в ставку кимацкого хакана на Иртыше, этот путь покрывали за 24 перехода в восточном направлении. По тексту «Нузхат ал-муштак» и данным «Сурат ал-ард», за землей кимаков кончается суша и начинается море. Такое представление привело к ошибочному расселению кимаков до моря Мрака и вызвало неправильное определение направления дороги от Карантии — на восток. В действительности дорога от Карантии к столице хакана кимаков шла в северо-восточном и северном направлениях.

В. Косвенные данные ал-Идриси позволяют предположить и существование дороги из страны токуз-гузов к кимакам. Согласно «Нузхат ал-муштак», от столицы токуз-гузов Танбия (В. В. Григорьев отождествляет ее с Гаочаном — Турфаном [112, с. 217]) до г. Бахвана в северо-западном направлении 12 дней [388, I]. Бахван располагали на р. Кунгес. От Бахвана до Карантии шла дорога протяженностью 7 переходов в северном направлении [388, II, с. 215]. Следовательно, обнаруживается дорога из Восточного Туркестана к кимакам. Маршрут Бахван — Карантия можно сопоставить с большой дорогой, известной еще в XVIII в., из Прииртышья в Кульджу (расположенную на р. Или, недалеко от рек Кунгес и Текес, где предположительно локализуем Бахван). Эта дорога изображена на карте «Средняя Азия в XVII в.» [219], составленной по источникам и литературе (см. рис. 3).

РАССЕЛЕНИЕ КИМАКОВ К СЕРЕДИНЕ XI в.

События первой трети XI в., описываемые ал-Марвази, Ауфи, Шабангаран, Шукруллахом, Матфеем Эдесским и др. (об этом см. ниже), породили грандиозную

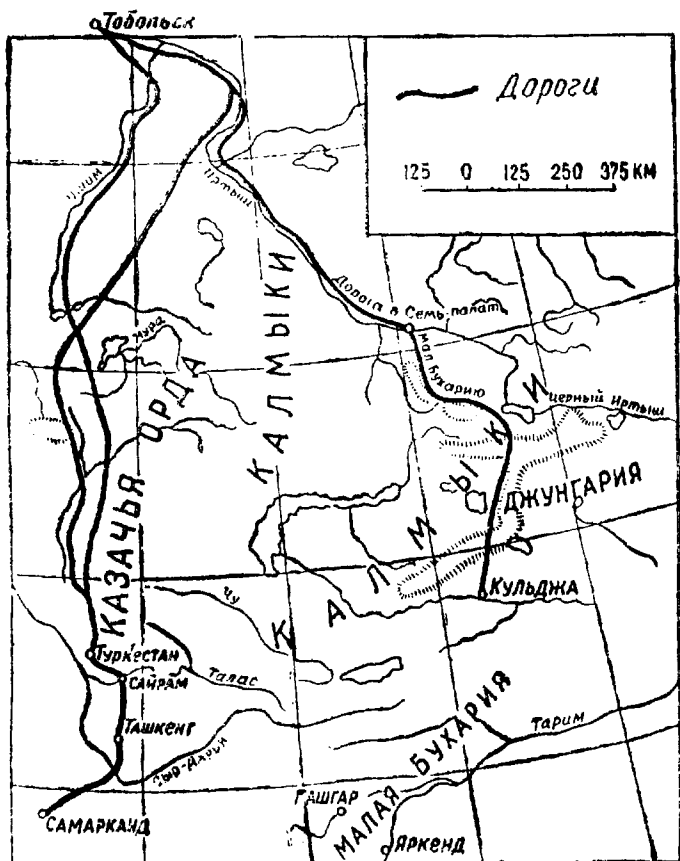

Рис. 3. Средняя Азия в XVII веке.

волну миграций кочевых племен, вытесненных из Центральной Азии и в свою очередь вторгшихся в Среднюю Азию и Восточную Европу. В результате кимаки потеряли политическую гегемонию над подчиненными им племенами. На смену кимакам приходит усилившееся родственное племя — кыпчаки. В ходе этих событий ареал расселения кимакских племен также претерпел значительные изменения. Естественно, в такой ситуации кимаки могли удержаться только на тех землях,

где они жили компактными группами. Сведения Махмуда Кашгарского, который располагает имаков (кимаков) в бассейне Иртыша, на их основной территории, относятся именно к этому периоду. На карте Махмуда Кашгарского имаки (кимаки) показаны на левом берегу Иртыша [220, I].

В последующих известных письменных источниках термин «кимак» более не упоминается. В некоторых современных фундаментальных исследованиях [100а, карта «Монгольские завоевания. Образование монгольских государств (улусов) в XIII в.»; 148, карта № 2; 148а, карта № 9] кимаки для времени XIII—XIV вв. показаны на всей территории Центрального Казахстана вплоть до огузов в долине Сырдарьи и Приаральских степях. Такое расселение как кимаков, так и огузов является анахронизмом.

Глава IV

ХОЗЯЙСТВО КИМАКОВ

По сведениям большинства арабо-персидских сочинений IX—XI вв., кимаки — исключительно кочевой народ, с одним лишь городом — резиденцией какана. Это представление укоренилось в исторической науке. Отдельные сообщения, содержащиеся в тех же источниках и говорящие не только о кочевом укладе, но и о наличии оседлых поселений и земледелия у кимаков, обычно игнорировались. А сведения ал-Идриси о сложной экономической структуре кимакского общества, опровергающие графаретные утверждения о «чистом» кочевом быте кимаков, необоснованно были отнесены к другому народу — киданям [114, с. 31; 53, с. 292: 424, с. 111—112; 266, с. 161].

Односторонние взгляды на структуру кимакского хозяйства опровергаются прежде всего археологическими материалами. Исследования А. Х. Маргулана в Центральном Казахстане, на территории расселения кимакских племен (в основном кыпчаков), показывают, что и в этих районах была некогда богатая культура. Об этом говорят остатки оросительных каналов, развалины многобашенных феодальных замков. Особенно много их сохранилось до сих пор по берегам рек Сарысу, Кенгира, Тургая и Нуры [204, с. 21; 207, с. 95—106, 210, с. 2]. По археологическим данным (остеологический материал, предметы быта) из района основного расселения кимаков — Прииртышья Ф. Х. Арсланова полагает, что хозяйство кимаков носило полуседлый характер [32, с. 15].

Подобный характер хозяйственной жизни сохранялся в некоторых районах Казахстана (Прииртышье,

Семипречье) вплоть до XX в. и хорошо известен этнографам [124, с. 56]. Не будет поэтому произвольным допущение о существовании в кимако-кыпчакской среде тех же хозяйственно-культурных типов, которые выделены на территории Средней Азии и Казахстана в конце XIX — начале XX в.: оседлого хозяйства с применением искусственного орошения; полuosедлого хозяйства, сочетающего скотоводство с земледелием; кочевого скотоводческого хозяйства [273, с. 3—4]. Есть основание полагать, что второй тип хозяйства был весьма распространен и существовал в обеих своих разновидностях: а) кочевое хозяйство с нерегулярным земледелием на зимовках и у временных водных источников в пустынной зоне; б) полuosедлое скотоводство и земледелие на окраинах оазисов, в приозерных районах и в низовьях рек, иногда сочетающееся с рыболовством.

Остановимся на сведениях источников, характеризующих те или иные стороны хозяйственного быта кимаков.

Источники отмечают, что кимаки «переходят с места на место следуя пастбищам» [436, с. 281; 404, с. 30; 137, лл. 169а, 170б; 61, л. 186; 7, лл. 68а, 69а; 495, IV, с. 334]. Это постоянное передвижение со стадами нельзя представлять как беспорядочное перемещение в поисках летних и зимних пастбищ. Пути кочевков, выработавшиеся многолетним опытом, пролегли по известным бродам рек, удобным перевалам гор, пастбищам с изобильным кормом, хорошими водопоями. Устойчивые маршруты могли изменить только серьезные экономические, социальные или политические причины [167, с. 13; 313, с. 196—197]. Правила перекочевков основывались на учете травяного покрова в том или ином районе в соответствии с сезонами года, на знании питательности травяного корма для различных видов скота [257, с. 44]. Так, для лошадей лучшими пастбищами являлись ковыльно-разнотравные ассоциации, овцы предпочитали мелкотравье, крупный рогатый скот — сочные луговые травы, верблюды — флору полупустынь [273, с. 7].

В. В. Радлов в середине XIX в. отметил зависимость состава стада от характера пастбищ: в районе Акмолинска держат больше лошадей, в районе Каркаралинска — крупный рогатый скот, в южной части вос-

точной степи разводят больше овец, а в горах — коз [456. I, с. 420].

В поисках пастбищ кимаки проходили большие расстояния от летовок к зимовкам и обратно. По мнению И. Маркварта, на зимние пастбища кимаки прикочевывали в степи между Уралом и Эмбой [422, с. 340; 424, с. 101—102]. Летовку кимаки проводили в Прииртышье, так как город Имакия, располагавшийся где-то на Среднем Иртыше, согласно автору «Худуд ал-алам», был летней резиденцией хакана кимаков [61, л. 186; 433, с. 100, 310]. Иногда глубокие снега, выпадавшие на больших зимних пастбищных территориях, вызывали массовый падеж скота. Угроза джутов вынуждала кимаков перегонять скот в отдаленные малоснежные места. По сведениям некоторых средневековых авторов, «когда выпадал снег высотой с копье, кимаки перегоняли своих лошадей в край гузов (Приаралье)» [61, л. 186; 433, с. 100; 435, с. 20]. Гардизи пишет, что зимой кимаки уводят лошадей в отдаленную страну, в местность Ок-таг [52, с. 84, 107].

Из арабских и персидских источников

Скотоводство узнаем, что кимаки разводят лошадей, овец, коз, коров, быков, верблюдов. В составе стада у кимаков преобладали лошади и овцы, более приспособленные к зимнему выпасу.

Важное значение в их скотоводческом хозяйстве имело овцеводство, быстро восполнявшее запасы мяса, жира. Жир употреблялся вместо растительного масла [7, л. 69а], а сало для освещения [7, л. 69а]. Овца давала также шерсть и овчину, из которой изготовляли теплую одежду. Согласно Ибн ал-Факиху, тюркские бараны «очень крупные и у них большие курдюки, волочащиеся по земле» [137, л. 168а]. Кимаки разводили именно такую породу овец. Известно, что курдючные овцы сравнительно хорошо переносят предвесенний недостаток в корме [273, с. 5].

В условиях кочевого быта лошадь считалась ценнейшим животным благодаря исключительной подвижности и выносливости, позволявшей осваивать отдаленные пастбища, служила на войне и облавной охоте. Говоря словами ал-Джахиза, «тюрк сидел на спине лошади больше, чем на поверхности земли» [202, с. 231]. Поэтому особое внимание кимаки уделяли разведению

лошадей [7, л. 69а]. Гардизи отмечает тысячные табуны лошадей, пасущиеся по обеим сторонам Иртыша [52, с. 83, 107; ср. 371, с. 48]. Богатство лошадьми всегда составляло экономическую основу власти у скотоводов. Например: «Мало-помалу очень разбогател лошадьми, почему объявил себя ханом», — повествует китайская летопись о тюркском кагане Кутлуге (Ильтериш-кагане) [80, I, с. 322].

На территории расселения кимако-кыпчакских племен в Центральном Казахстане в курганных погребениях отмечаются две породы лошадей — невысокие, с массивной головой, толстой и короткой шеей и рослые верховые кони с небольшой головой и тонкими ногами. Кости последней породы встречались в богатых погребениях тюркоязычной знати [150, с. 200]. Тамим ибн Бахр, отметивший у царя кимаков и его войска лошадей «с тонкими копытами» [436, с. 281], по всей вероятности, имел в виду стройную породу скаковых лошадей, известную из курганных захоронений [295, с. 49—57; 25, с. 46—47].

Тюркские лошади были хорошо приспособлены к местным природным условиям и круглогодичному содержанию [202, с. 231; 36, с. 33—34]. Степная тюркская лошадь отличалась обильной молочностью и хорошими мясо-сальными качествами. Кимаки предпочитали конину говядине и баранине [7, л. 69а], а из молока кобылиц изготовляли напиток — кумыс [52, с. 84, 107].

Какая-то группа кимаков в связи с их движением на юг (Северо-Восточное Семиречье) стала заниматься верблюдоводством [7, л. 69а]. В местах песчаных и бесплодных верблюдов был самым выгодным и удобным домашним животным. Очевидно, кимаки разводили их в районах южнее 50-й параллели, так как севернее указанной широты верблюды не выносили зимних условий [103, с. 32]. Древние кимацкие земли располагались севернее 50 параллели, т. е. по среднему течению Иртыша. Некоторые средневековые авторы имеют в виду исключительно эту территорию, когда рассказывают: «Если какой-нибудь купец приводит сюда верблюда, он не живет здесь и года; как только верблюд поест этой травы, он околеет» [52, с. 84, 107; 435, с. 20].

Наряду с овцеводством, коневодством и верблюдоводством кимаки занимались также разведением круп-

ного рогатого скота [52, с. 84, 107; 435, с. 20; 14, с. 24]. Этот факт свидетельствует о полукочевом образе жизни некоторой группы кимаков, с постоянными зимовками, так как крупный рогатый скот мало приспособлен к перекочевкам, а зимой он нуждается в стойловом содержании. Значительный остеологический материал (кости коров) обнаружен в курганных захоронениях кимаков в Прииртышье [24]. Этнографические исследования показывают, что коров содержала в основном беднейшая часть кочевников [329, с. 15; 257, с. 48; 124, с. 58].

Согласно Абу Дулафу и Абу Хаййану, кимакские племена занимались и разведением коз [137, л. 176а; 483, II, с. 395; 495, III, с. 448; 138, л. 225; 412, л. 33а]. Однако этот вид домашних животных, по-видимому, не имел широкого распространения в их хозяйстве.

Охота Арабо-персидские авторы отмечают, что охота у кимаков служила одним из основных источников существования.

По ал-Йакуби, все тюркоязычные племена, среди которых имеются в виду и кимаки, «больше всего едят дичь» [405, с. 295]. Ал-Масуди пишет, что тюрки «не знают другого дела кроме охоты. Едят даже ястребов и ворон» [406, с. 75; ср. 89, л. 49а; 332, л. 134а]. «Тюрки не испытывают удовольствия от пищи, если она не приготовлена из дичи», — отмечает ал-Джахиз [202, с. 230, 232] и далее продолжает: «Кочевые тюрки необычайно выносливы на охоте, особенно в преследовании джейранов и куланов» [202, с. 232; 350, с. 41]. В Павлодарском Прииртышье по всей площади на равной глубине в насыпях курганов, датируемых VIII—IX вв., вместе с отдельными костями баранов, лошадей, коров встречаются и кости куланов, являющиеся, очевидно, остатками тризны [26, с. 102—103]. Махмуд Кашгарский упоминает о крупном диком животном с одним рогом — булане, обитающем в степях кыпчаков, на которого там охотятся [220, I, с. 346]. В стране кимаков водились и мускусные животные [7, л. 69а].

Кимакские племена на охоте использовали соколов, ястребов, беркутов, гончих собак. В арабо-кыпчакских словарях отмечаются охотничьи собаки — кылбарк, тази [382, с. 11; 346, с. 74] и ловчие птицы — каракуш,

балабан, ладжин [382, с. 10]. Охота с ловчими птицами широко практиковалась в Казахстане вплоть до начала XX в. [329, с. 6—12; 274, с. 26; ср. 278].

Наряду с индивидуальной охотой кимаки организовывали и облавную, которая имела вместе с хозяйственной стороной и военное значение в том смысле, что являлась своеобразным маневром, военным учением, тренировкой [171, с. 84 (34)].

В кимакской среде наряду со степными кочевниками-скотоводами источники отмечают обитателей лесов. «Их жилища среди зарослей и густых лесов», — констатирует ал-Идриси [7, л. 68а; 436, с. 20]. Лесные племена шили одежду из кожи животных, пользовались лыжами [435, с. 20].

В таежной зоне кимаки занимались и промыслом на пушных зверей: соболей, горностаев, лисиц, куниц [61, л. 186; 52, с. 84, 107; 435, с. 20]. Пушнина была для кимаков одним из важнейших товаров, который они поставляли иноземным купцам в обмен на соль [52, с. 84, 107]. Среди кимаков были и купцы, вывозившие пушнину в другие страны [7, л. 656]. У тюрков мех пушных зверей, согласно Махмуду Кашгарскому, назывался иджук, а по данным «Тарджумана» — курс [220, II, с. 66; 382, с. 19; 346, с. 80].

Кимаки охотились также на хищных зверей: тигров, барсов, [7, л. 656; 138, л. 248], о чем говорит сообщение, Ибн Ййаса: «Их жилища из шкур тигров и диких животных» [138, л. 225]. Кроме того, как уже упоминалось, в Прииртышье найдена бронзовая бляха, на которой изображен кимакский всадник в характерной короткополой одежде, поражающий копьём тигра [24, с. 80]. На территории Прииртышья, Алтая и Тарбагатая тигры были известны до недавнего времени.

Охота не являлась самостоятельной отраслью, а была лишь подспорьем основному виду хозяйства кимакских племен — скотоводству.

Ал-Идриси сообщает: «Они (кимаки. — Рыболовство *Б. К.*) питаются рисом, мясом и рыбой. Рыбы у них много» [7, л. 69а]. Он особо отмечает реку Гамаш, где водится множество «огромных рыб» [7, л. 686]. В «Диван лугат ат-турк» и арабско-кыпчакских глоссариях приводится кимако-кыпчак-

ская терминология рыболовных орудий труда: *арзак* — крючок, *аз* — сеть, *ужан* (*улук*) — маленькая лодка, *кема* (*караб*) — большая лодка и т. д. [220, I, с. 65; 346, с. 11, 16, 80, 84; 486, с. 4—5].

Сведения письменных источников о рыболовстве подтверждаются и археологическими материалами из Прииртышья. В могильниках VIII—IX вв. найдены скульптурные изображения рыб [26, с. 108].

Часть средневековых нарративных источников сообщает о выращивании кимаками зерновых и бобовых культур. Известно, что одной из первых земледельческих культур, распространенных повсеместно, было просо [325, с. 61—63]. О культивировании этого зернового продукта тюрками, в число которых входили и кимаки, сообщает ал-Йакуби. «В Туркестане, — пишет он, — нет земледелия, кроме проса, которое называется джаварс» [405, с. 295; ср. 261, с. 98; 300, с. 209]. Кимако-кыпчакские племена называли просо своим специальным термином — *тару* [382, с. 9; 486, с. 17]; отсюда *таришчи* — земледелец [220, II, с. 43]. Абу Дулаф свидетельствует о том, что питаются они (кимаки. — *Б. К.*) горохом, бобами. В стране кимаков [растет] виноград, половина ягод белая, половина черная» [137, л. 176а; ср. 483, II, с. 395; 495, III, с. 448]. В связи с этими загадочными ягодами вызывает некоторый интерес следующее сообщение ал-Омари: «В ней (Дешт-и Кыпчак есть) плод, который на языке кыпчакском называется батенк, похожий на винную ягоду. Плоды, существующие у них в настоящее время, остатки того, что погибло из насаженного теми, кто был до них из таких [людей], у которых страсть к посевам и насаждениям» [300, с. 212]. Побывавший в кимакской стране арабский путешественник, Тамим ибн Бахр также упоминает о возделанных землях [436, с. 281].

Ал-Идриси подробнее других средневековых авторов говорит о земледелии у кимаков. В стране кимаков он отмечает отдельные районы с плодородными и возделанными землями под пшеницей и ячменем [7, л. 66а]. Ал-Идриси сообщает также о выращивании кимаками такой трудоемкой земледельческой культуры, как рис [7, лл. 66а, 69а], что возможно лишь на поливных землях.

О традиционности некоторых из этих культур в кимаком хозяйстве свидетельствуют специальные термины, употребляемые кимако-кыпчакскими племенами для их обозначения, сохранившиеся в средневековых толковых словарях. Следует отметить, что эти термины в своей первооснове тюркские: *экин* — посев, *бугдай* — пшеница, *арпа* — ячмень, *тутарган* — рис, *марджамак* — чечевица, *тару* — просо, *ирдан* — гумно, ток, *ашлык* — продукция и т. д. [220, I, с. 429; II, с. 96; 328, с. 9, 15; 346, с. 10, 11, 14, 18; 486, с. 7].

Ал-Идриси пишет также, что у кимаков много меда [7, л. 69а]. Согласно Махмуду Кашгарскому, кыпчаки готовят напиток, смешав повилику с медом [220, I, с. 395]. Рубрук (XIII в.) свидетельствует, что кочевники зимой делают напиток из риса, проса, ячменя и меда [261, с. 95]. На одном из перстней, обнаруженных в кимаком захоронении в Прииртышье, отмечено стилизованное изображение пчелы [26, с. 108].

Таким образом, в кимаком племенном союзе можно фиксировать наличие нескольких хозяйственно-культурных типов, связанных с преобладанием кочевого скотоводства или земледельческого хозяйства при полупоседлом скотоводстве или промысловой охоте. Возможно, существовала межплеменная или внутриплеменная специализация, но в любом случае утвердившееся положение об однородности хозяйства кимаков неверно.

Археологические работы последних лет подтверждают сведения арабо-персидских авторов (см. ниже) о наличии на территории расселения кимаков в районе оз. Алаколь поселений городского типа, где существовало ремесленное производство.

Большинство городов лежало на торговых путях, что способствовало развитию в них торговли и ремесла. Торговля в значительной степени носила меновой характер [435, с. 20]. О существовании такой формы торговли у кочевников XIII в. сообщает Вильгельм Рубрук. «Бедные, — писал он, — добывают себе просо и муку в обмен на баранов и кожи» [261]. В то же время о наличии товаро-денежных отношений можно предположить по следующим фактам: по соседству со степью на Сырдарье продавали шкуры и мясо барана [44, с. 239], а Ибн Батуа рассказывал, что «в этой стране (Дешт-и Кыпчак)

Торговля
и ремесло

очень много лошадей. Лучшие из них стоят от пятидесяти до шестидесяти местных дирхемов» [376, с. 371—372]. Сообщение ал-Идриси о существовании у кимаков медных монет [7, л. 69а] подтверждает наше предположение и позволяет высказать несогласие с категоричным утверждением о том, что денежные отношения в обширных степях Казахстана совершенно отсутствовали [313, с. 216].

Немаловажную роль в хозяйстве играли различные ремесла. Наиболее развитой формой ремесла у кимаков была обработка и переработка животноводческой продукции и сырья. Из войлока изготовляли одежду, жилища, утварь и различные бытовые предметы. Из кожи — обувь, колчаны, налучники, конскую сбрую, мешки. Ал-Иакуби отмечает, что «тюрки — самый искусный народ в изготовлении войлока, потому что из него их одежда» [405, с. 295; ср. 271, с. 48]. Для шитья одежды использовали также шкуры диких животных и пушнину. Известно, что древние тюрки одевались в меха и халаты из грубой шерстяной ткани и подпоясывались кожаным ремнем с металлическими бляхами [402, с. 333; 116, II, с. 212].

Кимаки изготовляли и предметы вооружения. В этом отношении интересно свидетельство ал-Джахиза: «Тюрок делает все процессы ремесла сам, не просит помощи у товарищей и не обращается за советом к другу; они (тюрки) производят оружие, стрелы, седла, колчаны, копья» [202, с. 241]. Наиболее распространенным оружием кимаков, по ал-Идриси, были лук и стрелы [7, л. 65а].

Широко применялись в быту кимаков деревянные изделия. Из дерева делали часть кочевого жилища, седла, посуду, лыжи, лодки.

С появлением городов ремесло стало развиваться более интенсивно. Ал-Идриси сообщает, что в городе Гаган имелась мастерская для производства шелковой одежды [7, л. 65а; 138, л. 248]. Кроме того, кимаки добывали железо, серебро, золото и драгоценные камни [137, л. 176а; 7, лл. 656, 68а; 138, лл. 225, 247; 136, л. 64а]. «Из железа тамошние мастера, — писал ал-Идриси, — делают изделия необычайной красоты» [7, л. 68а]. Согласно Махмуду Кашгарскому, место, в котором расплавляют железную руду и отделяют желе-

зо, называется «тамурлук» [220, I, с. 418]. Древние тюрки еще в VI в. славились как первоклассные кузнецы и литейщики [80, I, с. 228; 419, I, с. 5].

Ал-Идриси описывает также технологию плавки золота у кимаков, известную издревле многим народам. «По обычаю, — сообщает ал-Идриси, — золото собирают и моют в воде, промывая его, затем смешивают крупницы золота с ртутью и сплавляют смесь в коровьем помете. И таким путем собирают значительное количество золота» [7, л. 68б; ср. 136, л. 64а]. Из золота, серебра делали различные предметы роскоши и украшения. По сведениям ал-Идриси, царь кимаков носит одежду, шитую золотом, и золотую корону [7, л. 68а]. Дореволюционные ученые и путешественники сообщают, что курганы в Северном Казахстане и Алтайском крае были хищнически разграблены в конце XVII и первой четверти XVIII в., о чем свидетельствовали единичные находки золотых и серебряных вещей [255; 292, с. 56; 264, I, с. 3—4, 10; II, с. 54; 275, с. 11; 121, с. 9—41].

Данные письменных источников о существовании ремесленного производства у кимаков подтверждаются археологическими материалами. В курганных захоронениях Прииртышья найдены железные изделия, украшения из золота, серебра и бронзы, остатки шелковой ткани, кошмы, кожи, деревянная посуда, оружие, сбруя [18, с. 52—53; 26, с. 99—110; 25, с. 45—46, 56]. Большая часть этих изделий — явно местного производства. Археологические материалы свидетельствуют также о том, что кимакам знакомо и гончарное производство [18, с. 54—55; 26, с. 105—108].

Рассмотренный историко-археологический материал позволяет утверждать, что в целом ремесло у кимаков носило домашний характер и было тесно связано с кочевым скотоводством, охотой, земледелием и рыболовством, в оседлых поселениях, несомненно, существовало развитое и специализированное ремесло.

Глава V

ГОРОДА И ГОСУДАРСТВО КИМАКОВ

ГОРОДА КИМАКОВ

Наличие оседлых поселений у кимаков отмечают многие средневековые арабо-персидские авторы IX—XII вв., независимые друг от друга, что придает их сведениям большую степень достоверности. Тамим Ибн Бахр, лично видевший царя кимаков с войском, свидетельствует, что около его ставки имеются селения и возделанные земли [436, с. 281]. В сочинении «Худуд ал-алам» раздел о кимаках начинается со слов: «Рассуждение о стране кимаков и их городах», а затем упоминаются Имакия — летняя резиденция царя (хакана) и деревня Жубин [61, л. 186; 433, с. 75, 100]. В противоположность основному типу передвижного жилища, приспособленного к кочевому образу жизни, — юрте, сохранившей свою древнейшую форму до наших дней [487; 208, с. 1—12], Исхак ибн ал-Хусайн и ал-Марвази сообщают о землянках, в которых живут кимаки [371, с. 48; 435, с. 20]. Обычай устраивать подземные жилища сохранялся у казахов вплоть до XX в. (жер-уй, шошала) [317, с. 75; 108, с. 10; 99, с. 182—183].

Большую информацию о городской жизни кимаков приводит ал-Идриси. По его сведениям, они имели 16 городов. Города кимаков располагались по берегам озер, рек, в неприступных горных районах в пограничных областях, в местах разработок полезных ископаемых. Значительная часть их находилась на торговых трассах. Характерной чертой кимакских городов было то, что все они были хорошо укреплены, в каждом из них располагалось войско с князем-наместником.

Естественно, самым крупным городом, военно-административным, важным торговым центром была столица хакана кимаков. Город хакана хорошо охранялся, был окружен укрепленной стеной с железными воротами [7, л. 68а]. Здесь жила аристократия. В городе имелись базары и храмы [7, л. 68а]. Упоминаются и замки-крепости, расположенные в горах. У основания этих замков рылись рвы, которые заполнялись водой [7, л. 66а].

Подобные городища обнаружены археологами в Центральном Казахстане. Стены этих укреплений сложены из кирпича-сырца, дерна и камышовых связок внутри [213, с. 38]. Для сравнения интересно указание Абу Дулафа, что в огузском городе-ставке имелись постройки из камня, дерева и камыша [137, л. 176а; ср. 483, с. 395; 495, III, с. 442]. «Хижина, построенная из камыша, называется «джит», — отмечает Махмуд Кашгарский [220, I, с. 269].

В результате археологического изучения Северо-Восточного Семиречья, начатого А. Н. Бернштамом в 1938—1941 гг. [69; 76; 77; 78] и продолженного Семиреченской археологической экспедицией АН КазССР под руководством К. А. Акишева в 1962—1968 гг. [19, 20], были открыты многие памятники городской и оседлоземледельческой культуры между Илийской долиной и оз. Алаколь, оз. Балхаш и Джунгарским Алатау. При этом было установлено, что памятники оседлой культуры, обнаруженные в этом районе, существенно отличаются от более древних западно-семиреченских городищ и, напротив, очень близки к открытым, в последние годы памятникам оседлой культуры Центральной Азии (Монголия и Тува). В то же время керамический материал из Северо-Восточного Семиречья ясно указывает на культурное влияние среднеазиатских ремесленных центров [34; 35].

Возникновение городов и селений в Северо-Восточном Семиречье датируется IX—X вв., хотя общий расцвет оседлой культуры здесь приходится на XI—XIII вв. Уже в первые полевые сезоны К. Байпакову, наиболее детально изучившему археологические памятники района, удалось выделить четыре типа древних оседлых поселений: города, селения, ставки-убежища, караван-сарай (рабаты). При этом караван-сарай и ставки-

убежища, сохранившие свой характер, датируются более поздним временем — XI—XIII вв. Сами же города прошли в своем развитии путь от временных ставкок-убежищ кочевых владетелей до постоянных оседлых поселений бесцитадельного типа, ставших центрами ремесла и земледелия.

Большая часть городищ и селищ концентрируется в предгорных районах, в верховьях рек Каратал, Аксу, Лепсы и их притоках. Это местоположение наряду с определенными выгодами для поливного земледелия позволяло приджунгарским городам контролировать те участки трансасиатских торговых путей, которые пролегали между Западным Семиречьем и Восточным Туркестаном, а также между фергано-семиреченскими торговыми центрами и кочевым миром приалтайских и прииртышских степей.

Исследования Алакольской котловины¹ в 1968 г. позволили расширить сложившиеся представления о наиболее удаленном на северо-восток городском комплексе Семиречья. Концентрация древних оседлых поселений в этом районе также весьма значительна. По Тентеку и его притокам обнаружено и обследовано два городища. Первое из них расположено на северо-восточной окраине с. Учарал, на мысу правого берега Тентека². Второе обнаружено в 8 км к юго-западу от с. Учарал. Подъемный материал с двух городищ аналогичен, он представлен обломками хумов со скошенным наружу венчиком, со следами пальцевых вмятин под ним. Вся керамика изготовлена на гончарном круге, обжиг красный, качественный. Аналогичная посуда из городищ Антоновское, Сумбе, Дунгене и других относится к X—XIII вв. [76, с. 85; 35, с. 78—81].

Еще одно городище было обнаружено и обследовано на юго-западной оконечности Алаколя в с. Коктума. Городище почти полностью уничтожено наступающим озером. Вдоль берега, на всем протяжении села, узкой полосой прослеживается культурный слой золистого цвета, насыщенный кусочками угля, обломками гли-

¹ Начальник отряда К. М. Байпаков. В работе отряда приняла участие автор работы.

² По предварительным сведениям было известно о существовании укрепленного поселения в районе с. Учарал, однако без характеристики его топографии и датировки [28, с. 219, № 3241].

няной посуды и жженого кирпича, костями. На береговой линии была собрана большая коллекция керамики.

По характеристике К. М. Байпакова, в подъемном материале довольно четко выделяются две разновременные группы — IX—X вв. и XI—XII вв.

Для первой группы характерны кувшины, покрытые густым красным ангобом, лепленные от руки. Один из них аналогичен датированным этим временем комплексам посуды из городищ Антоновское и Сумбе. Для этого же времени характерны украшения хумов и кувшинов из Коктума с оттисками штампов. Такая же посуда найдена в городах Северо-Восточного Семиречья [35, с. 76—77, рис. 4]. Большую группу составляют обломки лепных дастарханов, украшенных прочерченным и резным орнаментом. Аналогичные дастарханы широко представлены в материалах городищ Чуёвской долины, датированных VIII—X вв. [78, с. 126—131; 168, с. 42—43].

Керамика XI—XII вв. вся изготовлена на гончарном круге. Самые близкие аналогии ей имеются в материалах городищ Северо-Восточного Семиречья [35, с. 78—81, рис. 5].

Обследованные городища Алакольской котловины, датированные IX—XIII вв., не уступают по размерам и мощности культурных напластований городищам к западу от них.

До настоящего времени трудно было сказать что-либо определенное об этнополитической атрибуции оседлых поселений Северо-Восточного Семиречья. Теперь, после исследования вопроса о распространении владений кимаков в IX в. далеко на юг от Прииртышья — в Северо-Восточное Семиречье, можно полагать, что возникновение городов в этом районе совпадает с распространением политического влияния кимаков. Тем не менее ни один из средневековых нарративных источников IX—XI вв. не дает даже косвенных данных для определения этнической принадлежности того населения, которому была обязана своим возникновением ранне-средневековая оседлая культура этой обширной области. Единственным исключением во всей арабо-персидской географической литературе, содержащей интересные нас сведения, является труд ал-Идриси.

Нельзя, однако, не признать правомерным замечания В. В. Бартольда о том, что «сведения (ал-Идриси. — *Б. К.*), относящиеся к различному времени, нисколько не отделены друг от друга; собственные имена искажены до неузнаваемости» [53, с. 292]. Поэтому чрезвычайно важно выделить те отрывки «Нузхат ал-муштак», которые по своей структуре являются достаточно однородными и цельными, чтобы возвести их к тексту одного предшествующего источника. В значительной мере этим условиям отвечает отрывок, где ал-Идриси дает описание страны кимаков:

«Городов у кимацких царей шестнадцать...³. Карантия первый кимацкий город (со стороны юга. — *Б. К.*) большой, его длина 9 миль, в ширину 3 мили, расположен на берегу большого озера, которое называется озеро Гаган. От Карантии до города царя кимаков 24 перехода, и вся эта дорога тянется с запада на восток. Это озеро получило свое название от города Гаган.

Гаган расположен на его берегу с западной стороны. От Гагана до Дамурии в западном направлении 4 дня пути.

Город Дамурия относится к числу кимацких городов. Он цветущий и многолюдный город. От Дамурии до Сараус на северо-восток 2 перехода, путь проходит по возделанным землям и селениям, принадлежащим тюркам-кимакам.

Сараус большой город, окружен укрепленной стеной. [В городе] — храбрые тюрки, [они] конные воины. От Сарауса до Гагана в южном направлении 3 дня пути. Дамурия и Сараус расположены на р. Шария. От Сарауса до Банджара в восточном направлении 75 фарсахов.

Банджар огромный, многолюдный город, населенный различными [родами] тюрков-кимаков. В нем имеется многочисленное войско и необходимое количество припасов для нужд его населения. Дорога между ними — по пустыне и бесплодной местности. Дорога по подножию горы Гиргир тянется на десять дней.

Дахлан — это неприступный замок и высокая крепость, в которой имеется войско. Дахлан расположен у

---

³ Это же число городов у кимаков приводит Ибн Ийас [138, л. 247].

пределов страны кимаков. Дахлан первая ее область (со стороны запада. — *Б. К.*).

От крепости Дахлан до Банджара 4 перехода по населенной местности и пашням под пшеницей, ячменем и рисом. От крепости Дахлан до Ханауш 6 дней в северном направлении.

Ханауш — многолюдный город, принадлежащий кимакам. От Банджара до города Астур 6 переходов через пустыни и невозделанные земли.

Астур многолюдный [город], населенный тюрками, [он] обладает обширными посевами, обильной водой; их зерновые продукты — пшеница и рис. Имеются железные рудники. Из железа делают изделия необычайной красоты. Астур находится на р. Гамаш. От Астура до Сисана 12 дней пути в восточном направлении по суше, а по реке (Гамаш. — *Б. К.*) меньше этого.

Столица хакана — огромный город, окруженный укрепленной стеной с железными воротами. У царя в городе имеется многочисленное войско. От столицы хакана до Маншанах 4 дня пути по суше в северном направлении, а вниз по реке (Гамаш. — *Б. К.*) меньше, чем по суше. От города Хакана царя до г. Фаварег 4 перехода в направлении на юго-запад» [7, лл. 65а, б; 66а, 68а, б].

Приведенный отрывок может быть признан целиком заимствованным из неизвестного нам источника. Таким источником мы считаем того самого Джанаха ибн Хакана ал-Кимаки, который назван в предисловии к «Нузхат ал-муштак».

Было бы, конечно, неоправданно наивным исключать возможность авторских домыслов — апологетических преувеличений, преследующих политические цели. Так, непомерная величина описываемых городов явно свидетельствует о желании автора не унизить культуру и богатство собственной страны в глазах жителей Багдада или Дамаска. Вызывает некоторые сомнения само число «шестнадцать городов». В широко известном в арабской научной литературе труде Ибн Хордадбеха (IX в.) «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» и книге Ибн ал-Факиха «Китаб ахбар ал-булдан» тоже говорится о «шестнадцати городах тюрков» [404, с. 31; 137, л. 168а; 372, с. 329]. Однако «шестнадцать городов», упоминаемые Ибн Хордадбехом и Ибн ал-Факихом, располага-

лись главным образом на современной территории Ташкентской, Чимкентской и Джамбулской областей и никакого отношения не имели к кимакским городам, описываемым ал-Идриси и в основном локализуемым по бассейну р. Иртыша и в Северо-Восточном Семиречье.

Стоит также упомянуть, что кимакский город Дахлан назван в другом месте «городом гузов». Быть может, преувеличены некоторые расстояния и застроенная городами часть страны показана более обширной. Очевидной апологетикой отдают сообщения о «непрерывных пашнях и возделываемых землях» между кимакскими городами: автор явно вдохновлялся видами Хорезма, Мавераннахра или Южной Месопотамии. Подобные неточности возможны и в описании некоторых других деталей.

Учитывая несогласие сведений ал-Идриси (resp. Джанаха ал-Кимаки) с одновременными, т. е. восходящими к X—XI вв., сообщениями других источников, не следует ли поставить под сомнение само наличие городской или оседлоземледельческой культуры у кимаков?

Описание кимаков как кочевников, не знающих других занятий, кроме скотоводства и охоты, стало в мусульманской географической литературе обязательным трафаретом едва ли не с IX в. Но сквозь жесткие рамки трафарета прорываются отдельные сообщения, резко контрастирующие с теми представлениями, которые так навязчиво декларируются. «Это народ, у которого нет ни селений, ни домов; они владеют только пашнями и лесами, водами и пастбищами», — пишет о кимаках Тахир ал-Марвази (XII в.), но тут же отмечает, что «зимние жилища у кимаков — землянки или полуземлянки, зимой кимаки занимаются промысловой охотой в тайге на соболя и горностая, передвигаясь на лыжах» [435, с. 20]⁴. Естественно, что такого рода быт и занятия мало связаны с кочевым скотоводством и свидетельствуют скорее о полуседлости, по крайней мере, части кимакских племен.

Совсем другие сведения сообщает «Худуд ал-алам» (X в.). В главе «Рассуждение о стране кимаков и их

---

⁴ О землянках у кимаков упоминает также Исхак ибн ал-Хусейн [371, с. 48].

городах» (разрядка моя. — Б. К.) читаем: «Люди живут в войлочных шатрах, зимой и летом качуют в поисках пастбищ, воды и лугов»; но хакан имеет резиденцию в кимакском городе Имакия, в 80 днях конного пути от Тараза, а на берегу какой-то реки мимоходом отмечено многолюдное кимакское селение Чубин (Жубин) [61, лл. 106, 186; 433, с. 75, 100, 310]. Тамим ибн Бахр (I пол. IX в.) посещает царя кимаков в его ставке близ «селений и возделанных земель», а также отмечает город царя кимаков, соединяющийся дорогой с Таразом [137, л. 1706; 436, с. 281]. О наличии городской культуры у кимаков сообщают также Ибн Саид, Ибн ал-Варди, Ибн Ийас [139, л. 32; 136, л. 64а; 138, лл. 247—248].

Как уже говорилось, археологические изыскания, проведенные А. Х. Маргуланом в Центральном Казахстане, показывают, что оседлые поселения существовали в прошлом и в более северных областях Казахстана, остатки которых прослеживаются, хотя и спорадически, на значительном материале. Здесь открыто много древних архитектурных памятников, остатков поселений, оросительных каналов, говорящих о наличии в прошлом целого ряда культурно-экономических очагов [207, с. 88]. Именно в этом районе, точнее в долине р. Сарысу, А. Х. Маргулан локализует кимакское поселение Жубин по данным «Худуд ал-алам», отождествляя его с поздним Жубан-Ана русских источников [204, с. 22; 207, с. 97; 284, I, с. 206].

Естественно, что страна кимаков, простиравшаяся, согласно «Худуд ал-алам», от Иртыша до Итиля (Волги), а по ал-Мукаддаси (X в.) — и до границ мусульманского мира на Сырдарье [374, с. 284], не была однородна в хозяйственном отношении. Информаторы Гардизи (XI в.) весьма колоритно описывают степное приволье на берегу Иртыша, где паслись тысячные конские табуны и не было даже намеков на пашни и городские стены. А Тамим ибн Бахр, видевший царя кимаков где-то недалеко от границы с тогуз-гузами, которую он затем пересекает, дает совсем иные сведения. Но ясно одно: описания ал-Идриси качественно не выходят за пределы тех представлений, которые в той или иной степени были свойственны наиболее информированным авторам IX—X вв.

Не менее сложна проблема отождествления местоположения населенных пунктов страны кимаков, приводимых ал-Идриси, с современной географической номенклатурой. Исторической науке известны попытки такого отождествления по тексту ал-Идриси (перевод Жюбера) и картам «Сурат ал-ард», предпринятые В. В. Григорьевым и К. Миллером. Однако предложенные ими идентификации неудачны, они не вяжутся ни с исторической географией средневековья, ни с данными текста и карт ал-Идриси.

Так, В. В. Григорьев г. Карантию отождествляет с Харашаром, а К. Миллер с Кучой и то под вопросом [112, с. 224; 429, IV, с. 85]. Обе идентификации расходятся как с данными текста «Нузхат ал-муштак», так и карты «Сурат ал-ард». Во-первых, ни Харашар, ни Куча не лежат на берегу озера, как это сказано о Карантии в «Нузхат ал-муштак»; во-вторых, оба города расположены в Восточном Туркестане, в рассматриваемое время эта область принадлежала токуз-гузам, в то время как ал-Идриси говорит о кимакских городах. Идентификация оз. Гаган с Алакольской системой озер позволяет локализовать г. Карантию согласно месторасположению в «Сурат ал-ард» — на юго-восточном берегу Алаколя.

Судя по размерам (9 миль в ширину и 3 мили в длину, согласно ал-Идриси, а по Ибн Ййасу — в ширину 7 миль) [138, л. 248], Карантия была крупным населенным пунктом, хотя эти цифры явно преувеличены. Следует отметить, что в нескольких километрах к востоку от оз. Алаколь Г. В. Кушаевым собран археологический материал (керамика), относящийся к IX—XII вв.

К. Миллер г. Дамурию отождествляет с Токмаком, а Сараус с Пшпеком [429, IV, с. 85]. Согласно тексту и картам ал-Идриси, оба города располагались на р. Шария, впадающей с западной стороны в оз. Гаган. Ошибочность идентификации, предложенной К. Миллером, очевидна, ибо его мнение основано на отождествлении р. Шария с р. Чу, а оз. Гаган — с оз. Иссык-Куль, что было опровергнуто выше.

Идентификация р. Шария с р. Тентек позволяет нанести на современную карту район расположения Дамурии и Сарауса в долине р. Тентек, а основываясь на изображении Дамурии на карте ал-Идриси, быть может,

и отождествить его с одним из городищ, обнаруженных в бассейне р. Тентек близ с. Уч-Арал.

Сопоставление Ханауш — Турфан, Дахлан — Торгутен, предлагаемое К. Миллером [429, IV, с. 85], не может быть принято ввиду того, что в «Нузхат ал-муштак» речь идет о кимакских городах, а Торгутен и Турфан в исследуемый период прочно входили в область Уйгурского государства. Более того, Турфан был зимней столицей токуз-гузов.

Ханауш и Дахлан в «Сурат ал-ард» показаны к северу от гор Гиргир. В точном соответствии с реальной географической схемой на карте ал-Идриси расположены горы Гиргир: к северу и к востоку от равнины, на которой лежат Гаган-Алакольские озера. Следовательно, Ханауш и Дахлан должны быть локализованы к северу от Тарбагатая, быть может, где-то в западном районе Карагандинской области.

Предлагаемое Миллером отождествление г. Банджара, расположенного на северном подножии Гиргир, с Урумчи [429, IV, с. 85], не может быть также признано удовлетворительным, потому что путь из Тараза через Банджар к хакану кимаков проходил преимущественно на север и северо-восток, но не на юго-восток, к местоположению Урумчи. К тому же в это время район Урумчи принадлежал токуз-гузам.

В «Сурат ал-ард» г. Банджар расположен близ реки, берущей начало с северной стороны Гиргир.

Очевидно, Банджар нужно искать на р. Базар, вытекающей из северного склона Тарбагатая. Данное предположение подтверждается и тем, что еще в XVIII в. дорога от Среднего Иртыша в Среднюю Азию и Восточный Туркестан проходила по р. Базар [192, с. 199; 92]. По сведениям ал-Идриси, через г. Банджар шла дорога из Средней Азии к резиденции хакана кимаков (об этом см. выше).

Согласно тексту ал-Идриси и данным «Сурат ал-ард», 8 городов кимаков локализованы в долине р. Гамаш. Здесь ал-Идриси помещает древние земли кимаков, упоминая две столицы кимакского хакана — старую и новую. Отождествление р. Гамаш с р. Иртыш позволяет локализовать основную часть городов вместе со столицей хакана кимаков непосредственно в Прииртышье.

Город Гаган отождествляем с крупным городищем в с. Коктума, расположенном именно там, где помещает его ал-Идриси на своей карте, — на юго-западной оконечности оз. Гаган — Алаколь. Ибн Ийас добавляет, что одна из деревень г. Гаган называется К. н. джа [138, л. 248].

Сопоставляя данные нарративных источников и археологические материалы, приходим к выводу о наличии оседлоземледельческой и городской культуры в Северо-Восточном Семиречье и определяем ее как область городов кимаков, возникших на базе старых кочевых ставок в IX—X вв. в ходе экспансии кимакских племен к югу и юго-западу.

Города кимаков сложились как политические и экономические центры государства кимакских хаканов в результате симбиоза, как это показывают результаты археологических исследований, местного тюркского (в основном кимакского) населения и носителей среднеазиатской (западносемиреченской) культурной (ремесленной и оседлоземледельческой) традиции. При этом следует отметить несомненное преобладание автохтонных элементов, что отразилось как в градостроительной традиции, так и в хозяйственно-культурном типе.

КУЛЬТУРА КИМАКОВ

Наличие оседлости и ремесленного производства предопределило весьма интенсивное развитие материальной культуры кимаков в IX—XI вв. Вместе с принципами строительной и обрабатывающей техники кимакская среда активно усваивала и перерабатывала элементы среднеазиатского искусства того времени, сливавшегося с древними приемами искусства степей. Все это нашло отражение в археологических материалах из кимакских погребений и поселений.

Вместе с тем сложение государства и возникновение развитых форм социальной жизни не могло не сказаться на развитии духовной культуры кимаков. К сожалению, сведения письменных источников в этом отношении чрезвычайно скудны и не позволяют с достаточной полнотой охарактеризовать культурное состояние кимакского общества. Однако можно выделить, по крайней мере, две группы сведений, относящихся к та-

ким важнейшим элементом культуры раннеклассового общества, как письменность и религия. Несмотря на отрывочность и расплывчатость этих сведений, из них можно почерпнуть некоторую информацию, объективностью которой не вызывает больших сомнений.

Письменность О существовании у кимаков своей письменности позволяет судить одна фраза у Абу Дулафа: «У них растет тростник, которым они пишут» [137, л. 176а; ср. 483, II, с. 395; 495, III, с. 448]. Видимо, кимаки писали тростниковыми перьями и пользовались древнетюркской письменностью; последняя существовала с VI в. до самого начала XIII в. [184, с. 75]. В связи с этим вызывает большой интерес уникальная находка Ф. Х. Арслановой из Прииртышья — бронзовое зеркало с рунической надписью, которая была прочтена С. Г. Кляшторным и датирована IX—X вв.⁵ К этому же времени С. Г. Кляшторный относит находку из Тарбагатайских гор (близ Урджара) — бронзовое зеркало с древнетюркской надписью, которое было неверно датировано А. Н. Бернштамом VIII в. [74, с. 108—110]. Таким образом, догадки о наличии письменности у кимаков приобретают реальную основу.

Религия В IX—XI вв. у кимаков бытовали пережитки древних тюркских религиозных верований, значительное место среди которых занимали культ Тенгри (Неба) и культ предков. Излагая сущность различных религий народов, ал-Муттахар ал-Макдиси (X в.) пишет о тюрках, среди которых имеются в виду и кимаки, следующее: «Тюрки говорят «бир тенгри», подразумевая под этим «един господь». Некоторые из них утверждают, что «тенгри» — это название небесной голубицны, а некоторые из них говорят, что «тенгри» — это «небо». Имя творца у них — «белиг байат», смысл чего — «величайший богач» [416, с. 62].

Часть кимаков поклонялась огню [7, л. 68а]. Огонь считался священным, его почитали как очистителя и домашнего покровителя. Об обряде очищения огнем у тюрков впервые сообщает византийский посол Земарх (568 г.), который должен был «очистить себя», прежде

⁵ Устная консультация С. Г. Кляшторного.

чем его допустили к тюркскому хану [93, с. 422]. Культ огня у тюрков отмечает и китайская летопись: «Тюрки превыше всего чтут огонь, почитают воздух и воду, поют гимн земле, поклоняются же единственно тому, кто создал небо и землю, и называют его богом» [133, с. 88].

С культом огня связан погребальный обряд тюрков, которым был присущ обычай сожжения умерших [80, I, с. 230]. Исхак ибн ал-Хусайн и Хаджи Халифа отмечают, что кимаки сжигают мертвых [371, с. 48; 392, с. 129]. Этот погребальный ритуал прослеживается и в курганных захоронениях Прииртышья — местах локализации кимаков [18, с. 54; 23, с. 6; ср. 123; 184, с. 62].

О культе огня сообщают Васиф-шах и Шахиб ал-Харрани. По их же сведениям, хакан тюрков выступает как первосвященник: «У царя (хакана тюрков) определенный день, в который зажигают для него огромный огонь (костер). Царь говорит над огнем пророчествуя. Он смотрит, уставившись на огонь, затем поднимает свое важное лицо от огня. Если [его лицо становится] зеленого цвета, то указывает на плодородие и добро; если [становится] красного цвета, то указывает на пролитие крови; если [становится] белого цвета, то будет неурожай; если желтого — будет болезнь и эпидемия; а если становится черного цвета, то указывает на смерть царя или на дальнюю поездку. Когда бывает последнее, [царь] торопится в поход и набег» [89, л. 485; 331, л. 1516].

Письменные источники сообщают также, что кимаки поклонялись солнцу [7, л. 686; 136, л. 64а; 138, л. 247]; можно добавить, что они почитали и звезды. Об этом свидетельствует Абу-л-Фида: «Куманы (кыпчаки) занимаются астрологией, пользуются показаниями звезд и поклоняются им» [462, с. 205].

Вызывают интерес сведения Гардизи о почитании кимаками реки Иртыш. «Кимаки, — сообщает он, — оказывают уважение этой реке, почитают ее, поклоняются ей и говорят: „Река — бог человека“» [52, с. 83, 106]. По всей вероятности, кимаки почитали не только реки, но и горы. Л. П. Потапов убедительно показал у алтайцев связь почитания урочищ с родовой собственностью, переплетение родового культа с промысловым

[256]. О сохранившемся обычае поклонения и почитания сил и явлений природы у казахов писал Ч. Ч. Валиханов [88, с. 461, 610].

Ал-Идриси сообщает, что некоторая группа кимаков исповедовала манихейство [7, л. 68а]⁶. Кимаки в IX—X вв. непосредственно граничили с уйгурами, обитавшими в Восточном Туркестане, и енисейскими кыргызами, т. е. с народами, у которых они могли перенять манихейство. Уйгуры приняли манихейство во второй половине VIII в., будучи еще в Монголии [301, с. 223]. Возможно, к середине X в. часть енисейских кыргызов в результате уйгурского влияния также приняла манихейство [183, с. 127]. Сведения ал-Идриси о кимаках-манихеях как жителях чащ и лесов позволяют думать, что они обитали гораздо севернее кимако-уйгурской границы в Семиречье. А это дает возможность полагать, что манихейство перешло к кимакам от кыргызов.

Ал-Идриси упоминает также о храмах в столице кимаков на Иртыше [7, л. 68б], но не говорит, каких именно. Интересно сообщение ал-Бируни о скале на горе Манкур, на которой виден след человека, след его ладони с пальцами, след его колен, как будто он сделал поклон, а также след ног мальчика и копыт осла [369, с. 264; ср. 7, л. 66а; 371, с. 48]. Согласно Шихаб ал-Харрани, скале с изображениями поклоняются тюрки [331, л. 130а], в число которых входили и кимаки. Эти сведения теперь подтверждены наскальными рисунками, обнаруженными на территории расселения кимацких племен. Изображения человеческой ступни и лошадиного копыта зафиксированы в Каркаралыцких горах, в горах Арганаты, в Улутауском районе [121, с. 10].

В области расселения кимацких племен в исследуемое время был широко распространен обычай ставить каменные изваяния (статуи) [28, № 1541, 1549, 1607, 2552, 2567, 2916, 3216, 3268]. О поклонении этим статуям сообщает Низами: «Все племена кыпчаков, — пишет он, — когда попадают туда, сгибаются вдвое перед этой единственной в своем роде статуей. Пешком ли зайдут они туда с пути, или верхом, поклоняются

---

⁶ О манихействе и его распространении в Средней и Центральной Азии см. 489.

ей как творцу. Всадник, который подгонит к ней коня, кладет стрелу из колчана в честь ее. Пастух, который заведет туда свое стадо, опускает перед ней овцу» [52, с. 20; 235, с. 315—318].

Находясь по соседству с Семиречьем, кимаки, видимо, заимствовали этот обычай, восходящий к VI—VII вв. у тюрков. Позднейшие типы статуй Семиречья уже от кимаков распространились затем по всей территории Казахстана в X—XI вв. [313, с. 189]. Эта гипотеза, выдвинутая Г. А. Федоровым-Давыдовым, вполне приемлема, тем более что кимаки не только обитали по соседству с Семиречьем, но уже в IX в. распространили свои владения на северо-восточную его часть.

Абу Дулаф отмечает у кимаков волхование. Он сообщает: «Там (в стране кимаков) имеются камни, посредством которых они вызывают дождь, когда им (кимакам) угодно» [137, л. 17а]. Этот камень назывался «яда» [220, III, с. 2], и вера в его магическую силу была широко распространена среди тюркских народов [201; 117, с. 85].

Наиболее распространенной формой религии у кимаков был шаманизм⁷. Религиозную основу шаманизма — поклонение духам — ал-Идриси представил как поклонение ангелам [7, л. 686]. Средневековые восточные и западные авторы понятие шаманских духов могли передать только словом «ангелы». Но такое сравнение, конечно, весьма неточно и грубо, потому что понятия «ангел» в шаманских верованиях не было [40, с. 58]. Русские ученые-путешественники XVIII—XIX вв. отмечали у казахов существование шаманских обрядов [283, с. 72—73; 101, с. 140; 192, III, с. 114—115; ср. 88, с. 115 и сл.]. Сохранение этих обрядов вплоть до XIX века показывает, насколько были крепки корни шаманства у средневековых племен и народностей, в частности кимаков.

Вместе со среднеазиатской культурой в страну кимаков проникала и религия. Прямых указаний источника на этот счет нет, но существуют некоторые косвенные данные. Так, за счет мусульманского влияния относят особенности кимакских погребений Прииртышья [18, с. 50—53; 313, с. 201—202]. Быть может, ислам

⁷ О шаманизме как религии см. 306, с. 278—305.

получил некоторое распространение среди кимакской знати; по крайней мере, само имя Джанах ибн Хакан ал-Кимаки как будто свидетельствует об этом, как и написанная им по-арабски книга.

Процесс самостоятельного культурного и социального развития кимаков был прерван военными событиями конца XI в. и особенно монгольским нашествием. Однако те сведения, которыми мы располагаем, показывают, что и в социальном и в культурном отношении кимаки унаследовали и развили традиции, сложившиеся в древнетюркской среде VI—IX вв.

КИМАКСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Вопрос о сложении государства и существовании государственной организации у кимаков в научной литературе не ставился. Основные моменты возникновения, развития и упадка кимакского государства можно воссоздать путем тщательного анализа косвенных данных средневековых нарративных источников.

Сложение кимакского союза племен К середине VII в. кимаки располагались севернее Алтая, в Прииртышье, и входили в Западнотюркский каганат; после распада каганата в 656 г. кимаки обособляются из западно-тюркской среды. Очевидно, в это время возникает ядро кимакского союза племен. Глава племени кимаков, согласно Гардизи, носил титул «шад-тутук» [52, с. 83, 106]⁸. Титулы «шад» и «тутук» неоднократно упоминаются в древнетюркских надписях [474, с. 146; 199, с. 38, 41; ср. 348, с. 1206, 1224].

Во второй половине VIII — начале IX в. происходит движение кимакских племен в двух направлениях: на северо-запад, к Южному Уралу (в основном кыпчаков), и на юго-запад, в пределы Северо-Восточного Семиречья. Быть может, движение основных масс карлуков с территории Западного Алтая и Тарбагатая в Семиречье во второй половине VIII в. было вызвано давлением кимаков с севера. Во всяком случае, область к югу от Прииртышья до северных пределов токуз-гузов, обитавших в Восточном Туркестане, была занята кима-

⁸ Согласно «Муджмал ат-таварих ва-л-кисас» падишах кимаков носил титул «тутук» [229, с. 20].

ками. Продвижение кимаков в Северо-Восточное Семиречье произошло между 766 г. (время движения основной массы карлуков в Семиречье) и 821 г. (?) — временем путешествия Тамима ибн Бахра, впервые отметившего факт непосредственной границы между токуз-гузами и кимаками. Северная граница Уйгурского государства (государства токуз-гузов) проходила к югу от Джунгарского хребта.

Со второй половины VIII и до X в. на территории Западного Семиречья существовало Карлукское государство, пришедшее на смену Тюргешскому каганату [54, с. 35—40]. И позднее, даже будучи включенными в состав Караханидского государства, семиреченские карлуки не утратили автономии, а в XII в. превратились в столь серьезных противников баласагунского владетеля, что последнему лишь с помощью каракитаев удалось вытеснить их из Чуйской долины [46, с. 568].

Непосредственно вслед за этим возникает большое карлукское владение в Илийской долине с центром в Кайлаке⁹, хан которого Арслан примкнул со своим шеститысячным отрядом в начале XIII в. к армии Чингиз-хана [59, с. 471—472]. На юге территория расселения карлуков в IX—X вв. захватывала южный берег Иссык-Куля, доходя на юго-востоке до г. Аксу в Восточном Туркестане [433, с. 289].

После распада в 840 г. Уйгурского каганата часть племен, входивших в него (эймюр, баяндур, татар), присоединилась к ядру кимакского объединения. Именно в это время происходит сложение кимакской федерации в том составе, который приводит Гардизи. С образованием кимакского союза племен происходит изменение в титуле их правителя. Теперь глава кимакских племен носит титул «байгу» [52, с. 84, 107]. В средневековых тюрко-арабских словарях значение термина «байгу» объясняется как «сокол» или «ястреб-перепелятник» [382, с. 28; 444, с. 187]. В титулатуре средневековых тюрков, как известно, отразились их древние тотемические воззрения. Большинство исследователей

⁹ В научной литературе имеется несколько вариантов локализации Кайлака. В. В. Бартольд относит Кайлак к окрестностям Капала [53, с. 70]. А. Н. Бернштам локализует Кайлак на месте городища Дунгене [76, с. 88]. К. М. Байпаков отождествляет Кайлак с городищем Антоновка.

считают, что «байгу» является искажением титула «ябгу» [424, с. 34; 433, с. 288; 477, с. 141]¹⁰. Титул «ябгу» по степени достоинства был выше «шада». Известно, что титул «ябгу» носила правящая верхушка различных тюркоязычных народов — карлуков, огузов, уйгуров и других [166, с. 208; 61, л. 186; 433, с. 97, 288; 418, с. 20; 52, с. 81, 104; 229, с. 20; 387; 454, с. 270—274; 453; 457, с. 24].

В ходе ожесточенной борьбы за власть значительная масса огузов после 766 г., вероятно, оставила пределы Семиречья и стала уходить в нижнее течение реки Сырдарья и Приаралье, а часть из них — к границам владений Тахиридов [16, с. 128]. Однако огузам не сразу удалось захватить политическую гегемонию в долине Сырдарьи и приаральских степях. Лишь между серединой и концом IX в. огузские вожди в союзе с кимаками и карлуками сумели овладеть этими областями, нанеся поражение обитавшим здесь кангаро-печенежским племенам [161, с. 163—167, 177—178].

По всей вероятности, кимаки, сохраняя дружеские отношения с огузами, приняли участие и в событиях конца IX в., когда огузы в союзе с хазарами нанесли печенегам жестокое поражение и овладели междуречьем Урала и Волги¹¹. Правомерность такого вывода позволяют установить косвенные данные арабо-персидских источников X—XI вв., в которых подчеркивается совместность кочевания кимаков и огузов по Эмбе и Уралу вплоть до Каспийского моря [61, л. 106; 406, с. 62; 433, с. 215, 308—309; 424, с. 100—102].

Образование кимакского государства Бурные события второй половины VIII—IX вв., в ходе которых кимакские племена прочно укрепились на территории от Среднего Иртыша до Джунгарских ворот, дали толчок развитию государственной организации у кимаков. Первое упоминание о государстве у кимаков появляется в арабоязычных историко-геогра-

¹⁰ Относительно соотношения титулов «ябгу» и «байгу» С. Г. Агаджанов высказал мнение, что оба они бытовали синхронно и что титул «байгу», вероятно, был менее почетным и важным, чем «ябгу» [16, с. 140].

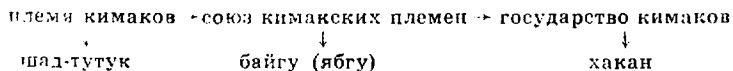
¹¹ По мнению К. Шаниязова, хазаров потеснили не огузы а узы; последних он считает самостоятельной, отличной от тюрков и огузов этнической единицей [334].

фических сочинениях конца IX — начала X в. По-видимому, именно в это время происходит образование державы кимаков.

Впервые известия о существовании у кимаков своего государства встречаем в сочинении ал-Йакуби. В разделе о тюркоязычных племенах и народах он сообщает: «Туркестан и тюрки делятся на несколько народностей и несколько государств [мамалик], в том числе: карлуки, токуз-гузы, кимаки и огузы. У каждого племени тюрков — отдельное государство, и одни из них воюют с другими» [405, с. 295]. Данные ал-Йакуби о государственном образовании у карлуков, токуз-гузов и огузов, отражают историческую реальность.

Любопытные сведения о кимаках IX—X вв. обнаруживаем у Ибн ал-Факиха. Гузы, токуз-гузы, кимаки, согласно ал-Факиху, самые сильные из всех тюрков. Они имеют царей [137, л. 168а]. Ал-Истахри и Ибн ал-Хаукаль сообщают о том, что «в пределах тюрков цари отличаются сообразно их государствам» [482, с. 9; 408, I, с. 14; ср. 136, л. 66]. Могущество кимацкого царя было значительным. Со времени сложения у кимаков государства (в конце IX — начале X в.) их царь стал носить высший тюркский титул — хакан [61, л. 186; 433, с. 100; 7, лл. 68а, б]. «Хакан — главный царь тюрков. Хакан — это хан ханов, то есть предводитель предводителей, подобно тому как персы говорят шаханшах», — констатирует ал-Хорезми [418, с. 120; 218, с. 218]. Титул «хакан» стоял на две ступени выше, чем титул «ябгу» [364, с. 37].

Таким образом, процесс становления государства у кимаков по синхронной градации титулов их предводителей можно схематически представить в следующем виде:

П. М. Мелиоранский, исследуя древнетюркские надписи, отметил у знати древних тюрков следующую градацию: шад (кичиг шад?), йабгу (улуг шад), кичиг каган, улуг каган [224, с. 110]. Как видно, связь между кимацкой и древнетюркской титулатурой бесспорна.

и она лишней раз указывает на преемственность между кимакской средой и древнетюркской прародиной.

В отличие от хазарского хакана, пользовавшегося величайшим почетом, но практически бывшего номинальной главой государства [27, с. 408], хакан кимаков — монарх, обладал реальной властью, он назначал «царей» [61, л. 19а; 433, с. 101]; последние были, бесспорно, представителями племенной знати. Ал-Идриси сообщает, что «ему наследует только тот, кто из царской семьи» [7, л. 68а]. Власть переходила по наследству не только у хакана кимаков, но и у племенной знати, окружавшей его. Согласно «Худуд ал-алам», «хакан кимаков имеет 11 управителей и их уделы передаются по наследству детям этих управителей» [61, л. 186; 433, с. 100].

В процессе образования кимакского государства, так же как и при создании племенных объединений, большую роль играли военные институты. Управители были в то же время и военными вождями, которые получали от хакана за службу уделы. Удельные владения выставляли хакану определенный контингент войск [ср. 96, с. 100, 102—103]. Этническая среда в этих уделах-областях, по-видимому, состояла в основном из представителей одного и того же племени. Зарождение удельно-племенной системы было следствием крупных перемен в общественном строе, вызванных становлением патриархально-феодалных отношений в кимакском обществе [111, с. 65].

Владельцы уделов-областей являлись вассалами кимакского хакана. Естественно, управители-вожди, стоявшие во главе крупных племенных объединений, стремились упрочить индивидуальные кочевые хозяйства. Некоторые из них превращались в полузависимых «государей» [ср. 96, с. 74, 115—116], стремившихся при благоприятных условиях к захвату верховной власти в государстве.

Существование одиннадцати управителей, по данным «Худуд ал-алам», свидетельствует, вероятно, и о наличии такого же числа областей, которые в какой-то мере разграничивались территориально друг от друга, быть может, с кочевыми ставками в каждой из них. Естественно допустить, что резиденция хакана кимаков вместе с прилегающими землями составляла более об-

ширную область, двенадцатую по счету. Согласно сведениям «Худуд ал-алам», кимаки вместе с их хаканом жили в бассейне Среднего Иртыша. Ал-Идриси, перечисляя шестнадцать городов кимаков, двенадцать из них вместе со столицей хакана кимаков помещает в бассейне реки Гамаш (Иртыш), т. е. на основной территории расселения кимаков. Таким образом, обнаруживается совпадение сообщений о кимаках: одиннадцать областей и резиденция хакана кимаков по «Худуд ал-алам» и одиннадцать городов и столица хакана кимаков по ал-Идриси — в границах одного и того же региона. Это совпадение можно интерпретировать как результат использования одних и тех же исторических сведений о кимаках автором «Худуд ал-алам» и ал-Идриси. Последний свидетельствует о наличии у кимаков ряда полусамостоятельных владений во главе с «царями». Их резиденциями служили города, окруженные стеной [7, лл. 65а, 68а], надежно укрепленные замки-крепости, часто располагавшиеся на возвышенных местах [7, лл. 66а, 68б; ср. 138, л. 247]. В этих городах и крепостях «цари» содержали многочисленное войско [7, л. 65а]. Богатство и склады «царей» хранились в городах и крепостях, расположенных в неприступных горных областях, охраняемых «сторожами и хранителями», назначаемыми царем [7, л. 68б]¹².

О существовании в кимакском государстве налоговых сборов можно предположить по тому факту, что из золота, собираемого тюрками по береговой линии кимакского моря (Гаган. — *Б. К.*), царь брал обязательную долю [7, лл. 68б, 69а], а остатком довольствовался хозяин [136, л. 64а].

Сведения «Худуд ал-алам» об «11 управителях», а также сообщение ал-Идриси о том, что «у хакана кимаков хаджиб, везиры, справедливое и благополучное государство» [7, л. 68а], позволяют думать о наличии государственного аппарата. Как бы примитивна ни была государственная власть, она, однако, есть прежде всего результат непримиримости классовых противоречий. Косвенные данные средневековых источников недвусмысленно свидетельствуют о социальной дифферен-

---

¹² Согласно Махмуду Кашгарскому, укрепленный пункт в горах, место для провизии называется «туруг» [220. I, с. 311].

циации в кимацком обществе. Гардизи отмечает, что «на зиму они (кимаки. — Б. К.) заготавливают сушеное мясо, баранье, лошадиное или коровье, каждый по мере своих средств» (разрядка наша. — Б. К.) [52, с. 84, 107]. Определенные выводы о расслоении кимацкого общества можно сделать также и из сообщения ал-Идриси. «Только знатные, — пишет он, — носят одежду из красного и желтого шелка» [7, л. 686]. По сведениям «Нузхат ал-муштак», в городах кимаков наряду с конными упоминаются и пешие войска [7, л. 65а]. Несомненно, контингент пеших войск был представлен беднотой.

Данные нарративных источников подтверждаются археологическим материалом, свидетельствующим о различии в ценности и количестве инвентаря, положенного вместе с погребенными [24, с. 84; 25, с. 54; 209, с. 53].

Глубокое внутреннее расслоение в кимацком обществе, с одной стороны, привело к образованию кочевой скотоводческой аристократии, а с другой — к разорению значительной массы кочевников.

В среде разорившихся кочевников шел процесс перехода к оседлости [111, с. 19; 124, с. 56—58, 191; 130, с. 133; 160, с. 487; 272; 214, с. 123—124]. Эту социальную категорию разорившихся людей Махмуд Кашгарский называет «ятук», характеризуя их как «вид гурзов, который живет в их городах, не переезжает в другие места и не воюет, т. е. ленивцы, заброшенные» [220, III, с. 11; 221, л. 312]. Несомненно, что бедные, немужские семьи кимаков назывались также ятуками, т. е. жатаками, — термином, дожившим в Казахстане до XX в. Следует заметить, что если в исследуемый период (X—XI вв.) жатаками называлась только обездоленная беднота, то в XIX в. среди них имелись люди с достатком [297, с. 158—159].

Из домашних животных жатаки разводили крупный рогатый скот. Наряду с основным занятием — земледелием, они занимались ремеслами, рыболовством. Жатаки сседали на зимовках, жили в небольших поселениях, вокруг кочевнических ставок. Последние с образованием у кимаков государства, становлением патриархально-феодалных отношений, развитием торговли как внутри общества, так и с сопредельными страна-

ми превращались в города. Средневековые города вскоре становились не только военно-административными центрами, но и местом средоточия торговли, ремесла и земледелия. Все вышеизложенное позволяет полагать, что кимаки в конце IX — начале XI в. обладали примитивной раннефеодальной государственностью.

Кимакская держава во внешней политике В средневековых источниках сообщается о войнах кимаков с сопредельными народами. Соседние народы в свою очередь также нападали и грабили становища кимаков. Во внешнеполитическом курсе кимакский хакан был довольно предприимчив. Так, ал-Идриси о нем сообщает следующее: «Царь кимаков один из великих царей и один из славных своим достоинством... Тюркские цари опасаются власти хакана, боятся его мести, остерегаются его силы, берегутся его набегов, так как они уже знали это и испытали от него раньше подобные действия» [7, л. 68а].

О военной экспансии кимакских хаканов на юг, завершившейся захватом части земель токуз-гузов, свидетельствуют сообщения ал-Идриси о том, что кимакский город Карантия, расположенный на юго-восточном берегу оз. Гаган, некогда принадлежал токуз-гузам [7, л. 65а]. Отсюда становится понятным сообщение ал-Идриси о перемещении столицы кимаков из одного города в другой в южном направлении. «От него (г. Маншанах. — *Б. К.*), — сообщает ал-Идриси, — центр государства переместился в другой город, который является сейчас столицей. От столицы Хакана до Маншанаха 4 дня по суше в северном направлении, а вниз по реке (Гамаш. — *Б. К.*) меньше этого» [7, л. 68б].

В средневековых источниках отмечается, что только в мирные времена кимаки перекочевывали в земли огузов, а огузы — к кимакам. Следовательно, между ними были не только «мирные времена», но и «не мирные», т. е. войны. Однако эти войны носили спорадический характер и не были определяющими в общих дружественных отношениях между кимаками и огузами.

Каковы были отношения между кыргызами и кимаками, совершенно не известно, отмечал В. В. Бартольд [48, с. 493]. Основываясь на косвенных данных ал-Идриси, можно предположить, что кимакский хакан пред-

принимал набеги в страну кыргызов. «Все города страны кыргызов, — сообщает ал-Идриси, — расположены на территории, пространство которой измеряется 3 днями пути. Их четыре, большие, окруженные стенами и обитаемые трудолюбивыми храбрыми и мужественными народами, которые особенно должны опасаться предприимчивости царя кимаков, воинственного государя, который находится почти всегда в состоянии войны со своими соседями» [388, II, с. 501].

Кыргызские племена, жившие по соседству с кимаками, имели с ними много сходных черт в быту. Так, в «Худуд ал-алам» есть сведения о «кесим» — роде кыргызов. «Они (кесим) устанавливают свои войлочные юрты по склонам гор; добывают пушнину, мускус, рог хуту и тому подобное. Они являются племенем, отличающимся от кыргызов. Их язык ближе всего к карлукскому, а их одежда подобна одежде кимаков» [7, л. 176; 433, с. 97]. Племя кесим сопоставлено В. Ф. Минорским с киштимами [433, с. 286], обычно причислявшимся в источниках к кыргызам. Л. Р. Кызласов это племя идентифицирует с некоторой частью местных тюркоязычных племен Тувы, которые в IX—X вв. стали кыштымами хакасской знати, т. е. зависимыми от них скотоводами и охотниками [183, с. 123].

Об экспансии кимаков к северу от их страны можно судить лишь по археологическим данным. В бассейне Ишима обнаружен Пахомовский могильник, принадлежащий угорским племенам, но по вещам и обряду сходный с кимакскими захоронениями [102, с. 224—225]. Очевидно, здесь находится граница культурного влияния кимаков, а может быть, и политической гегемонии.

Движение кимакских племен к границам северных оседлых областей Саманидского государства, по всей вероятности, диктовалось потребностью в торговом обмене с ними.

В начале X в., когда стабилизировались рубежи кимакского государства (держава огузских ябгу на западе, государство токуз-гузов и карлуков на юге, кыргызское государство на востоке), военные набеги, вероятно, все больше сменялись мирным общением. Быть может, об этом свидетельствуют многочисленные пути к

кимакам, пролежавшие из государства Саманидов, огузов и кыргызов (см. выше).

Падение
кимакского
государства

Несмотря на сдерживающие тенденции, при централизованном характере власти, в IX—X вв. развитие кимакского общества приближалось к тому, что произошло с монголами, по замечанию Карла Маркса: «С течением времени оказалось множество князей; каждый из них владел значительной территорией, имел на своей службе наемные войска или состоял в союзе с воинственными номадами пустыни» [3, с. 169]. Внутренние противоречия, возникавшие между верховной властью и полузависимыми государями, приводили к ослаблению устоев кимакского государства. Социальные противоречия, вызываемые обогащением кимакской знати на одном полюсе и обеднением массы кочевников на другом, еще более усугубляли ослабление этой державы. По всей вероятности, кимакское государство, раздираемое внутренними противоречиями, пало под действием внешнего фактора — миграции кочевых племен Центральной Азии. Их переселение относится к первой половине XI в. [424, с. 55—57; 51, с. 395—396; 433, с. 285; 436, с. 98; 16, с. 156—158]¹³.

Основной причиной миграции племен И. Маркварт и В. В. Бартольд считают образование в Северном Китае в 916 г. государства Ляо, основанного кочевыми племенами киданями (или каракитаями) [424, с. 80; 51, с. 396; 433, с. 104]. Расширение земель этой державы на запад привело в дальнейшем к миграции кочевых племен.

Средневековые авторы сохранили некоторые сведения о военной экспансии киданей на запад. В 1010 г. уйгуры Ганьчжоу (совр. Ганьсу) подверглись нападению киданей [277, с. 167]. Вслед за тем киданьские войска вторглись в северо-западную часть Семиречья. По сведениям Абу-л-Фараджа, в 1014 г. в пределы страны «хуннов» вторглась большая орда кочевников из

---

¹³ С. П. Толстов переселение племен относит к V—VI вв., связывая его с аварским движением на запад [303, с. 103—104]. По мнению Ю. А. Зуева, эти события проецируются на IX в. [135, с. 131—134].

Чина (Китай). Правитель Бухары Ахмед ибн Али¹⁴ двинулся навстречу со своим войском и нанес им поражение [346, с. 282].

Согласно ал-Утби и Ибн ал-Асиру, в 1017—1018 гг. кидане были уже на расстоянии 8 дней пути от Баласагуна. Тогда караханидский хан Туган-хан¹⁵ выступил против них с большим войском и через три месяца преследования нанес киданям полное поражение [203, II, с. 220; 401, IX, с. 209].

В 1024 г. ко двору Махмуда Газневи прибыли послы от Кита-хана и Уйгур-хана, выразившие готовность признать Махмуда своим сюзереном и установить с ним дружественные отношения. Тем самым кидане хотели добиться поддержки Газневи в борьбе с Караханидами¹⁶.

Караханидам удалось задержать на несколько десятилетий движение киданей на запад. Однако расширение границ киданьской державы в XI в. привело к передвижению на запад кунов и каи, сыгравших определенную роль в падении кимакской державы.

Отзвуки грандиозной миграции племен отразились во многих средневековых источниках: арабо-персидских, русских, армянских, венгерских, византийских, сирийских. Из них следует отметить прежде всего сведения ал-Марвази и армянского историка Матфея Эдесского, сохранивших описание передвижений племен. Ал-Марвази об этом сообщает следующее: «Среди них (тюрков) есть группа людей, которые называются кун, они прибыли из земли Китай, боясь китайского хана. Они христиане несторианского толка¹⁷. Свои округа они

---

¹⁴ Монеты с именем Ахмада ибн Али доходят до 1016—1017 г. [59, с. 336].

¹⁵ По словам Утби, после смерти Илек-хана в 1012—1013 г. власть в государстве Караханидов перешла к его брату Туган-хану [203, с. 219; 401, IX, с. 169; 59, с. 336].

¹⁶ О Махмуде Газневи (997—1030) см.: 59, с. 332—342; 407, с. 427. О передвижении племен указывают также известия, заключенные в письме несторианского митрополита Самарканда своему католикосу в 1046 г., о выходе из гор «между Тибетом и Хотаном» и появлении у Кашгара какого-то многочисленного кочевого народа (700 000 всадников под начальством семи царей, из которых главный носил имя «Назрат») [51, с. 397].

¹⁷ Данные о кунах как христианах подтверждают предположение о том, что миграция племен могла иметь место только в XI в.

покинули из-за тесноты пастбищ. Из их (числа) Икинджи ибн Кочкар Хорезмшах¹⁸. Их (кунов) преследовал народ, который называется каи. Они многочисленнее и сильнее их. Они прогнали их с тех пастбищ. (Тогда) куны переселились на землю шаров, а шары переселились на землю туркменов. Туркмены переселились на восточные земли огузов, а огузы переселились на земли печенегов, поблизости от Армянского моря (Черного моря)» [435, с. 18; 324, с. 212; ср. 233, с. 99].

Из сведений ал-Марвази становится очевидным, что куны до вытеснения расселялись в Северном Китае. При перечне тюрков, обитающих в шестом климате, ал-Бируни племена каи и кун поместил на самом крайнем востоке: «Шестой климат, — пишет ал-Бируни, — начинается с обиталища восточных тюрков: каи, кунов, кыргызов, кимаков, токуз-гузов, страны туркмен, Фараба, страны хазар...» [491, с. 146; ср. 495, I, с. 33]. Обращает на себя внимание тот факт, что в «Каноне» (1035—1040 гг.) ал-Бируни каи и куны не упоминаются больше как крайние обитатели Дальнего Востока. Это, по мнению В. Ф. Минорского, указывает на начало передвижения племен на запад в 30-х годах XI века [435, с. 98 и след.]. Несомненно, что под кыргызами ал-Бируни имел в виду енисейскую ветвь, — следовательно, каи и куны первоначально расселялись к востоку от Енисея. В. Ф. Минорский полагает, что каи и куны обитали по соседству с оз. Байкал [435, с. 96]. Такое их расселение наводит на мысль, что первые толчки передвижений этих племен начинались на Дальнем Востоке.

К моменту образования государства Ляо куны уже размещались в Северном Китае, откуда они были вытеснены киданями. По пути движения кунов на запад на них напали каи. Не известно, откуда двинулись каи на кунов. В орхонских надписях не содержатся сведения о племени каи. Возможно, каи отражены в ки-

---

Насколько известно, первые сведения о распространении этой религии на Дальнем Востоке относятся к началу XI в. В 1009 г. христианство приняли керенты; возможно, куны входили в керентскую федерацию племен [435, с. 98].

¹⁸ Хорезмшах Икинчи ибн Кочкар, служивший султану Баркяруку ибн Меликшаху, был убит мятежными эмирами в 1097 г. [424, с. 48 и след., 201 и след.; 59, с. 387; 436, с. 99, 101].

тайских летописях [135, с. 129]. Во второй половине XI в., т. е. уже после миграции племен, Махмуд Кашгарский в перечне народов северной группы упоминает кай, которые помещаются на реке Ямар [220, I, с. 30; 221, лл. 22—23, 25]. Эту реку В. В. Бартольд, В. Ф. Минорский, К. Брокельман идентифицируют с Обью [60, с. 586; 433, с. 285; 365]. Трудно определенно сказать, находились ли кай на этой реке до миграции кунов. Если да, то в таком случае какая-то группа кай двинулась на кунов с Оби или же они переселились на Обь после миграции племен. Во всяком случае, под напором кай куны двинулись далее на запад и потеснили племя шары. Сейчас ни у кого не вызывает серьезных возражений, что шары и кыпчаков можно рассматривать как один и тот же народ. Названия команы, плавки, валаны, кинча, шары (сары), хардеш (этимология всех этих названий одна) переводятся как «желтые».

В. В. Бартольд помещал шары (сары) в Чуйской долине, там, где было расположено средневековое поселение Сарыг (IX—X вв.) [51, с. 395; 78, с. 21—22]. В. Ф. Минорский разделял сары на восточных и западных: восточная группа жила недалеко от оз. Эдзингол, а западная — в северо-восточной области Аральского моря и в районе р. Сарысу [433, с. 317; 435, с. 73, 100—101]. Однако вопрос о месте обитания западных сары, упоминаемых в связи с переселением кай и кунов, нельзя считать решенным. С. Г. Агаджанов, сопоставив рассказы ал-Марвази и Ауфи с данными ал-Бируни о расселении туркмен (последних потеснили сары), пришел к выводу, что сары жили далеко к востоку от среднего течения Сырдарьи [16, с. 157]. Согласно ал-Идриси, в оз. Гаган с западной стороны впадала р. Шария, на которой находился город Сараус [7, лл. 65а, 65б]. В этой области расселялись кимацкие племена. По нашему мнению, шары, упоминаемые у ал-Марвази, жили к западу от оз. Алаколь, в Северо-Восточном Семиречье.

Почти все движения с востока на запад проходили через Джунгарские ворота. По всей вероятности, куны, двигаясь этим же путем, вступив в область Семиречья, потеснили шары — племена, входившие в состав кимаков. Шары затем переселились на землю туркмен.

Термином «туркмен» в XI в. обозначались разные этнические группы: так называлась часть карлуков и

огузов [220, I, с. 80, 393], обитавших в Семиречье и присырдарьинских областях. О миграции народов в Семиречье в XI в. узнаем из рассказа Ибн ал-Асира о принятии ислама в 1043 г. тюркским народом в числе 10 000 шатров, жившим зимой около Баласагуна (где-то около г. Токмака. — *Б. К.*), летом — по соседству с волжскими булгарами [53, с. 290]¹⁹. Под давлением шары туркмены передвинулись на запад, видимо, к низовьям Сырдарьи и пограничным областям Хорезма и Хорасана [16, с. 158].

В предлагаемой выше интерпретации сведений средневековых авторов о передвижении племен остается неосвещенным место основных масс кыпчаков (сары), вытеснивших огузов в середине XI в. из бассейна Сырдарьи.

Нам представляется, что кроме движения племен, указанного ал-Марвази, через Семиречье имело место и другое направление. Так, Михаил Сирийец, приводит косвенные данные о движении трех групп тюрков по трем направлениям: на юг, в Индию; на север, в царство греков, где они «по названию страны» были названы команам и приняли христианство; на запад, в царство арабов, где они приняли ислам [425, с. 30 и след.]. В этом отношении любопытно сообщение Матфея Эдесского о том, что какой-то народ «отц» (змеи) разбил хардеш («желтых»). Преследуемые хардешами огузы и печенеги двинулись в пределы Византии [368, с. 89; 425, с. 54—55]. По-видимому, под именем «отц» подразумеваются кай, имевшие тамгу в виде змеи [135, с. 132]²⁰. В народе хардеш нетрудно усмотреть кыпчаков: их имя тождественно «сары», «шары», «половый».

По сведениям ал-Марвази, в передвижении племен принимали участие куны, кай, сары, туркмены, огузы, печенеги; что касается Матфея Эдесского, то он, в отличие от ал-Марвази, не называет ни туркмен, ни кун, и это не случайно. Мы не склонны рассматривать сведения Матфея Эдесского как краткую аналогию сведений ал-Марвази, но рассматриваем аутентичность

---

¹⁹ Народ, принявший ислам, согласно Ибн ал-Асирю, А. Х. Маргулан отождествляет с кыпчаками [212, с. 28].

²⁰ Интересно отметить, что огузское племя кайиг также имеет тамгу в виде змеи.

его сообщения как отзвук другого направления миграции.

В связи с нашим предположением уместно привести сведения Ауфи. «Среди них (тюрков), — пишет Ауфи, — имеется племя, называющееся киргиз, которое весьма многочисленно. Их обиталища находятся на Летнем Востоке. К северу от них расположены степи каи и кимаков, а к западу [земли] ягма и карлуков» [232, л. 470; 16, с. 156]. Сведения о смежной границе между каи и кимаками оставались вне поля зрения исследователей, так как в тексте Ауфи, изданном В. В. Бартольдом, не упоминаются каи.

На картах ал-Идриси (в «Сурат ал-ард», на картах ленинградского и софийского списков рукописи «Нузхат ал-муштак») крайний северный город кимаков называется Кани قانى, расположен он на реке, впадающей в Гамаш с западной стороны. Якут перечисляет тюркские народы, обитающие в шестом климате, в том же порядке, как ал-Бируни, но с одним лишь отличием: вместо названия племени кайи قاي у Якута написано кани قانى [495, II, с. 33]. И. Маркварт полагал, что кани является более ранней формой каи [424, с. 39]. Рассмотрение термина каи как фонетической разновидности имени кайи вполне приемлемо²¹. Приводимая Якутом транслитерация племени кани قانى полностью совпадает с названием кимакского города Кани قانى по ал-Идриси. Данное совпадение с учетом сведений Ауфи о соседстве каи с кимаками наводит на мысль, что в названии кимакского города Кани можно усмотреть этноним каи. Кани (Каи) мог быть городом племени каи, так же как столица кимаков, согласно «Худуд ал-алам», называлась Имакия [433, с. 310; 413, с. 52; 470, с. 809], или же Кимакия, по данным Ибн Саида и Ибн ал-Варди [139, л. 32; 135, л. 64а], т. е. в названии главного города отражался собственный этноним. А так как г. Кани принадлежал кимакам, то можно предположить, что какая-то группа племени каи со своим городом находилась в зависимости от кимаков.

²¹ Устная консультация А. Н. Кононова.

У Иакута в I томе «Муджам» в разделе «Туркестан» о кимаках имеются сведения, которые начинаются неясным и неопределенным сообщением о них:

من ملوك الترك كيماك دون الفين — «Из царей тюрков [царь] кимаков без двух тысяч» [495, с. 839]. Вслед за этим приводится трафаретное сообщение о кимаках как кочевниках. Вышеприведенный отрывок в таком виде не поддается интерпретации, а потому в научный оборот еще не введен. Предлагаем конъектуру: вместо الفين читать القبي — ал-кайн. Тогда текст следует переводить: «Из царей тюрков [царь] кимаков без [племени] кай».

Если предложенная нами конъектура приемлема, то данные Иакута с учетом сведений Ауфи и ал-Идриси могут быть интерпретированы следующим образом: во-первых, подтверждаются сведения Ауфи и ал-Идриси о смежности границ между кимаками и кай; во-вторых, подтверждается предположение о зависимости кай от кимаков; в-третьих, сообщение об отделении кай от кимаков можно понять вместе с данными Матфея Эдесского как отзвук миграции племен; в-четвертых, прослеживаются два направления движения племен: южное, отраженное у ал-Марвази, и северное, упомянутое Матфеем Эдесским.

Рассмотренные сведения позволяют воссоздать следующую картину: племена кай и куны, потеснив группу кимакских племен (среди которых, несомненно, были и кыпчаки) в Северо-Восточном Семиречье, нанесли удар кимакской державе, разъедаемой изнутри удельно-племенными раздорами и социальными противоречиями. В результате ослабления государства кимаков племена кай вышли из-под вассальной зависимости кимакского хакана и также двинулись в западном направлении от Среднего Прииртышья. Тем самым кай привели в движение кыпчаков — западную ветвь кимаков. Кыпчаки двинулись на огузов в бассейне Сырдарьи, Западном Приаралье и Северном Прикаспии и вынудили их бежать в южнорусские и причерноморские степи.

После захвата огузских земель кыпчакские ханы значительно усилились и сделались первенствующими по силе и мощи на территории расселения кимако-кыпчакских племен. Сами кимаки в ходе этих событий не

только потеряли политическую гегемонию, но и оказались в зависимости от кыпчаков. Одна часть кимаков удержалась на своей древней земле — Иртыше, а другая в составе кыпчакских племен двинулась на запад, в южнорусские степи. Последующая история кимаков — предмет дальнейших исследований, которые выходят за рамки нашей темы.

Таким образом, ослабленное внутренними противоречиями государство кимаков пало под ударами центральноазиатских племен. Их наследниками на западе стали кыпчаки, находившиеся до того в той или иной степени в политической зависимости от кимаков. Разгром кыпчакского племенного союза монголами окончательно прервал линию этнического и политического развития кимако-кыпчакских племен в рамках их собственных государственных образований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Этническая, социальная и политическая история Казахстана IX—XI вв. отражена в источниках, как это видно, с далеко не достаточной полнотой. Однако рассмотрение всех известных фактов в их совокупности, в «их целом, в их связи» [2, с. 266] позволило все же отметить некоторые генеральные тенденции и выделить получившие известное завершение процессы. К их числу следует отнести прежде всего сложение в ходе завоеваний и миграций этнической территории кимако-кыпчакского племенного союза. Вместе с тем этот же процесс усилил тенденции к социальному расслоению общества, что относится к общеисторическим закономерностям [5, с. 21—22].

Столь же неизбежен и другой общеисторический процесс — становление полуседлого и оседлого хозяйства, сосуществующего с кочевым [4, с. 73]. В условиях, когда формирующееся классовое общество приобретает достаточно сложную и чреватую социальными потрясениями структуру, там неизбежно начинается сложение государственной организации [1, с. 5—8]. Путь, при котором «органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, во фратрии, в племени, а весь родовой строй превращается в свою противоположность» [6, с. 150], был пройден кимакскими племенами до конца.

Арабские и связанные с ними другие источники позволяют хотя бы в общих чертах, в основных проявлениях реконструировать один из важнейших этапов

сложения того тюркоязычного населения на территории Казахстана, которое уверенно можно отнести к числу непосредственных предков казахского народа; реконструировать наряду с этим сложение оседлой и городской культуры, сложение собственной государственной организации. Все эти процессы не были полностью ликвидированы тяжелыми событиями XIII века, а лишь приглушены и проявились вновь в период формирования казахского народа и государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

1. Ленин В. И. Государство и революция.—Полн. собр. соч., т. 33.
2. Ленин В. И. Статистика и социология.—Полн. собр. соч., т. 38.
3. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VI.
4. Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные сочинения. М., Госполитиздат, 1953.
5. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ВДН. 1940, № 1.
6. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. —К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 21.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

7. Абу Абдаллах Мухаммад ибн Мухаммад аш-Шариф ал-Идриси. Нузхат ал-муштак фи-ихтирак ал-афак. Рукопись ГПБ. Ар. Н. С. 176.
8. Абу Абдаллах Мухаммад ибн Мухаммад аш-Шариф ал-Идриси. Книга Руджар. Фотокопия рукописи б-ки им. В. Коларова. София (Болгария).
9. Абу Рейхан Бируни (973—1048). Избранные произведения. Т. I. Памятники минувших поколений. Пер. М. А. Салье. Ташкент, 1957.
10. Абу Рейхан Бируни (973—1048). Избранные произведения. Т. III. Геодезия. Пер. П. Г. Булгакова. Ташкент, 1966.
11. Абу Рейхан Мухаммад ибн Ахмад ал-Бируни. Книга тахдид нихай-ат ал-амакин ли тасхих масафат ал-масакин. Казир, 1962.
12. Абу Рейхан Мухаммад ибн Ахмад ал-Бируни. Книга ал-джемахир фи марифат ал-джавахир. Изд. Ф. Кренкова. Хайде-рабад, 1937.
13. Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмад ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей. (Минералогия). Пер. А. М. Беленицкого. М.—Л., 1963.
14. Агаджанов С. Г. Новые известия о средневековых тюрках. ИАН ТССР, серия обществ. наук, 1965, № 5.
15. Агаджанов С. Г. Основные проблемы истории огузских племен Средней Азии. ФИТН. Л., 1967.

16. *Агаджанов С. Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969.
17. *Агеева Е. И., Пацевич Г. И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. ТИИАЭ АН КазССР, т. 5, 1958.
18. *Агеева Е. И., Максимова А. Г.* Отчет Павлодарской экспедиции 1955 г. ТИИАЭ АН КазССР, т. 7, 1959.
19. *Акишев К. А.* Исследования в Казахстане. В сб. «Археологические открытия 1966 г.». М., 1967.
20. *Акишев К. А.* Археология в Казахстане за советский период. СА, 1967, № 4.
21. *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введение, текст и комментарий. Т. 1, XIII—XVII вв. Иркутск, 1932.
22. *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. ЖС, 1896, вып. 3—4.
23. *Арсланова Ф. Х.* Археологические памятники Среднего Прииртышья. Автореферат. Алма-Ата, 1964.
24. *Арсланова Ф. Х.* Бобровский могильник. ИАН КазССР, серия ист., археол. и этн., 1963, вып. 4.
25. *Арсланова Ф. Х.* Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969.
26. *Арсланова Ф. Х.* Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.). В сб.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968.
27. *Аргамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.
28. Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960.
29. *Ахинжанов С. М.* Древние караванные пути кимаков. Материалы Первой научной конференции молодых ученых АН КазССР. Алма-Ата, 1968.
30. *Ахинжанов С. М.* Кипчаки и Хорезм в канун монгольского нашествия. ВАН КазССР, 1970, № 1.
31. *Ахмад ибн ал-Манини.* Ал-фатх ал-вахби ала тарих Абу Наср ал-Утби. Каир, 1268 г. х.
32. *Ахмад Суа.* Ал-Ирак фи-л-хаварит ал-кадима. Багдад, 1959.
33. *Ахмад Туси.* Аджаиб ал-махлукат ва гараиб ал-мауджудат. Тегеран, 1968.
34. *Байпаков К. М.* Раннесредневековые города и поселения Семиречья. ИАН КазССР, 1965, № 6.
35. *Байпаков К. М.* Раннесредневековые города и поселения северо-восточного Семиречья. В сб.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968.
36. *Барминцев Ю. А.* Эволюция конских пород в Казахстане. Алма-Ата, 1958.
37. *Бартольд В. В.* Ахсикет. — В. В. Бартольд. Сочинения, т. III. М., 1965.
38. *Бартольд В. В.* Баласагун. — В. В. Бартольд. Сочинения, т. III. М., 1965.
39. *Бартольд В. В.* Гузз. — В. В. Бартольд. Сочинения, т. V. М., 1968.
40. *Бартольд В. В.* Двенадцать лекций. — В. В. Бартольд. Сочинения, т. V. М., 1968.

41. Бартольд В. В. Иран. Исторический обзор. Ташкент, 1926.
42. Бартольд В. В. Историко-географический обзор Средней Азии. Лекции. 1898—1899. ЦГА ЛО АН СССР, ф. 68, опись 1, № 1.
43. Бартольд В. В. История изучения востока в Европе и России. Изд. 2-е. Л., 1925.
44. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. — В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. 1.
45. Бартольд В. В. История Туркестана. — В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. 2. М.—Л., 1964.
46. Бартольд В. В. Карлуки. — В. В. Бартольд. Сочинения, т. V. М., 1968.
47. Бартольд В. В. Кимаки. — В. В. Бартольд. Сочинения, т. V. М., 1968.
48. Бартольд В. В. Киргизы. — В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. II. М., 1964.
49. Бартольд В. В. Кыпчаки. — В. В. Бартольд. Сочинения, т. V. М., 1968.
50. Бартольд В. В. Мусульманский мир. — В. В. Бартольд. Сочинения, т. VI. М., 1966.
51. Бартольд В. В. Новый труд о половцах: W. Bang, I. Marguart. Osttürkische Dialektstudien. Berlin, 1914.—В. В. Бартольд. Сочинения, т. V. М., 1968.
52. Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг. СПб., 1897 (ЗИАН СИФ, сер. VIII, т. 1, № 4).
53. Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане.—В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. 2. М., 1964.
54. Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья.—В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. 1. М., 1963.
55. Бартольд В. В. Очерки истории туркменского народа.—В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. 1. М., 1963.
56. Бартольд В. В. Памяти В. В. Радлова. 1837—1918. ИРГО, т. IV, вып. I. Пр., 1919.
57. Бартольд В. В. Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монголов. ИОАИЭК, т. XXXIV, 1929.
58. Бартольд В. В. [Рец. на кн.:] Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности (1897). — В. В. Бартольд. Сочинения, т. V. М., 1968.
59. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — В. В. Бартольд. Сочинения, т. I. М., 1963.
60. Бартольд В. В. Тюрки.—В. В. Бартольд. Сочинения, т. V. М., 1968.
61. Бартольд В. В. Худуд ал-алам. Рукопись Туманского, с введением и указателем. Л., 1930.
62. Баскаков Н. А. Тюркские языки. М., 1960.
63. Беленицкий А. М. Краткий очерк жизни и трудов Бируни. В кн.: Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей. (Минералогия). Пер. А. М. Беленицкого. М.—Л., 1963.
64. Беллев В. В. Арабские источники по истории туркмен и Туркмении IX—XIII вв. МИТТ, т. 1, 1939.
65. Беллев В. В. Географический труд ал-Идриси. Труды ГПБ, т. 1. Л., 1957.

66. *Берг Л. С.* Аральское море. Опыт физико-географической монографии. СПб., 1908.

67. *Березин И. Н.* Собрание летописей. История монголов, сочинение Рашид-Эддина. Введение. О турецких и монгольских племенах. Персидский текст с предисловием и примечаниями. СПб., 1861. (ТВОРАО, ч. VII).

68. *Бернштам А. Н.* Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.

69. *Бернштам А. Н.* Археологические работы в Казахстане и Киргизии. ВДИ, 1939, № 4.

70. *Бернштам А. Н.* Древний Отрар. ИАН КазССР, серия археол., 1951, вып. 3.

71. *Бернштам А. Н.* Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии. СЭ, 1947, вып. VI—VII.

72. *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Памиро-Алая и Центрального Тянь-Шаня. МИА, № 26, 1952.

73. *Бернштам А. Н.* К исторической топографии Чуйской долины. ВДИ, 1940.

74. *Бернштам А. Н.* Новые эпиграфические находки из Семиречья. ЭВ, 1948, вып. II.

75. *Бернштам А. Н.* Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. СА, 1949, т. IX.

76. *Бернштам А. Н.* Памятники старины Алма-Атинской области. ИАН КазССР, серия археол., 1948, вып. 1.

77. *Бернштам А. Н.* Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941.

78. *Бернштам А. Н.* Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина. МИА, № 14, 1950.

79. *Бертельс Е. Э.* История персидско-таджикской литературы. Избранные труды, т. I. М., 1960.

80. *Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I—III. М., 1950.

81. *Брегель Ю. Э.* Предисловие в кн.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. 2. М., 1964.

82. *Булгаков П. Г.* К биографии Бируни. ИАА, 1966, № 4.

83. *Булгаков П. Г.* «Книга путей и государств» Ибн Хордадбега. (К изучению и дешифровке редакций). ПС, вып. 3(66), 1958.

84. *Булгаков П. Г.* и *Халидов А. Б.* Вторая записка Абу Дулафа. Изд. текста, перевод, введение и комментарий. М., 1960.

85. *Булгаков П. Г.* Сведения арабских географов IX—начала X в. о маршрутах и городах Средней Азии. Автореферат. Л., 1954.

86. *Валидов А. З.* Мешхедская рукопись Ибн ал-Факиха. ИРАН, 1924.

87. *Валиханов Ч. Ч.* Сочинение. СПб., 1904. (ЗИРГО по отд. этнографии).

88. *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений. В 5 т. Т. I. Отв. ред. А. Х. Маргулан. Алма-Ата, 1961.

89. *Васиф-шах.* Аджайб ад-дунийа. Рукопись ИВ АН СССР, В-613.

90. *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследования о каспимовских царях и царевичах, ч. II. СПб., 1886.

91. *Веселовский Н. И.* Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816—1881. СПб., 1887.

92. *Веселовский Н. И.* Посольство к эюгерскому хун-тайчики Цэван Рабтану И. Унковского 1722—1724 гг. ИРГО по отд. этнографии. 1887, т. X, вып. 2.

93. «Византийские историки». Пер. С. Дестуниса. СПб., 1860.

94. *Вильгельм де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. СПб., 1911.

95. *Винников Я. Р.* Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии. ТХАЭЭ, т. 1. М., 1956.

96. *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

97. *Войтояич А. К., Розин А. А.* Поиски и разведки россыпных месторождений золота. М.—Л., 1941.

98. *Воллин С. Л.* Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине реки Галас и смежных районах. ТИИАЭ АН КазССР, 1960.

99. *Востров В. В.* К истории развития оседлого жилища у казахов. ТИЭ, т. XVIII, 1961.

100. *Востров В. В., Муканов М. С.* Родоплеменной состав и расселение казахов. Алма-Ата, 1968.

100 а. Всемирная история, т. III. М., 1957.

101. *Георги И.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. I. СПб., 1799.

102. *Генинг В. Ф., Коричова Л. Н., Овчинникова В. Б., Федорова Н. Ф.* Памятники железного века в Омском Прииртышье. В сб.: «Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири». Томск, 1970.

103. *Герн Вл.* Из записной книжки. Памятная книжка Семипалатинской области, 1899.

104. *Гинзбург В. В.* Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным. ТИЭ, т. 33, 1956.

105. *Гинзбург В. В.* Краниологические материалы из Северного Казахстана и вопрос о происхождении ранних тюркских кочевников. КСИЭ, 26, 1962. (Доклад на VI Международном конгрессе антропологов и этнографов). Париж, 1960.

106. *Гинзбург В. В.* Материалы к антропологии древнего населения Северного Казахстана. МАЭ, т. 21, 1963.

107. *Гинзбург В. В.* Материалы к антропологии древнего населения юго-восточного Казахстана. ТИИАЭ АН КазССР, т. 7, 1959.

108. *Глухов А. И.* Зимние жилища актюбинских и адаевских казахов. Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик, вып. II. Л., 1927.

109. *Голубев А.* Ала-куль. ЗИРГО, т. 1, 1867.

110. *Гордлевский В. А.* Государство сельджукидов Малой Азии. М.—Л., 1950.

111. *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950.

112. *Григорьев В. В.* Землеведение К. Риттера. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Восточный, или Китайский, Туркестан. Перевел с присовокуп-

лением критических замечаний последних тридцати лет. В вып. II, Дополнения, Отдел 2 — историко-географический. СПб., 1873.

113. *Григорьев В. В.* Караханиды в Мавераннахре. По Тарихи Мунаджжимбеши в османском тексте, с переводом и примечаниями. ТВОРАО, ч. XVII, 1874.

114. *Григорьев В. В.* Об арабском путешественнике X в. Абу-Долефе и странствовании его по Средней Азии. СПб., 1872.

115. *Григорьев В. В.* Об отношении между кочевыми народами и оседлыми государствами. ЖМНП, 1875, № 3.

116. *Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край, т. II. Л., 1926.

117. *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., 1967.

118. *Гумилев Л. Н.* Хазария и Каспий. Ландшафт и этнос. ВЛГУ, 1964, № 6.

119. *Дебец Г. Ф.* Основные итоги палеоантропологических исследований в СССР. (Доклады советской делегации на V Международном конгрессе антропологов и этнографов). М., 1956.

120. *Демидчик В. П.* Описание Волги в «Книге изображения земли» арабского географа X в. Абу-л-Касима ибн Хаукаля. Изв. ООН АП ТаджССР, 1962, № 2.

121. *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

122. Древнетюркский словарь. Л., 1969.

123. *Дыренкова Н. П.* Культ огня у алтайцев и телеутов. Сб. МАЭ, т. VI, 1927.

124. *Жданко Т. А.* Проблемы полуседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана. СЭ, 1961, № 2.

125. *Жданко Т. А.* Очерки исторической этнографии каракалпаков. ТИЭ, т. IX. М.—Л., 1950.

126. *Жузе П. К.* Диван лугат турк. Изв. востфака АзГУ. т. I—II, 1926—1927.

127. *Закария ал-Казвини.* Асар ал-билад ва албар ал-бад. Рукопись ИВ АН СССР, Д-174.

128. *Закария ал-Казвини.* Аджаиб ал-махлукат. Рукопись ИВ АН СССР, Д-370.

129. *Заходер В. Н.* Каспийский свод известий о Восточной Европе, т. II. М., 1967.

130. *Зиманов С. З.* Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата, 1958.

131. *Зуев Ю. А.* Из древнетюркской этновимики по китайским источникам. Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. ТИИАЭ АН КазССР, т. 15, 1962.

132. *Зуев Ю. А.* Киргизская надпись из Сузбе. СВ № 3, 1958.

133. *Зуев Ю. А.* Китайские известия о Сузбе. ИАН КазССР, серия ист., археол. и этн., 1960, вып. 3 (14).

134. *Зуев Ю. А.* К семантике этнонима «тюрк». ИАН ТССР, серия обществ. наук, 1968, № 4.

135. *Зуев Ю. А.* «Тамги лошадей из вассальных княжеств». (Перевод из китайского сочинения VIII—X вв. Танхуйяо, т. III, 72). ТИИАЭ АН КазССР, т. 8, 1960.

136. *Ибн ал-Варди.* Харидат ал-аджаиб ва фаридат ал-гараиб. Рукопись ГПБ, № 114 (по каталогу Б. Дорна).

137. *Ибн ал-Факих*. Книга ахбар ал-булдан. Фотокопия менхедской рукописи ИВ АН СССР, ФВ-202.
138. *Ибн Ййас*. Нашк ал-азхар фи гарриб ал-актар. Рукопись ИВ АН СССР, В-1033.
139. *Ибн Саид ал-Магриби*. Джуграфия. Рукопись ИВ АН СССР, С-591.
140. *Ибн Халдун*. Муккадима. Каир, 1904.
141. *Ибрагимов С. К., Храковский В. С. М.* Кашгарский о расселении племен на территории Казахстана в X веке. ВАН КазССР, 1958, № 11.
142. *Ибрагимов С. К., Храковский В. С.* Материалы по истории образования казахского языка. ИАН КазССР, серия ист., археол. и этн., 1952, № 2.
143. *Исмагулов О.* Антропологические данные о тюрках Прииртышья В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969.
144. *Исмагулов О.* Антропологическая характеристика современных казахов по данным краниологии. Труды Ин-та этнографии АН СССР, Антропология, сб. IV, т. 82, 1963.
145. *Исмагулов О.* Антропологическая характеристика усуней Семиречья. ТИИАЭ АН КазССР, т. 16, 1962.
146. *Исмагулов О.* Краниологические материалы к антропологии ранних кочевников среднего Прииртышья. ИАН КазССР, 1967, № 3.
147. История Киргизской ССР. Т. I. Фрунзе, 1968.
148. История Монгольской Народной Республики. М., 1967.
- 148а. История народов СССР, т. I. М., 1966.
149. История Татарской АССР. (С древнейших времен до наших дней). Казань, 1968.
150. *Кадырбаев М. К.* Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. ТИИАЭ АН КазССР, т. II, 1959.
151. Казахстан. Общая физико-географическая характеристика. М.—Л., 1950.
152. Казахстан. М., 1969.
153. *Караев О.* Арабские и персидские источники IX—XII вв. о киргизах и Киргизии. Фрунзе, 1968.
154. *Карра де Во.* Арабские географы. Пер. с франц. О. Крауш, под ред. И. Ю. Крачковского. Л., 1911.
155. *Карамзин Н. М.* История государства Российского, т. II, изд. 4-е. СПб., 1833.
156. *Карпов Г. И.* Туркмены-огузы. ИТФ АН СССР, 1945, № 1.
157. *Кастльне И. А.* Древности киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1910.
158. *Катанаев Г.* Еще о Ермаке. ЗЗСОРГО, кн. XV, вып. 2.
159. *Катанаев Г. Е.* Киргизские степи. Средняя Азия и Северный Китай в XVII—XVIII столетиях. ЗЗСОРГО, кн. XIV, вып. 1, 1893.
160. *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
161. *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники. М., 1964.
162. *Кляшторный С. Г.* Историко-культурное значение Суджинской надписи. ПВ, 1959, № 5.

163. *Кляшторный С. Г.* Предисловие. В кн.: *В. В. Бартольд.* Сочинения, т. V. М., 1968.

164. Книга Большому чертежу. Подготовка к печ. и ред. К. Н. Сербиной. М., Изд-во АН СССР, 1950.

165. Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. Пер. В. В. Бартольда. Издание подготовили В. М. Жирмунский, А. Н. Ксенонов. М.—Л., 1962.

166. *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу. Харьков, 1956.

167. *Козьмин Н. Н.* К вопросу о турецко-монгольском феодализме. Москва—Иркутск, 1934.

168. *Кожемако П. Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959.

169. *Коледаров П. С.* Най-ранни споменования на Българите върху старинните карти. Известия на Института за история, Българска Академия на науките, 1968, т. 20.

170. *Кононов А. Н. М.* Кашгарский и его «Словарь тюркских языков». Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Тезисы докладов. Л., изд. ЛГУ, 1965.

171. *Кононов А. Н.* Родословная туркмен. Сочинения Абу-л-Гази, хана хивинского. М.—Л., 1958.

172. *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература. Избранные сочинения. Т. IV. М.—Л., 1957.

173. *Крачковский И. Ю.* Бируни и его роль в истории восточной географии. В кн.: «Бируни». Сборник статей. Академия наук СССР, Отделение истории и философии. М. — Л., 1950.

174. *Крачковский И. Ю.* О подготовке свода арабских источников для истории Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии. ЗИВ АН СССР, т. I, 1932.

175. *Крачковская В. А.* Хроника и библиография. ПВ, XIX 1969.

176. *Кроль Ю. Л.* Сыма Цзянь — историк. М., 1970.

177. *Крымский А.* История Персии, ее литературы и дервишской теософии. Новое издание, переработанное совместно с К. Фрейтагом. Труды по востоковедению, изданные Лазаревским институтом восточных языков, XVI, № 1. М., 1909.

178. *Кузеев Р. Г., Шитова С. Н.* Башкиры. Историко-этнографический очерк. Уфа, 1963.

179. *Куник А., Розен В.* Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах, ч. I. СПб., 1878. (Приложение в XXXVI т. ЗИАН, № 2).

180. *Курдин Р. Д.* Ветровое волнение на Алакольских озерах. В кн.: «Алакольская впадина и ее озера». Алма-Ата, 1965.

181. *Курдюков К. В.* О колебаниях уровня озера Ала-куль. Вопросы географии, сб. 24. М., 1951.

182. *Кушаев Г. В.* Памятники культуры Алакольской впадины и долины р. Лепсы. Рук. фонд отдела археологии ИИАЭ АН КазССР.

183. *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., изд. МГУ, 1969.

184. *Кызласов Л. Р.* О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв. УЗ ХНИИЯЛИ, 1960, вып. VIII.

185. *Кызласов Л. Р.* Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана. ИАН КазССР, серия археол., 1951, вып. 3, № 108.
186. *Кызласов Л. Р.* Работа Чуйского археологического отряда в 1953—1954 гг. КСИЭ АН СССР, вып. XXVI, 1957.
187. *Кызласов Л. Р.* Таштыкская эпоха в истории казахско-минусинской котловины. М., изд. МГУ, 1960.
188. *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1968.
189. *Кычанов Е. И.* Сведения «Юань-Ши» о переселении киргизов в XIII в. ИАН КирССР, серия обществ. наук, 1963, т. 5, вып. 1.
190. *Кюнер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири и Дальнего Востока. М., 1961.
191. *Леваневский М. А.* Очерк киргизских степей. Земледелие. Кн. IV. М., 1895.
192. *Левшин А.* Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казачьих орд и степей. Т. I—III. СПб., 1832.
193. *Лерх П.* Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. СПб., 1870.
194. *Летопись по Лаврентьевскому списку.* Изд. Археологической комиссии. СПб., 1872.
195. *Линь Кюни и Мункуев Н. Ц.* Краткие сведения о горных татарах Пэн Да-я и Сюй Тина. ПВ, 1960, № 5.
196. *Мажигов П. А.* Новые материалы о ранней истории башкир. В сб.: «Археология и этнография Башкирии». Уфа, 1964.
197. *Макшеев А. И.* Географические сведения «Книги: Большого чертежа» о киргизских степях и туркменском крае. ЗГО по отделению этнографии, 1880, VI.
198. *Макшеев А. И.* Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 г., по общей географии, т. XI, 1888.
199. *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
200. *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959.
201. *Малов С. Е.* Шаманский камень «яда» у тюрков Западного Китая. СЭ, 1947, № 1.
202. *Мандельштам А. М.* Характеристика тюрков IX в. в «Послании Фатху б. Хакану» ал-Джахиза. ТИИАЭ АН КазССР, т. 1, Археология, 1956.
203. *Ал-Манини.* Шарх ал-йамини ал-мусамма би-л-фатх ал-вахби ала тарих Абу Наср ал-Утби. II. Каир, 1869.
204. *Маргулан А. Х.* Археологические разведки в бассейне р. Сары-Су. ВАН КазССР, 1947, № 7.
205. *Маргулан А. Х.* Архитектурные памятники района рек Кенгир и Сары-су. КСИИМК, вып. XXVIII, 1949.
206. *Маргулан А. Х.* Древние караванные пути через пустыню Бетпак-Дала. ВАН КазССР, 1949, № 1/46.
207. *Маргулан А. Х.* Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950.
208. *Маргулан А. Х.* Казахская юрта и ее убранство. М., 1964.

209. *Маргулан А. Х.* К изучению памятников района Сары-Су и Улугау. ВАН КазССР, 1948, № 2.

210. *Маргулан А. Х.* Некоторые итоги и перспективы археологического изучения Казахстана. ИАН КазССР, серия археол., 1948, № 46.

211. *Маргулан А. Х.* О характере и исторической обусловленности казахского эпоса. ИАН КазССР, серия ист., 1946, № 2.

212. *Маргулан А. Х.* Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции. ИАН КазССР, 1947, № 6.

213. *Маргулан А. Х.* Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане. ИАН КазССР, серия археол., 1951, вып. 3.

214. *Марков Г. Е.* Очерки истории формирования северных туркмен. М., изд. МГУ, 1961.

215. *Массон Е. М.* Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении. Труды САГУ, вып. 81, 1965.

216. *Матвеев В. В.* и *Куббель Л. Е.* Арабские источники VIII—X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары. М.—Л., 1960.

217. *Матвеев В. В.* и *Куббель Л. Е.* Арабские источники X—XII веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары. М.—Л., 1961.

218. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М.—Л., 1939.

219. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, вып. 3. Л., 1932.

220. *Махмуд ибн Хусейн ал-Кашгари.* Диван лугат ат-турк. Изд. К. Рифата. Т. I—III. Стамбул, 1915—1917.

221. *Махмуд Кашгари.* Диван лугат ат-турк. Факсимиле. Анкара, 1941.

222. *Мелиоранский П. М.* Араб-филолог о турецком языке. Пб., 1900.

223. *Мелиоранский П. М.* Заимствованные восточные слова в памятниках русской письменности домонгольского времени. «Изв. отд. русск. яз. и слов. ИАН», т. X, кн. 4, 1905.

224. *Мелиоранский П. М.* Памятник в честь Кюль-тегина. ЗБОРАО, т. XII, 1899.

225. *Мец А.* Мусульманский ренессанс. М., 1967.

226. *Миклухо-Маклай Н. Д.* Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения. М.—Л., 1955.

227. *Михайлова А. И.* Каталог арабских рукописей Института народов Азии. Вып. 2. М., 1961.

228. *Михайлова А. И.* Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в. ЭВ, 1951, V.

229. «Муджмал ат-таварих ва-л-кисас». В кн.: *В. В. Бартольд.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. В 2-х ч. Ч. I, Тексты. СПб., 1898.

230. *Мунис Х.* Ал-джуграфия в-ал-джуграфия фи исба-нийа. Мадрид, 1967.

231. *Мурзаев Э. М.* Этюды по топонимике Средней и Центральной Азии. Вопросы географии, сб. VIII, 1948.

232. *Мухаммад Ауфи.* Джавами ал-хикаят ва лавами ар-ри-вайат. Рукопись ГПБ, ПНС-232.

233. *Мухаммад Ауфи*. Джавами ал-хикайат ва лавахи ар-ривайат. В кн.: *В. В. Бартольд*. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. ч. I, Тексты. СПб., 1898.

234. *Мухаммед ибн Наджиб Бакран*. Джахан-наме. Изд. текста, введение и указатели Ю. Е. Борщевского. М., 1960. (ПЛНВ, Тексты, Большая серия, X).

235. *Низами*. Искандер-наме. Баку, 1940.

236. Народы Средней Азии и Казахстана. Под ред. С. П. Толстова. М., т. I, 1962; т. II, 1963.

237. *Обручев В. А.* Пограничная Джунгария, т. I. Л., 1932.

238. Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956.

239. *Паллас П. С.* Путешествие по разным местам Российского государства, т. 2, ч. 2. СПб., 1786.

240. *Пальгов Н. Н.* Природа Казахстана в очерках и картинах. Алма-Ата, 1950.

241. *Пальгов Н. Н.* Реки Казахстана. Алма-Ата, 1959.

242. *Пантусов Н.* Как далеко простирались сведения арабских географов в глубь Средней Азии? ИОАИЭК, 1909, т. XXV, вып. 5.

243. *Петров К. И.* Очерк происхождения киргизского народа. Фрунзе, 1963.

244. *Петров К. И.* К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношения с ойратами в XIII—XV вв. Фрунзе, 1961.

245. *Петровский П. Ф.* Башня «Бурана». ЗВОРАО, 1894, т. VIII.

246. *Петровский П. Ф.* Древнейшие арабские дорожники по среднеазиатским местностям, входящим в настоящее время в состав русских владений. Ташкент, 1894.

247. *Петровский П. Ф.* Еще заметка к статье В. Бартольда «О христианстве в Туркестане в домонгольский период». ЗВОРАО, 1894, т. VIII.

248. *Петровский П. Ф.* К статье «О христианстве в Туркестане». ЗВОРАО, 1894, т. VIII.

249. *Петрушевский И. П.* Академик В. В. Бартольд. (Биографическая справка). В кн.: *В. В. Бартольд*. Сочинения, т. I.

250. *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, № 62, 1958. (ТВДАЭ, т. I).

251. *Плотников В. В.* в горах Тарбагатай. «Природа и охота», 1905, № 1.

252. Повесть временных лет, т. I—II. М.—Л., 1950.

253. *Поляк А. Н.* Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе. В кн.: «Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы». М., 1964.

254. *Пономарев А.* Куман-половцы. ВДИ, 1940, № 3—4.

255. *Потанин Г. И.* Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и до границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. ЗИРГО по отд. этнографии, 1882, т. X, вып. 1.

256. *Потапов Л. П.* Культ гор на Алтае. СЭ, 1946, № 2.

257. *Потапов Л. П.* Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни. МАЭ, т. XII, 1948.

258. *Потапов Л. П.* Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953.

259. *Потанов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969.
260. *Предтечный И. П.* Климат исторического прервлого. «Природа», 1946, № 6.
261. Путешествия в восточные страны Плаио Карпини и Вильгельма Рубрука. М., 1957.
262. *Радлов В. В.* К вопросу об уйгурах. ЗИАН, т. XXII (Приложение), № 2. СПб., 1893.
263. *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий, II. СПб., 1899.
264. *Радлов В. В.* «Сибирские древности», 1888, т. I, вып. I.
265. *Рамстедт Г.* Перевод надписи Селенгинского камня. ТТКО, ИРГО, т. XV, 1912, вып. 1.
266. *Расовский Д. А.* Половцы. SK, VIII. Praha, 1936.
267. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. В 3-х т. М.—Л., 1946—1960.
268. *Ромаскевич А. А.* Персидские источники по истории туркмен и Туркмении X—XV вв. МИТТ, т. I. 1939.
269. *Розен В. Р.* Новооткрытая рукопись Ибн Хордадбега. ЗВОРАО, т. 1, 1886.
270. *Розен В. Р.* Рецензия на издание де Гье труда Ибн эл-Факиха. ЗВОРАО, вып. 1, 1887.
271. *Ромодин В. А.* Предисловие. В кн.: *В. В. Бартольд.* Сочинения, т. II, ч. I.
272. *Руденко С. И.* Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955.
273. *Руденко С. И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и кочевниках. ГО СССР. Материалы по этнографии. вып. I, 1961.
274. *Руденко С. И.* Очерк быта северо-восточных казаков. Сб. «Казакки», III. МКЭС, вып. 15. Л., 1930.
275. *Руденко С. И.* Сибирские коллекции Петра I. М.—Л., 1962.
276. *Руденко С. И.* Очерк быта казахов бассейна рек Уила и Сагыза. — Сб. «Казакки», III. МКЭС, вып. 15. Л., 1930.
277. *Рудов Л. Н.* Кидани. В сб.: «Дальний Восток». М., 1961.
278. *Рустамов А. К.* О соколиной охоте в Каракумах. ИТФ АН СССР, 1950, № 4.
279. Русско-монгольский словарь. М., 1960.
280. *Рыбаков Б. А.* Русские земли по карте Идриси 1154 г. КСИИМК, вып. 43, 1952.
281. *Рыбин Н. Г.* Озера Казахстана. В кн.: «Очерки по физической географии Казахстана». Алма-Ата, 1952.
282. *Рыбин Н. Г. и Юнусов Г. Р.* Реки Казахстана. В кн.: «Очерки по физической географии Казахстана». Алма-Ата, 1952.
283. *Рычков Н.* Журнал или древние записки путешествия капитана Рычкова в киргиз-кайсацкие степи в 1771 г. СПб., 1772.
284. *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии 1762 г. Оренбург, 1877.
285. *Ас-Саалиби.* Иятимат ад-дахр, III. Дамаск, 1304-1886.
286. *Самойлович А. И.* Богатый и бедный в тюркских языках. ИАН СССР, ООН, 1936. № 4.

287. *Садыкова М. Х.* Тюркоязычные кочевники на территории Южной Башкирии. Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959.
288. *Сваричевская Э. А.* Геоморфология Казахстана и Средней Азии. Л., 1965.
289. *Сваричевская Э. А.* К истории Балхаш-Алакольской впадины. ВЛГУ, 1952, № 7.
290. *Семенов А. А.* Бируни — выдающийся ученый средневековья. (Биографический очерк). В сб.: «Бируни — великий ученый средневековья». Ташкент, 1950.
291. *Семенов В. Г.* Россия, Полное географическое описание нашего отечества, т. XVIII, Киргизский край. СПб., 1903.
292. «Сибирский вестник», 1882, часть XVII.
293. *Сипахи-Аббас ал-Брусави.* Аудах ал-масалик ила марифат ал-булдан вал-мамалик. Рукопись ИВ АН СССР, В-1031.
294. Собрание историй. Маджму ат-таварих. Фотографическая репродукция отрывков рукописного текста, введение, указатели. Подготовил к изданию Тагирджанов. Л., 1960.
295. *Сорокин С. С.* Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы. «Археологический сборник», вып. 8. М.—Л., 1966.
296. *Стариков А. А.* Фирдоуси и его поэма «Шахнамэ». В кн.: *Фирдоуси.* Шахнамэ. Т. I. М., 1957.
297. *Сулейменов Б. С.* Аграрный вопрос в Казахстане в последней трети XIX — начале XX в. Алма-Ата, 1963.
298. Сураг ал-арад ли-ш-Шариф ал-Идриси. Изд. Бахджад ал-Асари и Джазад Ала, Багдад, 1951.
299. *Таскин В. С.* Материалы по истории сюнну. (По китайским источникам). М. «Наука», 1968.
300. *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I, Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
301. *Тихонов Д. И.* Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X—XIV вв. М.—Л., 1966.
302. *Толстов С. П.* Бируни и его время. В сб.: «Бируни». М.—Л., 1950.
303. *Толстов С. П.* Города гузов. СЭ, 1947, № 3.
304. *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
305. *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948.
306. *Токарев С. А.* Ранние формы религии и их развитие. М., 1964.
307. *Трегьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1956.
308. *Трифорова Г. М.* Ветро-энергетические ресурсы Алакольской впадины и использование их в народном хозяйстве. В кн.: «Алакольская впадина и ее озера». Алма-Ата, 1965.
309. *Туманский А. Г.* Новооткрытый персидский географ X столетия и известия его о славянах и руссах. ЗВОРАО, X (1896), 1897.

310. Умняков И. И. Коментарий испанско-арабского географа Исаака Ибн ал Хусейна и его сведения о хазарах и тюрках. ИГГО, № 71, вып. 8, 1939.

311. Умняков И. И. [Рец. на кн.:] Nudud al Alam. The Region of the World. Translated and explained by V. Minorsky. London, 1937.

312. Умняков И. И. Самая старая турецкая карта мира (XI в.). Труды Сам. ГПИ, I, вып. I, 1940.

313. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

314. Филоненко П. И. Морфометрия Алакольских озер. В кн.: «Алакольская впадина и ее озера». Алма-Ата, 1965.

315. Ал-Фирдоуси. Ал-Шахнаме. Изд. Абд-ал-Ваххаба, II. Капр. 1932.

316. Халидов А. Б. Предисловие, в кн.: Абу Рейхан Бируни (973—1048). Избранные произведения, т. II. Индия. Ташкент, 1963.

317. Харузин Н. История развития жилищ у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М., 1896.

318. Хасанов Х. Х. Историко-топонимическая схема Средней Азии. В сб.: «Топонимика Востока», М., 1969.

319. Хасанов Х. Махмуд Кашгарий. (Хадиси ва географи мароси). Ташкент, 1966.

320. Хачатрян М. М. Карта мира, приписываемая ал-Кашгарю. ВЕУ, общественные науки, 1968 (на арм. яз.)

321. Хвальсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абд-Али Ахмеда бен Омара Ибн Даста. СПб., 1869.

322. Хенниг Р. Неведомые земли, т. II. М., 1961.

323. Уинц В. Мусульманские меры веса с переводом в метрическую систему. Пер. Ю. Я. Брегеля. М., 1970.

324. Хриковский В. Шараф ал-Заман Тахир Марвази. Глава о тюрках. ТСВ АН КазССР, т. I, 1959.

325. Чебоксаров Н. Н., Чесноков Л. В. Некоторые проблемы агроэтнографии Юго-Восточной Азии. СФ, 1967.

326. Черник А. Оседлые киргиз-земледельцы на р. Чу. ЭЗСОРГО, кн. XXVII, 1900.

327. Черников С. С. К изучению древней истории Восточного Казахстана. КСНИМК, т. 69, 1957.

328. Черников С. С. Отчет о работе Восточно-Казахстанской экспедиции ИИМК АН СССР, 1953. Архив ИИАЭ АН КазССР, ф. 1, лл. 334—335.

329. Чормачов М. Заметки о киргизах Павлодарского уезда. Б. п. Сиб. отд. РГО, XXXII, 1906.

330. Чуланов Ю. Г. Городище Аксикет. СА, 1963, № 3.

331. Шабиб ал-Харрани. Джамии ал-фуун ва салват ал-махзуи. Рукопись ИВ АН СССР, В-792.

332. Шамс ад-дин Суфи. Нахбат ад-дахр фи алжанб ал-барр ва-л-бахр. Рукопись ИВ АН СССР, В-781.

333. Шаниязов К. Узбеки-карлуки. (Историко-этнографический очерк). Ташкент, 1964.

334. Шаниязов К. Узы. (Из истории родоплеменных делений узбеков). ОНУ, 1970, № 2.

335. *Шахматов В. Ф.* Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964.
336. *Шериф ад-дин Нездиди.* Зафар-наме. Рукопись ГИБ, ИИС-234.
337. *Щигликов А. В.* Заменчивость общей увлажненности материков северного полушария. ЗГО СССР, т. 16, Новая серия, 1957.
338. *Щербак А. М.* Знания на керамике и кирпичках на Серкелде - Белой Вежи. (К вопросу о языке и письменности печенегов). МИА. № 75, 1959.
339. *Щербак А. М.* Огуз-наме. Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М., 1959.
340. *Якубовский А. Ю.* Арабские и персидские источники об уйгурском турфанском княжестве в IX—X вв. ТОВГЭ, т. IV, 1947.
341. *Якубовский А. Ю.* Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X вв. СЭ, 1947, № 3.
342. *Якубовский А. Ю.* Махмуд Газдеви. Сб. «Фирдоуси». М., 1934.
343. *Якубовский А. Ю.* Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. МИУТТ, вып. 3, ч. I. М., 1932.
344. *Янушкевич А.* Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Пер. с польского Ф. Стекловой. Алма-Ата, 1966.
345. *Яхонтов С. Е.* Древнейшее упоминание названия «киргиз». СЭ, 1970, № 2.
346. *Abu Hayyan.* Kitab al-idrak li-lisan al-aturak. Istanbul, 1931.
347. Al-Biruni's Picture of the World. (Sifat al-Mamura ala l-Biruni). Ed. by A. Zeki Validi Togan. MASI, N 53, New Delhi, 1941.
348. Annales quos scripsit Abu Djarfar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum allis ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, t. I—VI. 1879—1890.
349. *Arat R.* Kutadgu bilig, I. Istanbul, 1947.
350. *Awad G.* Historical manuscripts in the Iraq Museum, Sumer. Baghdad, vol. III, No. 1—2, 1957.
351. *Azzavi A.* İbni Hassulün türkler hakkında bir eseri. TTKB, cilt IV, N 14—15, 1940.
352. *Barthold V. V.* Gardizi, EI, 11.
353. *Blachere R.* Extraits des principaux géographes arabes du moyen age. Paris—Beyrouth, 1932.
354. *Bosworth C. E. and Clauson G.* Al-Xwarazmi an the peoples of Central Asia. JRAS, April, 1965.
355. *Boiley H. W.* A Khotanese text concerning the Turks in Kantsou, AM, new series, vol. I, 1949.
356. *Bailey H. W.* Ttaugara. BSOS, vol. VIII, pt. 4, 1937.
357. *Bailey H. W.* Turks in Khotanese texte. JRAS, pt. I, 1939.
358. *Bretschneider E.* Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources, vol. I. London, 1888.
359. *Brockelmann C.* Al-Jakubi, EI, II.
360. *Brockelmann C.* Al-Masudi, EI, III.
361. *Brockelmann C.* Jbn al-Fakih, EI, II.

362. *Brockelmann C.* Geschichte der arabischen Litteratur. I. Weimar, 1898; II, Berlin, 1902; SB. I—III, Leiden, 1937—1942.
363. *Brockelmann C.* Kudama, EI, II.
364. *Brockelmann C.* Mahmud al-Kasgari über die Sprache der Türken in XI Jahr., KCSA, Bd. I, 1921.
365. *Brockelmann C.* Mitteltürkischer Wortschatz nach Mahmud al-Kasgaris Divan lugat al-turk. Budapest—Leipzig, 1928 (BOI 1).
366. *Brown E. G.* A Literary History of Poesia, vol. I, Cambridge, 1902.
367. *Chavannes Ed.* Documents sur les Tou kiue (Tures) occidentaux, Recueillis et commentés par E. D. Chavannes, St.-Pbg., 1903 (CFOO, VI).
368. Chronique de Mâtchien d'Edesse, trad. par M. E. Dulaurier, Paris, 1858.
369. Chronology of ancient nations, an English version of the arabic text of the Athar al-Bakaya of Albiruni or 'Vestiges of the past'. Trans. and ed. with notes and index by E. Sachau. London, 1879.
370. *Clauson J.* Ak-Beshim Sayah, JRAS, London, No. 1, 2, 1961.
371. *Codazzi A.* Il compendio geografico arabo di Ismael ben-Husayn. Roma, 1929.
372. Compendium libri Kitab al-foldan auctore Ibn Fakih al-Hamadani, ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum (BGA, V), 1853.
373. *Dequignes G.* Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mongois et des autres Tartares occidentaux, t. I, p. 2. Paris, 1736.
374. Descriptio imperii moslemici auctore... al-Mokaddasi. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum (BGA, III), 1877.
375. Description de l'Occident Musulman au IV/X siècle, texte arabe et traduction française, avec une introduction, des notes et un index, par Ch. Pellat, Bibliothèque arabe-française, vol. IX, Alger, 1950.
376. *Detremcey C. et Sanguinetti B.* Voyages d'Ibn Batoutah, text arabe, accompagné d'une traduction, t. 2. Paris, 1854.
377. Descriptio imperii moslemici auctore Schamsoddin Abu Abdallah Mouammed al-Mokaddasi. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, ed. 2, 1906 (BGA, III).
378. *Doerfer G.* Türkische und Mongolische elemente im Neupersischen, bd. III (AWL, Bd. XX).
379. *Dorn B.* Auszüge aus vierzehn morgenländischen Schriftstellern, betreffend das Kaspische Meer und angrenzenden Länder, MA, t. VII, 1876.
380. *Dorn B.* Caspia. Über die Einfälle der alten Russen in Tabaristan nebst Zugaben über andere von ihnen auf dem Kaspischen Meere und in den anliegenden Ländern ausgeführte Unternehmungen. St.-Petersbourg, 1875.
381. *Dozy R. et de Goeje M.* Description de l'Afrique et de l'Espagne par Edrisi, texte arabe avec une traduction. Leyde, 1866.
382. Ein türkisch-arabisches Glossar, nach der Leidener Handschrift, Herausg. von M. T. Houtsma. Leiden, 1894.
383. *Eren H.* Kimek ve imek adlari hakkinda, TD, sayi 45, cilt IV, 1955.

384. *Fahd T. Ibn Wahschijya*, EI, new edition, vol. II, Leiden — London, 1969.
387. *Flügel G.* Kitab al-Fibrisi. Nach dessen Tode besorgt von Dr. E. Roediger und Dr. A. Müller. Bd. I—II. Leipzig, 1871—1872.
386. *Fisch J.* Die Arabischen Studien in Europa (bis in den Anfang des 20. Jahrhunderts). Leipzig, 1955.
387. *Gibson A.* Altürkische Grammatik. Leipzig, 1950.
388. Geographie d'Édrisi traduite de l'arabe en français d'après deux manuscrits de la Bibliothèque du Roi et accompagnée de notes par A. Jaubert, t. I—II. Paris, 1836—1840.
389. *Greenard F.* La légende de Sotek Beghra Khân et l'histoire. JA, ser. 9, t. XV, 1900.
390. *Hambis L.* Kasim et Gus-dum. JA, n. 3, 1958.
391. *Hamilton J. B.* Les Ouïghours à l'époque des Cinq dynasties d'après les documents chinois. Paris, 1955.
392. *Hammer M. J.* Sur les origines russes. Extraits de manuscrits orientaux. St.-Petersbourg, 1827.
393. *Haussig H. W.* Die Beschreibung des Tarim Beckens bei Ptolemaios. ZDMG, Bd. 109, 1959.
394. *Henning W. B.* Argi and the «Tokharians». BSOS, vol. IX, pt. 3, 1938.
395. *Henning W. B.* The date of the Sogdian ancient letters. BSOAS, vol. XII, pt. 3—4, 1948.
396. *D'Herbelot.* Bibliothèque orientale, ou dictionnaire universel contenant tout ce qui fait connaître les peuples de l'Orient, t. I, La Haye, 1777.
397. *Herrmann A.* Die älteste türkische Weltkarte, Imago Mundi, Jahrbuch der alten Kartographie, Bd. I. Berlin, 1935.
398. Histoire du sultan Djelal ed-Din Mankobirti prince du Kharezm par Mohammed en-Nesewi. Texte arabe publié d'après le manuscrit de la Bibliothèque Nationale par O. Houdas. Paris, 1891.
399. *Heworth H.* History of the Mongols from the 9th to the 19th century, pt. I, The Mongols proper and the Kalmuks. London, 1876.
400. *Huart C.* Al-Isakhri, EI, II.
401. Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur, ed. Tornberg C. J., vol. I—XIV. Lugduni Batavorum, 1851—1876.
402. *Julien S.* Documents historiques sur les Tou-kioüe (Tures). extraits du Pien-tien, et trad. du chinois. JA, sér. 6, vol. III, 1864.
403. Kitab al-masalik-wal-mamalik auctore Ahyi-Kacim Iba Haukal, ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1873 (BGA, II).
404. Kitab al-masalik wa-l-mamalik auctore... Ibn Khordadbeh, Accedunt excerpta e Kitab al-Kharadj et auctore Kodama ibn Djafar, ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1889 (BGA, VI).
405. Kitab al-alak ar-nafisa auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar ibn Kostah et Kitab al-baldan auctore Ahmed ibn Abi Jaub ibn Wadhah al-Katib al-Jakubi, ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1892 (BGA, VII).
406. Kitab at-tanbih wa-l-ischraf auctore al-Masudi..., ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1894 (BGA, VIII).
407. *Köprülü M. F.* Kay kabilesi hakkında yeni notlar. TTKB, cilt. VIII, N 31, 1944.

408. *Kramers J. H.* Bibliotheca Geographica Arabiorum, Opera Geographica auctore Ibn Haukal «Liber des géographes», Lugduni Batavorum, t. I—II, 1938—1939.
409. *Kramers J. H.* Die Geographica, VI, 88.
410. *Kramers J. H.* Les questions Balhhi — Balhharie. L'Atlas de l'Islam, AG, t. XI, 1931.
411. *Kramers J. H.* Al-Mukeddasi, VI, III.
412. *Kun H.* La langue des Kiptchaks d'après un Manuscrit arabe d'Istanbul... KCsA, Reproduction phototypique, Budapest, 1942.
413. *Kun H.* Orta kiptchakça, k. 1—0 meceleri, TDTHA, I, Ankara, 1950.
414. *Kurdian H.* The Date of the Oriental Geography of Ibn Haukal. JAOS, 54, 1934.
415. *Letewel I.* Géographie du Neveu Âge, I—II, Bruxelles, 1849 (1852).
416. Le livre de la Création et de l'histoire de Mothar ben Tahir el-Maqdisi, attribué à Abou Zaid Ahmed ben Sabh el-Balkhi, Publie et trad. d'après le manuscrit de Constantinople par G. Huard, t. I—VI, Paris, 1899—1919, (PÉLOU, 3e ser., t. XVI—XXII, XXI—XXIII).
417. *Leński T.* Polska Kraya nasiedlone w swietle «kolegi» Rogozina geografa arabskiego z XI w. al Idrisięgo, Czaji I, Krakow, 1945.
418. Liber Mafatih alolum explicans vocabula technica scientiarum tam arabum peregrinorum auctore Abu Adallah Mohammed ibn Ahmed ibn Jusof al-Kalib al-Khowarizmi, ed. indices abjeant G. van Vloten, Lugduni Batavorum, 1895.
419. *Liu Mau-tsi.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe), I—II, Wiesbaden, 1953.
420. *Macquidi.* Les Prairies d'Or, Texte et traduction par G. Barbier de Meynard et Pavet de Courville, t. IX, Paris, 1861—1877.
421. *Marquart J.* Die Chronologie der attischen Inschriften, Leipzig, 1898.
422. *Marquart J.* Osteuropäische und caspiatische Streifzüge, Leipzig, 1903.
423. *Marquart J.* Skizzen zur geschichtlichen Völkerkunde von Mitelasien und Sibirien, Festschrift für F. Hirth zu seinem 75. Geben, 1920 (OAZ, Jg. 8).
424. *Marquart J.* Über das Volkstum der Nomaden, ARGWG, Bd. XIII, N I, 1914.
425. *Meyerhof M.* Die Eigenname Botanik und Pharmakologie des Edrisi, AGMNT, Bd. 12, Heft 3, Leipzig, 1929.
426. *Meyerhof M.* Eine Arzneimittellehre des arabischen Geographen Edrisi, in Festschrift, Heft 28, 1929.
427. *Meyerhof M.* Über die Pharmakologie und Botanik des arabischen Geographen Edrisi, AGMNT, Bd. 12, Heft 1, 1929.
428. *Mehren A. F.* Cosmographie de Chems ed din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimishqui, Texte arabe, publié d'après l'édition commencée par M. Fracha d'après les manuscrits de St.-Petersbourg, de Paris, de Leyde et de Copenhague, Sth., 1838.
429. *Müller K.* Mappae arabicae, Arabische Welt—und Länderkarten des 9—13 Jahr., Bd. I—VI, Stuttgart, 1926—1931.

430. *Minor sky V.* Abu Dulaf Misar ibn Muhallih's travels in Iran (Circa A. D. 950). Arabic text with an English translation and commentary. Cairo, 1955.
431. *Minor sky V.* Addenda to the Hudud al-Alam. BSOAS, vol. XVII, pt. 2, 1955.
432. *Minor sky V.* Ibn Farighun and the Hudud al-Alam. A Locusts Leg. Studies in Honour of S. H. Tagizadeh.
433. *Minor sky V.* Hudud al-Alam. «The Region of the World». A Persian Geography 372 A. H.—982 A. D. London, 1937 (GMS, XI).
434. *Minor sky V.* Sawa, EI, IV. Leiden—Leipzig, 1926.
435. *Minor sky V.* Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. Arabic text (circa A. D. 1120) with an English translation and commentary. London, 1942 (J. G. Forlong Fund, vol. XXII).
436. *Minor sky V.* Tamim ibn Bahr's journey to the Uyghurs. BSOAS, vol. XII, pt. 2, 1948.
437. *Minor sky V.* The Khazars and the Turks in the Akam al-ma-tjan. BSOS, vol. IX, pt. 1, 1937.
438. *Mzik H.* Al-Istahri und seine Ländkarten im Buch «Suwar al-akalim». Wien, Pracher, 1965.
439. *Müller F. W. K.* Ein Doppelblatt aus einem manichäischen Hymnenbuch (Mahrnamag). Berlin, 1913.
440. *Müller A.* Arabische Quellen zur Geschichte der Indischen Medicin. ZDMG, Bd. 34, 1880.
441. *Oman G.* Notizie bibliografiche sul geografo arabo al-Idrisi (XII secolo) e sulle sue opere. AIUON, nuova ser., XI. Roma, 1961.
442. *Oman G.* Notizie bibliografiche sul geografo arabo al-Idrisi (XII secolo) e sulle sue opere. Addenda. AIO, nuova ser., vol. XII, 1962.
443. Opus geographicum auctore Ibn Haukal al-Nasibi... «Liber imaginis terrae», ed. collato texto primae editiones alisque fontibus adhibitis J. H. Kramers, fasc. 1—2, Lugduni Batavorum, 1938—1939.
444. *Pavet de Courteille.* Dictionnaire turk-oriental. Paris, 1870.
445. *Pelliot P.* A propos des Comans. JA sér II, t. XV, 1920.
446. *Pelliot P.* L'édition collective des œuvres de Wang Kuo-wei. TP, t. 26, 1929.
447. *Pelliot P.* Les formes avec et sans q-(k-) initial en turc et Mongol. TP, vol. 37, 1929.
448. *Pelliot P.* Notes on Marco Polo, I. Paris, 1959.
449. *Pelliot P.* Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. Suivies de quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en «ar». Paris, 1949.
450. *Pelliot P.* La ville de Bakhouan dans la Géographie d'Idrisi. TP, serie II, vol. VII, N 5.
451. *Pritsak O.* Die Karachaniden (mit einer genealogischen Tafel), «Der Islam», Bd. 31, 1954.
452. *Pritsak O.* Der Untergang des Reiches des oguzischen Yab-gu. Melanges Fuad Köprülü. Istanbul, 1953.
453. *Pritsak O.* Stammensnamen und Titulaturen der altaischen Völker. UAJ, Bd. XXIV, 1952, H. 1—2.
454. *Pritsak O.* Von den Karluk zu den Karachaniden. ZDMG, Bd. 101 (26), 1951.

455. *Quatremère E.* Notice de l'ouvrage qui a pour titre: *Mesalek alabsar fi memalik alamsar*, «Voyages des yeux dans les royaumes des différentes contrées» (MABR, N 583, Notices et extraits. t. XIII, pt. I). Paris, 1839.
456. *Radloff W.* Aus Sibirien, Bd. I—II. Leipzig, 1884.
457. *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. St.-Petersburg, 1894.
458. *Ramstedt G. J.* Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
459. *Ramstedt G. J.* Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei. JSFOu, vol. XXX, 1913—1918.
460. *Raverty H. G.* Tabakat-i-Nasiri, A. General History of the Muhammadan Dynasties of Asia including Hindustan, from A. H. 194—A. D. 810, to A. H. 658—A. D. 1260. Trans. from Original Persian Manuscripts, vol. II. London, 1881.
461. *Reinaud M.* Géographie d'Abulféda. I, Introduction générale à la Géographie des Orientaux. Paris, 1848.
462. *Reinaud M. et M. de Slane.* Géographie d'Aboulféda. Texte arabe publié d'après les manuscrits de Paris et de Leyde aux frais de la Société Asiatique. Paris, 1840.
463. *Rohr-Sauer A.* Des Abu Dulaf Bericht über seine Reise nach Turkestan, China und Indien. Stuttgart, 1939.
464. *Rubinacci R.* Eliminato codicum e recensio della introduzione al «Libro di Ruccero». Napoli, 1966.
465. *Von Schloezer.* Abu Dolef Misaris ben Mohalhal, de itinere asiatici commentarius. Berolini, 1845.
466. *Seybold C. E.* Al-Idrisi, EI, II.
467. *Sprenger A.* Die Post- und Reiserouten des Orients, Abh. KM, III, N 3. Leipzig, 1864.
468. *Storey C. A.* Persian literature, A bio bibliographical survey, vol. II, pt. I. London, 1958.
469. *Sümer F.* Baivindir, Pecenek ve Yirenciler. Ankara Üniversitesi, Dil ve Tarih-Cografya Fakültesi Dergisi, c. IX, N 2. 3. 4. 1953.
470. *Sümer F.* Kimek. IA, cilt 6, kısım 2, 1954.
471. The geographical part of the *Nuzhat-al-Qulub* composed by Hamd-Allah Mustawfi of Qazwin in 740 (1340), ed. by G. le Strange. Leyden—London, 1915.
472. The *Tarikh-i Baihaki* containing the life of Masaud son of Sultan Mahmud of Ghaznin. Being the 7th, 8th, 9th and part of the 6th and 10th Vols. of the *Tarikh-i Ali-Saboktakeen*, by Aby l-Fazl al-Baihaqi. Ed. by W. H. Morley. Calcutta (BI, vol. 32), 1862.
473. The *Zafarnamah* by Maulana Sharafuddin sic Ali of Yazd. Ed. by Maulawi, Muhammad Iahdad, vol. I. Calcutta, 1887.
474. *Thomsen V.* Inscriptions de l'Orkhon déchiffres. Helsingfors, 1896 (MSFOu, V).
475. *Tomaschek W.* [Рец. на:] M. J. Goeje. De Muur van Gog en Magog. WZKM, Bd. III, 1889.
476. *Togan Z. V.* Ibn al-Fakih'in türklere ait haberleri. TTKB, cilt XXI, N 45, 1948.
477. *Togan A. Z. V.* Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig, 1939 (AKM, Bd. 24, II 3).

478. *Togan A. Z. V.* Umumi türk tarihine giris, I. Istanbul, 1946.
479. *Tria opuscula auctore Aby Othman Amr ibn Bahr al-Djahiz Basrensi*, Ed. G. van Vloten. Leide, 1903.
480. *Ulkültaşir S. Kasgarli Mahmut*. Ankara, 1962.
481. *Vámbéry A.* Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipzig, 1885.
482. *Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Aby Ishak al-Istakhri*, ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1870; ed. 2, 1927 (BGA, I).
483. *Zakariya Ben Muhammed Ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographic, t. I. كتاب عجائب المخلوقات* Die Wunder Schopfung aus den Handschriften der Bibliotheken zu Berlin, Gotha Dresden und Hamburg hrsg. von F. Wüstenfeld, Göttingen, 1849; t. II. *اثار البلاد* Die Denkmäler der Länder, hrsg. von F. Wüstenfeld. Göttingen, 1848.
484. *Zajaczkowski A.* Charakteristika turkow w swietle pismienictwa arabskiego w sredniowieczu. Rozprawy Komisji Orientalistycznej, N 4. Warszawa, 1952.
485. *Zajaczkowski A.* Związki jezykowe polowiecko-slawanskie. Wroslaw, 1949.
486. *Zajaczkowski A.* Vocabulaire arabe-kiptchak de l'epoque de l'Etat Mamelouk, Bulgat al-mustaqa fi lugat at-turk wa-l-qifzaq. Warszawa, 1945.
487. *Zallesski B.* La vie de steppes Kirghises descriptions, recits et contes. Paris, 1865.
488. *Zettersteen K. V.* Beitrage zur Geschichte der Mameluken-sultane. Leide, 1919.
489. *Widengren G.* Mani and Manichaeism. London, 1965.
490. *Wittfogel K. A. and Feng Chia-sheng.* History of Chinese society Liao (907—1125). Philadelphia, 1949 (TAPhS, new series, vol. 36).
491. *Wright R.* The Book of instruction in the elements of the art of astrology by Aby-l-Raihan Muhammed ibn Ahmed Al-Biruni written in Ghaznah 1029. London, 1934.
492. *Wüstenfeld F.* Das geographische Wörterbuch des Abu Obeid Abdallah ben Abd el-Aziz el-Bekri., I—II. Cottingen—Paris, 1876—1877.
493. *Wüstenfeld F.* Geschichte und Beschreibung der Stadt Mekka von Abul-Walid ben Abdallah el-Azraki, t. I. Leipzig, 1858.
494. *Yule H.* Cathay and the way thirther; being a collection of mediaeval notices of China, vol. I. London, 1866.
495. *Yacuts geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St.-Petersburg, Paris, London und Oxford...*, hrsg. von F. Wüstenfeld, Bd. I—VI. Leipzig, 1866—1873.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВАН КазССР	— Вестник Академии наук Казахской ССР
ВДИ	— Вестник древней истории
ВЕУ	— Вестник Ереванского университета
ВЛГУ	— Вестник Ленинградского государственного университета
ГПБ	— Государственная ордена Трудового Красного Знамени Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ГО СССР	— Географическое общество СССР
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЖС	— Живая старина
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗГО	— Записки географического общества
ЗЗСОРГО	— Записки Западно-Сибирского отделения Русского географического общества
ЗНАН	— Записки Императорской Академии наук
ЗИВ АН СССР	— Записки Института востоковедения Академии наук СССР
ИАИ	— Известия Академии наук
ИВ АН СССР	— Институт востоковедения Академии наук СССР
ИГГО	— Известия Государственного географического общества
ИОАИЭК	— Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИООН АН ТаджССР	— Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР
ИРАН	— Известия Российской Академии наук
ИРГО	— Известия Русского географического общества
ИТФ АН СССР	— Известия Туркменского филиала Академии наук СССР
КСНИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР

КСИЭ АН СССР	— Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР
МАЭ	-- Сборник Музея антропологии и этнографии
МИА	-- Материалы и исследования по археологии СССР
МИТТ	-- Материалы по истории туркмен и Туркмении
МИУТТ	-- Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР
МКЭС	— Материалы Комиссии экономического совета
НАА	-- Народы Азии и Африки
ОНУ	-- Общественные науки в Узбекистане
ПВ	— Проблемы востоковедения
ПЛНВ	— Памятники литературы народов Востока
ПС	— Палестинский сборник
СА	— Советская археология
СЕ	— Советское востоковедение
СЭ	— Советская этнография
ТБДАЭ	— Труды Волго-Донской археологической экспедиции
ТВОРАО	— Труды Восточного отделения Русского археологического общества
ТИАЭ АН КазССР	— Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР
ТИЭ	— Труды Института этнографии Академии наук СССР
ТОВГЭ	— Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа
СамГПИ	— Самаркандский государственный педагогический институт
САГУ	— Среднеазиатский государственный университет
ТСВ АН КазССР	— Труды сектора востоковедения Академии наук Казахской ССР
ТТКО ИРГО	— Труды Троице-Исыхтинского отделения Императорского Русского географического общества
ТКАЭЭ	— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
УЗ ХИИИЯЛИ	— Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
ФИТН	— Филология и история тюркских народов. Тезисы тюркологической конференции
ЦГА ЮАН СССР	— Центральный государственный архив Ленинградского отделения Академии наук СССР
ЭВ	— Эпиграфика Востока
AGMNT	— Archiv für Geschichte der Mathematik, Naturwissenschaften und Technik
AKGWG	— Abh. der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen.
АЮ	— Annali Instituto orientale
АКМ	— Abn. für die Kunde des Morgenlandes
АМ	— Asia Major

AO	— Archiv Orientalni
AWL	— Akademie der Wissenschaften und der Literatur
BGA	— Bibliotheca Geographorum Arabicorum
BI	— Bibliotheca Indica
BOH	— Bibliotheca Orientalis Hungarica
BSOS	— Bulletin of the School of Oriental Studies
EI	— Encyclopedie de l'Islam
GMS	— E. J. W. Gibb Memorial New Series
IA	— Islam ansiklopedisi
JA	— Journal Asiatique
JAOS	— Journal of American Oriental Society
JRAS	— Journal of the Royal Asiatic Society
JSFOu	— Journal de la Societe Finno—Ougrienne
KCsA	— Körösi Csoma — Archivum
MA	— Melanges Asiatiques tirés du Bulletin de l'Académie imperiale des sciences de St. Petersbourg
MASI	— Memoirs of the Archeological Survey of India
MSFOu	— Mémoires de la Société Finno—Ougrienne
PELOV	— Publications de l'Ecole des langues orientales vivantes
SB	— Supplementband
SK	— Seminarium Kondakovianum
TAPhS	— Transactions of the American Philosophical Society
TD	— Türk dili
TP	— T'oung Pao
TTKB	— Türk Tarich Kurumu Belleten
UAJ	— Ural-Altäische Jahrbücher
ZDMG	— Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft
WZKM	— Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Источники	10
Глава II. Проблемы этнической истории кимаков	31
Этноним <i>кимаки</i>	—
Кимакские племена	35
Глава III. География страны кимаков	48
Путь к кимакам	—
Страна кимаков	53
Страна кимаков и путь туда по ал-Идриси	68
Расселение кимаков в середине XI века	85
Глава IV. Хозяйство кимаков	88
Глава V. Города и государство кимаков	98
Города кимаков	—
Культура кимаков	108
Кимакское государство	113
Заключение	130
Библиография	132
Список сокращений	153

Кумекон

Булат Ешмухамбетович

ГОСУДАРСТВО КИМАКОВ IX—XI вв.
ПО АРАБСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Утверждено к печати ученым советом Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР

Редактор Л. Ф. Любенко, обложка художника Б. Е. Умарбекова,
худож. редактор А. Б. Мальцев, техн. редактор Л. И. Шашкова,
корректор Л. С. Нестерова.

* * *

Сдано в набор 13/III 1972 г. Подписано к печати 22/VI 1972 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Усл. печ. л. 8,2.
Уч.-изд. л. 9,5. Тираж 2200. УГ 01186. Цена 87 коп.

* * *

Типография издательства «Наука», г. Алма-Ата, ул. Шевченко, 28.
Зак 52.

НЕОБХОДИМЫЕ ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
49	6—7 сверху	... который в свою очередь отождествляет их с двумя средневековы- ми ...	... которые в свою очередь отождест- вляются им (А.Н. Бернштамом) с двумя средневеко- выми ...
127	16 снизу	каий	каиц